

КОРНИ, ПОБЕГИ, ПЛОДЫ...

Мандельштамовские
дни в Варшаве

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Мандельштамовское общество

Кабинет мандельштамоведения
при научной библиотеке

ПОЛЬСКИЙ ПЕН-Клуб

PEN Club

КОРНИ, ПОБЕГИ, ПЛОДЫ...

Мандельштамовские дни в Варшаве

Часть 1

Москва
2015

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
К67

Составители:
П.М. Нерлер, А. Поморский, И.З. Сурат

Редколлегия:
*А.Д. Еськова, О.А. Лекманов, П.М. Нерлер,
А. Поморский, И.З. Сурат*

Художник *В.Н. Хотеев*

ISBN 978-5-7281-1669-1
ISBN 978-5-7281-1679-0 (ч. 1)

© Нерлер П.М., Поморский А.,
Сурат И.З., составление, 2015
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2015

От составителей

Осип Эмильевич Мандельштам родился в Варшаве 3/15 января 1891 г. в семье ремесленника-шорника и торговца кожами Эмиля (Хацкеля) Вениаминовича Мандельштама. Точные метрические записи о рождении поэта, несмотря на многочисленные попытки, обнаружены не были. Вероятней всего, они пропали в годы войны, когда погибло большинство материалов гражданского состояния за 1891 год. Единственный установленный адрес, связанный с семьей О. М., – это адрес Менделя Мандельштама, торговца, проживавшего в одном из еврейских районов Варшавы на ул. Налевки (Nalewki), 19 (степень его родства с О. М. не прояснена).

Поэт прожил в Варшаве недолго – в 1892 г. семья переехала в Павловск. Задокументирован и еще один приезд Мандельштама в Варшаву – с 21 декабря 1914 по 5 января 1915 г., когда он устроился работать в Варшаве санитаром в одном из военно-санитарных эшелонов или госпиталей, но, не справившись с впечатлениями, вернулся в Санкт-Петербург. В годы войны Мандельштам написал несколько стихотворений, в которых упоминались Польша или поляки. Интересно, что одно из них – “Polacy!” – было переведено на польский язык полицейским чином и опубликовано в книге его воспоминаний: этот перевод оказался едва ли не первым переводом Мандельштама на иностранный язык! И в 1920-е гг., и в 1930-е польские реалии нередко встречались в поэзии и прозе Мандельштама.

Первые профессиональные художественные переводы стихотворений О. М. появились в 1934–1935 гг., когда сам поэт уже находился в ссылке. Первым стал перевод «Декабриста», выполненный молодым поэтом В. Слободником, входившим в варшавский круг Дмитрия Философова. С тех пор поэзия О. М. практически непрерывно присутствует в польской литературе.

После того как сам поэт погиб в ГУЛАГе в конце 1938 г., его сочинения еще долго не печатались на родине, и только в 1960-е гг. появились их первые публикации в СССР. В 1950-е и 1960-е гг. в США вышли первые посмертные книжные издания Мандельштама. Откликом на это стали многочисленные переводы стихов и прозы Мандельштама на иностранные языки, в том числе и на польский.

Однако самые первые посмертные переводы мандельштамовских стихов появились в Польше еще до этого издательского бума, сразу же после Второй мировой войны – в 1945–1947 гг., а также в 1956–1957 гг. – на волне послесталинской оттепели. В 1960-е гг. переводы поэзии и прозы Мандельштама на польский язык, как и статьи о его творчестве, стали появляться все чаще. В 1970-е гг. на польский были переведены и запрещенные книги его вдовы – Н.Я. Мандельштам. Польша с ее историческим опытом как никакая другая страна была готова к восприятию Мандельштама, в Польше он оказался своим поэтом – одна из книг Я.М. Рымкевича даже так и называется: «Улица Мандельштама». О. М. стал героем стихотворений и других польских поэтов, в том числе В. Ворошильского, Я. Качмарского и А. Мендзыжецкого. Польский филолог Р. Пшибыльский входил в число близких друзей Н.Я. Мандельштам и был одним из наиболее известных исследователей творчества О.Э. Мандельштама. Именно Пшибыльским изданы первые в Польше однотомники стихотворений и статей О. М. (оба в 1971 г.) и несколько книг прозы в посткоммунистическое время. На польском языке стихотворения О. М. издавались 7 раз в различных переводах и подборках, в том числе «Поздние стихи» в переводе С. Бараньчака в Лондоне в 1972 г. Несколько стихотворений, положенных на музыку, стали в 1970-е гг. народным достоянием благодаря исполнению Евы Демарчик.

9 июня 2008 г. в Варшаве состоялся поэтический вечер Мандельштама, организованный Польским ПЕН-Клубом и Мандельштамовским обществом. В связи с приближавшимся 120-летием со дня рождения поэта в Варшаве

эти же организации выступили с инициативой провести в столице Польши в 2011 г. «Мандельштамовские дни».

Инициатива была поддержана и Мандельштамовским обществом, и Польским ПЕН-Клубом вместе с главными партнерами – Студией Восточной Европы Варшавского университета и Правительством Варшавы, – и «Мандельштамовские дни в Варшаве» успешно состоялись: с 18 по 22 сентября 2011 г. прошли VI Мандельштамовские чтения и два поэтических вечера – в Польском Пен-Центре и в редакции «Газеты Выборча».

А в мае 2012 г. на территории Варшавского университета была открыта первая в мире Улица Мандельштама.

Основу настоящего сборника составили доклады и сообщения, звучавшие в Варшаве на чтениях и вечерах, вошли в него и другие исследования жизни и творчества Мандельштама.

Сборник открывается разделом, озаглавленным «Мандельштам и Польша» и посвященным скрещению судеб русского поэта и польской культуры. В нем две части: первая из них – «Польский венок Мандельштаму» – это избранные стихи польских поэтов – А. Мендзыжецкого, В. Ворошильского, Я. Березина, А. Загаевского, Я. Качмарского, А. Поморского и П. Мицнера, посвященные Мандельштаму, в переводе В. Британишского, И. Булатовского, Н. Горбаневской и Е. Рашковского. Вторая – «Осип Мандельштам в Польше» – содержит статью о второй встрече поэта со своей варшавской родиной в 1914–1915 гг., а также подробную летопись и анализ рецепции творчества Мандельштама в Польше.

Второй раздел сборника посвящен биографии и отчасти библиографии поэта, третий раздел – «Штудии» – составили статьи по проблемам мандельштамовской текстологии и поэтики. В четвертом разделе – «Рефлексии» – собраны разного рода материалы о восприятии Мандельштама в русской культурной истории.

В сборнике представлен широкий спектр голосов и возможных подходов к Мандельштаму – от академических до поэтических.

МАНДЕЛЫШТАМ И ПОЛЬША

Польский венок Мандельштаму

Artur Międzyrzecki / Артур Мендзыжецкий

* * *

A na północ półnagi półbosy
Wyszeptując ustępy z Inferno
Oszalały jedzie Święty Osip
W nieskończoną dal niemiłosierną

Jeszcze kracze kruk nad kroplą krwi
Ale dalej nie ma nic prócz lodu
I przekrzywia eskimoskie brwi
Persefona wilczego ogrodu

1971

* * *

A на север под ветра посвист
Бормоча терцины из "Inferno"
Обезумевший едет Святой Осип
В край кромешный немилосердный

Крячет ворон над каплей крови
Дальше холод ледового ада
И кривит эскимосские брови
Персефона волчьего сада

Перевод Владимира Британишского

© Британишский В., Рашковский Е., Горбаневская Н., Булатовский И., перевод на русский язык, 2014

* * *

Бой колес и конвойных посвист...
Кто-то шепчет строки "Inferno"...
Страстотерпец российский – Осип...
Даль земная – немилосердна.

Только ветры да грай вороний,
Только версты волчьей печали...
Эскимосская Персефона
Молча дышит в стылые дали.

Перевод Евгения Рашковского

* * *

На полуночь полуголый полубосый
И шепча себе терцины из «Инферно»
Обезумевший и святой едет Осип
Нескончаемость пред ним немилосердна

Лед и лед и ничего другого кроме
Над кровинкой громко каркает ворона
По-пермяцки, по-зырянски кривит брови
Сада волчьего хозяйка Персефона

Перевод Натальи Горбаневской

Wiktor Woroszyński / Виктор Ворошильский

OSIP I NADIEŻDA

Poeta jest żebrakiem Ten stan
przystoi mu Nie upokarza W nim
otwarcie i otwartość dłoni Gest
tak zwykły w powietrzu
przejrzystym swego miasta czasu Stuk
kostura po płytach ulicy to jakby
pastorał zachowany spoza
siedemdziesięciu pokoleń
O gdybyż
tak mogło być do końca jeszcze tylu
nie odwiedzonych nie wiedzących Tylu
którzy nie zdążą nie dadzą nie wezmą
Poeta jest żebrakiem Ale już niedługo

Tymczasem
żona żebraka draży skrycie
schowki dla skarbów Konieczny jest pośpiech
Nocą draży i w schowkach pamięci ukrywa
tu obraz senny
tu krzyk na cezurze
tu dystych
*Ja wiernuślia w moj gorod znakomyj do slioz
Do prożiłok do dietskich pripuchszich żelioz*
tu tam rozsuwa rygluje rozkłada
na przyszły blask i przepych
pośmiertne pałace

1910

ОСИП И НАДЕЖДА

Поэт есть нищий Нищенство ему
пристало Он им не унижен
Ладонь его открыта Жест
такой обычный в воздухе прозрачном
этого города этого времени Стук
палки по плитам тротуара как бы тот
сохранившийся посох
из-за семидесяти поколений
О если б
так было до конца Еще ведь столько
неведомых ему не ведающих Столько
тех что уже не успеют уже не дадут не вози
Поэт есть нищий но теперь недолго

Тем временем жена
поэта нищего копает скрытно
тайники для сокровищ Торопится нужно с
Ночью копает и в яминках памяти прячет
здесь сновиденье
здесь крик на цезуре
здесь это двустиишие
Я вернулся в мой город знакомый до слез
До прожилок до детских припухших желез
тут и там она роет работает втайне готовит
будущий блеск и пышность
дворцов посмертных

1971

Перевод Владимира Британишского

EKSPONAT
W MUZEUM LITERATURY

Oni wszystko wiedzieli
o Osipie
rozebranym do naga

W aktach pod szkłem:
owłosione piersi
i brzuch

Jakby szpilką przypięli
trzepotanie motyla
jego zimno i wstyd

Teraz
odchodzą w ciężkich butach i płaszczach
w czarną czeluść wieku

A on stoi
gołym chudym ramieniem podpiera
wałący się świat

Leningrad, wrzesień 1990

ЭКСПОНАТ
В ЛИТЕРАТУРНОМ МУЗЕЕ

Они все знали
О Мандельштаме
раздетом донага

На выцветших страницах дела
волосатая грудь
и срам

Как бы пришили булавкой
зябкость его и стыд
трепыхание мотылька

Теперь они уходят
в тяжелых сапогах и френчах
в черную бездну века

А он стоит
голым худым плечом подпирает
рушащийся мир

Ленинград, сентябрь 1990
Перевод Владимира Британишского

Jacek Bierezin / Яцек Березин

MANDELSZTAM

Zmowa ciemności. Ścisk w pociągu.
I błednąienne sny.
Wszystko gdzieś niknie. Mroźny blask,
Pociąg i sen i my.

Dzisiaj zółw-lira i słońce Epiru.
Czas nędzy majaki gna.
Szczęśliwe wyspy i błękit Hellady,
A jutro pot i strach.

Samowar szumi. Kipi noc wzburzona.
Wstrzymany zegarów bieg.
Czas ruszyć wzorem achajskich mężów
Po złote runo i krew.

Jest święta wyspa gdzie Jenisej huczy,
Gdzie wilk nie kona jak wilk.
Kłami chce walczyć o wolność i życie,
A wkoło pustka. I nic.

Czas przyszedł wilkom przyjaciółom
Serdeczną podawać dłoń.
I wyrwać twarze z sieci utrudzenia,
I oczom dać złudną broń.

Noc od słów gęsta. Kobieta z obrazu
Ma uskrzydłony i lekki krok.
Otworzą jej ciało. Czapkę frygijską
Pochłonie ludzki skowyt i mrok.

* * *

Kto milczy zdaje się zezwalać.
Dzień wyrwał sen z powiekami.
A wrony ścierwo lepkie od krwi
Darły dziobami i szponami.

Już Władywostok. I przerwa w podróży.
A pociąg toczył się dalej.
A mnie się śniły wzgórze Pierii,
Kamiennej i doskonałej.

1970

МАНДЕЛЬШТАМ

Заговор темноты. В поезде давка.
Бледны дневные сны.
Все исчезает. Морозный блеск,
Поезд, и сон, и мы.

Черепаха-лира, солнце Эпира,
Нищее время гонит вас.
Блаженных острова, небо Эллады...
А завтра – пот и страх.

Шум самовара. Ропот кипящей ночи.
Остановленный бег часов.
Зовут, как звали ахейских мύжей,
Золотое руно и кровь.

Есть остров святой, где гудит Енисей,
Где волк не умрет как волк.
Выйдет противу лжи о свободе и жизни,
А вокруг пустота. Ничего.

Время пришло волкам-приятелям
Сердечно руку протянуть,
Вырвать лицо из сетей усталости,
Глаза отвагой обмануть.

Ночь от слов густа. У женщины на картине
Окрыленный и легкий шаг.
Тело ее открыто. Колпак фригийский
Канет в людской визг и мрак.

* * *

Молчанье – знак непрепинания.
День срезал веки у сна.
Вороны, липкие от крови, стерво
Рвали клювами дотемна.

Вот и Владивосток. Последняя остановка.
А вагоны все катятся мимо.
А мне все снятся отроги Пиэрии,
Каменной, неоспоримой.

1970

Перевод Игоря Булатовского

Adam Zagajewski / Адам Загаевский

W encyklopedii znowu zabrakło miejsca
dla Osipa Mandelsztama znów jest
bezdomy ciągle tak trudno o mieszkanie
zameldować się w Moskwie to prawie niemożliwe
przyzywa go Kaukaz huczy
Azji niski las te dni jeszcze nie nadeszły
kto inny kamyki zbiera z czarnomorskich plaż
wciąż trwa nierówne śledztwo choć mundur
nowy ma krój i ciągle inny krągłogłowy
krawiec w ukłonach głębokich kąpie się
Zamykasz książkę huk wystrzału i biały
papierowy kurz łaskocze w nos jest wieczór
łaciński pada śnieg nikt już nie przyjdzie dziś
pora snu lecz gdy zapuka do twych cienkich drzwi
otwórz mu

1982

В энциклопедии опять не хватило места
Осипу Мандельштаму опять он
бездомный квартиру найти так трудно
прописаться в Москве почти невозможно
гулкий призывает его Кавказ
Азии низкий лесок эти дни еще не наступили
кто-то другой собирает камушки на пляже у Черного
моря

скачками всё тянется следствие хоть гимнастерка
по-иному сшита и опять другой круглоголовый
портной купается в глубоких поклонах
Закрываешь книгу раздается выстрел и белая
бумажная пыль щекочет нос вот и вечер
латинский кружится снег никто уж не придет сегодня
спать пора но когда он постучится в твои тонкие двери
открой

1982

Перевод Натальи Горбаневской

Jacek Kaczmarek / Яцек Качмарский

ZMARTWYCHWSTANIE MANDELSZTAMA

Po Archipelagu krąży dziwna fama,
Że mają wydawać Oskę Mandelsztama.

Dziwi się bezmiernie urzędnik nalany:
Jakże go wydawać? On dawno wydany!

Tłumaczy sekretarz nowy ciężar słowa:
Dziś “wydawać” znaczy tyle, co “drukować”.

Powstał mały zamęt w pamięci strażników:
Którego Mandelsztama? Mamy ich bez liku!

Jeden szyje worki, drugi miesza beton,
Trzeci drzewo rąbie – każdy jest poetą.

W oczach urzędników rośnie płomień grozy,
Bo w szwach od poetów pękają obozy.

Przeglądają druki, wyroki – nic nie ma,
Każda kartoteka zmienia się w poemat.

A w tym poemacie – ludzi jak drzew w tajdze,
Choćbyś szczeł, to tego jednego – nie znajdziesz!

Stary zek wspomina, że on dawno umarł,
Lecz po latach zekom miesza się w rozumach.

Bo jak to być może, że ziemia go kryje,
Gdy w gazetach piszą, że Mandelsztam żyje?!

Skądże mają wiedzieć w syberyjskich borach,
Że to “życie” to tylko taka metafora.

Patrzy z góry Osip na te wyspy krwawe
I gorzko smakuje swą spóźnioną sławę.

Monachium, 1987

ВОСКРЕСЕНИЕ МАНДЕЛЬШТАМА

По Архипелагу слух, как телеграмма,
Что, мол, выпускают Оську Мандельштама.

Страшно удивился опер краснорожий:
«Как так выпускают? Мы ж его того же...»

Но генсек новейший отвечает: – Лапоть!
«Выпустить» сегодня значит «напечатать»!

Тяжкая охране досталась работа.
Мандельштам? Который? Их у нас без счета.

Кто деревья валит, кто дороги торит,
Все они поэты, каждый – стихотворец.

Ужасом у вохры налилися взоры.
По швам затрещали от поэтов зоны.

Ищет вохра дело, приговор, решение,
Открывают папку – там стихотворенье.

И людей в нем столько, как на соснах шишек,
Одного-единственного никак не разыщешь.

Утверждают зэки, что давно он помер;
Видно, слишком стары, ничего не помнят.

Мандельштам схоронен? Возможно ли этак?
Про него живого пишется в газетах!

Не понять в тайге им, на амурских сопках,
Что «живой» всего лишь метафора в скобках.

Смотрит сверху Осип на земные шрамы,
Впитывая горечь запоздалой славы.

Мюнхен, 1987

Перевод Натальи Горбаневской

Adam Pomorski / Адам Поморский

* * *

Na niebie piekło komet
I pod ostrzałem gwiazd
Zamarza ptasi pomiot
Na dachach ludzkich miast.

A księżyc jak fanatyk,
Wydarłszy z mroku świata,
Wpatruje się w negatyw
Szaleństwa, zbrodni, zrad.

1975

* * *

Бомбардировкою звездной
И адской кометы огнем
Пикируют птицы на мерзлый
Любой человеческий дом.

А месяц фанатиком ярым,
Весь мир выдирая из тьмы,
Глядит в негативы пожаров,
Безумья, измены, тюрьмы.

1975

Перевод Натальи Горбаневской

Piotr Mitzner / Петр Мицнер

Z POEMATU "MIASTO PIOTRA"

Czekamy na wskazówki sekundantów
Czy dobiegną?

kiedy my we mgle
zrośnięci plecami

Czarna Rzeczka
Druga Rzeczka

– Puszkin!
– Osip!
krzyczą czarne
maski mew

2004

ИЗ ПОЭМЫ «ГРАД ПЕТРА»

Ждем указания секундантов
Добегут ли?

когда мы в тумане
спинами срослись

Черная Речка

Вторая Речка
– Пушкин!
– Осип!
черные чаек
маски кричат

2004

Перевод Натальи Горбаневской

Осип Мандельштам в Польше

Виктор Драницин, Павел Нерлер

К ИСТОРИИ «НЕЛЕПОЙ ПОЕЗДКИ» ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА В ВАРШАВУ В ДЕКАБРЕ 1914 г.

Обзор версий и предположений

Земную жизнь пройдя до середины...

Осип Мандельштам (далее – О. М.) родился в Варшаве, где проживала его родня по отцовской линии. Сын ремесленника и купца второй или первой гильдии, О. М. никогда не жил и не бывал в местечке... И даже Варшава времени его рождения была не тою же самой, какой ее описывал Ицик Башевис-Зингер в своих «Рассказах мальчика, выросшего в Варшаве»¹. Да и помнил ли Мандельштам вообще хоть как-то Варшаву – город, который он оставил в двухлетнем возрасте? Едва ли...

Он (а вернее, его семья) не сидел на месте, и станции «урбанистической карьеры» его детства стали сначала аристократический дворцовый Павловск, а потом и сама столица – великолепный Санкт-Петербург. Именно здесь в годы первой русской революции О. М. познакомился с необычным человеком, который, возможно, и всколыхнул в нем «местечковую» память. Речь идет о *Семене Акимыче Ан-ском*², «родном человеке» в доме Синани, который, как напишет поэт в «Шуме времени», «сутулился от избытка еврейства и народничества» и в котором одном «помещалась тысяча местечковых раввинов – по числу преподанных им советов, утешений» и т. д. Он был представителем «того самого живого местечкового еврейства Западного края

(Могилев, Минск), по направлению к которому и двинулся (в декабре 1914 г. – *Авт.*) из Петрограда в Варшаву, на родину предков отца, в “смесительное лоно”, молодой поэт»³.

А ведь это могло стать и его судьбой!.. Йоселе, уличный голодранец, крошка-хасид со слежавшимися, колющимися пейсиками, первенец Хацкеля, нашего муранувского шорника...

1

Середина июля четырнадцатого года, жара, сушь. Почти полтора месяца как Осип Мандельштам, беззаботный и жизнерадостный, проводит свое двадцать четвертое лето в поселке Котаниеми, что под Выборгом, за чтением Чаадаева, античных авторов и писанием стихов. Когда новость о выстреле в Сараево и об австрийском ультиматуме достигла и сего парадиза, поэт засобиравлся в столицу.

По дороге в Петербург он заехал в Куоккалу, где в гостях у Чуковского 15 июля отметил лаконичным автографом в «Чукоккале»⁴, на следующий день – встретился в Териоках (месте летнего отдыха столичной богемы) с Николаем Гумилевым, с которым «помузицировал» в доме Алперсов, а 17-го, за два дня до объявления Германией войны, был уже дома, на Ивановской улице.

17 июля вернулся в Петербург и Николай Гумилев, до этого находившийся в Териоках неделю. Своей жене, Анне Ахматовой, в этот же день он пошлет открытку еще из «мирного времени» с новостью о своем возвращении, о «манифестации» с Городецким у австрийского посольства и о «музицировании» с Мандельштамом: «Милая Аничка, может быть, я приеду одновременно с этим письмом, может быть, на день позже. Время я провел очень хорошо, музицировал с Мандельштамом, манифестировал с Городецким, а один написал рассказ и вот продаю его. Целую всех. Очень скоро увидимся. Твой Коля»⁵.

О. М. спустя два дня был уже, весьма вероятно, в толпе на Дворцовой, где миниатюрный Николай II торжественно-театрально зачитывал с балкона Зимнего Дворца свой манифест о вступлении России в войну.

А уже на следующий день – в Петербурге и Москве зазвучали призывы к борьбе с немецким засильем в России, сопровождавшиеся гонениями на носителей «немецких» фамилий, грабежом и битьем витрин в «немецких» магазинах, разгромом посольства на Исаакиевской площади 23 июля и т. д. «Немецкая версия» погромов на фоне еще живых воспоминаний о погромах еврейских не могла, думается, не поразить О. М. своей пещерностью. 31 августа Санкт-Петербург переименуют в Петроград (только что не в Петровск), а осенью волна переименований «иностранных названий» докатится уже и до провинции. На фронтах топонимических перевес был явно на русской стороне, чего никак нельзя было сказать о полях сражений.

Война – не зря получившая название Великой и Первой мировой – затрагивала всех и каждого. Не обошла стороной она и семью купца Хацкеля (Эмиля) Мандельштама: его сыновья Шура и Женя вступили во взаимодействие с Воинским присутствием. Осипу призыв в армию не грозил – как старший сын, он был от несения воинской повинности освобожден.

Между тем костер патриотизма все разгорался, и окружение поэта все более «милитаризовывалось». Первым из его друзей – и добровольцем – ушел в армию Гумилев⁶: 24 августа он поступил в лейб-гвардии Уланский Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полк⁷.

Вторым, вероятно, стал поэт-футурист Бенедикт Лившиц – резервист, призванный в армию и определенный в 146-й пехотный Царицынский полк⁸. В сентябре 1914 г. на Невском О. М. столкнулся с ним, Юрием Анненковым и Корнеем Чуковским: «Зашли в ближайшую фотографию, снялись, – вспоминал Лившиц. – У меня сохранился снимок, на обороте которого Мандельштам, когда я уже был в окопах, набросал первую редакцию стихотворения, начинающегося строкою:

Как мягкотелый краб или звезда морская»⁹.

В этом стихотворении – под названием «Европа» – поэт как бы всматривается в мозаичную пестроту европейской карты и ясно видит грядущие в ней перемены, вплоть до возрождения Польши, пусть и не королевской. Тема войны фронтально столкнулась у него с темой Рима и античности, особенно занимавшей О. М. в этот год. Можно сказать, что осенью 1914 г. чаадаевский «Рим» имел для О. М. куда большее значение, чем просто художественный «символ мощи и величественности творческого духа»: в это время он явился для него и своеобразной мировоззренческой призмой, преломившей и определившей во многом его восприятие грозных событий Первой мировой войны.

При этом он, однако, проводит отчетливую грань между тем и нынешним Римом.

Осенью 1914 г. он пишет, например, такое «герметичное» стихотворение, «ура-патриотом» Сергеем Городецким тогда же высокомерно окрещенное «рифмованным вздором»¹⁰:

Ни триумфа, ни войны!
О железные, доколе
Безопасный Капитолий
Мы хранить осуждены?

Или римские перуны –
Гнев народа – обманув,
Отдыхает острый клюв
Той ораторской трибуны;

Или возит кирпичи
Солнца дряхлая повозка
И в руках у недоноска
Рима ржавые ключи?

Называлось это стихотворение почему-то «Перед войной»¹¹, хотя – как показали «расшифровки» современных исследователей – отражало политическую ситуацию в Италии периода уже н а ч а л а Первой мировой войны,

когда Италия, формально входя в Тройственный союз с Германией и Австро-Венгрией, заняла выжидательную позицию нейтралитета, вступив в войну только весной 1915 г. – и уже на стороне Антанты.

Пафос «цикла»¹² сентябрьско-октябрьских «римских» стихов 1914 г., написанных как бы от лица «всемирного гражданина», – почти без изъятия геополитический, а также – где более, а где менее – пацифистский¹³. О. М. явно еще не выработал своего, «недвусмысленного» отношения к войне: последняя из российских войн – с Японией – пришлось на последние его тенишевские годы, гордиться в ней было решительно нечем, и в мальчишеском его сознании она была полностью замещена пафосом революции¹⁴.

Возможно, что именно выработкой такого отношения, поиском своего места в этой российской войне и объясняется в первую очередь событие, приведшее его – прошедшего свою недолгую «земную жизнь» уже до половины – в город, где он появился на свет, – в Варшаву.

2

Задokumentирована эта поездка прежде всего в дневнике Сергея Платоновича Каблукова, старшего друга О. М. с 1910 г.¹⁵, а также в воспоминаниях Г. Иванова и А. Ахматовой.

25 декабря 1914 г. Каблуков записал в своем дневнике: «22-го декабря И.Э. Мандельштам уехал в Варшаву, где по протекции Кузьмина-Караваева¹⁶ надеется попасть в санитары. Всякий его знающий поймет, сколь нелепа и глупа эта затея. 19-го он приехал ко мне внезапно, чтобы объявить о своем решении и проститься. Я начал с того, что нещадно изругал его “последними словами”, ибо истерику иначе не одолеешь. Однако его “истерика” оказалась упрямой. Надеяться, что его не пустили в Варшаву, не приходится, но можно думать, что он, как несомненно умный человек, на месте увидит, что не ему быть санитаром, и скоро вернется к своим обычным занятиям, и вернется, Бог даст, здоровым и целым. Уезжая, 21-го дек<абря>, он по

телефону прощался со мною и просил материальной помощи. Я – пусть это жестоко – отказался наотрез. Разговор был холодный...»¹⁷

Спустя месяц Каблуков случайно узнал, что его упрямый подопечный давно уже находится в Петрограде: «Сегодня (26 января. – *Авт.*) прочел в “Речи”, что И.Э. Мандельштам читал вчера на благотворительном “вечере писателей” в Городской Думе свои стихи <...> Позволив телефоном ему на квартиру, узнал, что он действительно дома, и вызвал его. Сейчас же спросил, когда именно он вернулся из своей нелепой поездки в Варшаву <...> Оказалось, что он уже около 20 дней пребывает дома, пробыв в “санитарах” не более 2-х недель и без всякой чести возвратившись “восвояси”, и скрывает свое возвращение и неудачу. Чувствует себя нездоровым и сегодня уезжает на покой и отдых в санаторию д-ра Рабиновича в Мустамьяках. <...> Таким образом, все мои предсказания сбылись, даже раньше, чем я ожидал. Что же! Он дал себе хороший урок. Подождем его рассказов; они всегда бывают умны и интересны»¹⁸.

Однако никаких «интересных рассказов» от Мандельштама Сергей Платонович, похоже, так и не дождался. По крайней мере, в дневнике последнего эта «санитарная» история никакого продолжения или развития не получила.

Интересно, что практически в те же самые дни (а именно 19 декабря) в Варшаву прибыл со своим эшелон другой человек – русский солдат Василий Мишнин из Пензы, ополченец 3-го Сибирского Стрелкового полка.

Варшава встретила ополченцев снегом, бесконечными вагонами на станции, обманчивой тишиной, «запахом гари, нефти и разного дыма». «Стоим долго, – записывал Мишнин в своем дневнике, – из вагонов выходить нельзя. Не приказано. Мальчишки-евреи продают разную мелочь – конверт с бумагой 1 коп. Готовое напечатанное письмо... Приходит за нами конвой от коменданта, и мы, выстроившись, поротно пошли... Подходим к реке Висле. Висла широка и быстра – волны так и хлещут в высокие берега. Мост Александра II... Пришли в казармы, поместились на

6 этаж»¹⁹. Через несколько дней – 23 декабря: «Пошли в Оружейный склад – получать винтовки... Боже мой, что это такое! Все винтовки в крови, и черная кровь так и висит, запекаясь кусками»²⁰.

На следующий день или через день прибыл в Варшаву и санитар Мандельштам.

3

Мы не знаем, что именно явилось для О. М. решающим поводом для принятия его «внезапного» и «истеричного» решения отправиться в Варшаву, однако психологическая подоплека как будто бы лежит на поверхности: О. М., родившийся в этом городе, не мог не сочувствовать бедствиям польских евреев, оказавшихся с началом войны (как, впрочем, и все «прифронтовые» евреи России) гонимыми и бесправными изгоями²¹.

Известно, что с клеймом «ненадежных элементов» и «внутренних врагов» мирные еврейские жители выселялись со всех прифронтовых территорий и т. д.

Самым первым – уже в начале августа 1914 г. и вместе с местными немцами – было выселено еврейское население городка Яновца Радомской губернии, чуть позже – население посада Рыки (по-видимому, той же губернии), а также Мышенка Ломжинской губернии и Новой Александрии Люблинской губернии (последние – дважды: 23 августа и в начале сентября 1914 г.). В октябре все евреи были выселены из местечек Пясечна, Гродзиска и Скерневиц Варшавской губернии; в частности, из Гродзиска было выселено 4000 чел. Позднее им разрешили вернуться, но в январе 1915 г., вместе с еврейскими жителями еще приблизительно 40 поселений губернии, они были выселены вновь (причем, как в случае с жителями Сохачева, из их числа брались и заложники, некоторые из которых были повешены!). К концу 1914 г. в одной Варшаве уже насчитывалось свыше 80 тыс. беженцев и выселенцев-евреев²².

Валентин Парнах²³ был одним из свидетелей такого рода картин: «Еврейских бедняков изгоняли из прифрон-

товых губерний, увозили в скотных вагонах, помеченных надписью “40 евреев, 8 лошадей”. На этих отверженных тяготело проклятье; запрещено было оказывать им помощь. Случалось, что губернатор той области, куда их направляли, не желал их принимать и отсылал обратно. Тогда первый губернатор возвращал их второму, и оба принимались играть в мяч, пересылая друг другу “унутренних врагов”. Так в этих подвижных тюрьмах перевозилось мясо для погрома»²⁴.

«Сердце разрывается от заглушенных стонов еврейства, от воплей тысяч изгнанников Гродзиска, Скерневиц и др., вытолкнутых из родных гнезд “родною” русскою властью после ухода германцев», – читаем запись в дневнике историка С.М. Дубнова (ноябрь 1914 г.)²⁵.

Польские же антисемиты, пользуясь предвзятым отношением как русского, так и немецкого командования к евреям как к «ненадежному элементу» и «унутреннему врагу», н е м е ц к о м у командованию докладывали, что польские евреи прифронтовой полосы шпионят в пользу русских, а р у с с к о м у – что они шпионят в пользу немцев. В результате «пограничные» евреи оказывались жертвами с обеих сторон, вечными беженцами, депортантами и переселенцами.

Одним из мест, где скапливались евреи из прифронтовых губерний, стала Варшава. С середины октября еврейский еженедельник «Новый Восход» печатал отчеты о работе Еврейского санитарного комитета в Варшаве, состоявшего, по его данным, в основном из студентов-медиков и людей, имевших специальную медицинскую подготовку²⁶.

В декабре 1914 г. журнал констатировал: «Грубый роман русского черносотенца с польской антисемитской кликушей успел уже принести плод самого подозрительного свойства. <...> Яростно выдвигается новое против нас обвинение, самое страшное по нынешнему военному времени, обвинение в предательстве и шпионаже. Польские евреи будто бы сносятся с германцами и австрияками, встречают их отряды хлебом-солью, посылают в Германию

золото “в гробах”, а то и в “гусиных кишках” <...> сообщают им по телефону секретные сведения о месте нахождения русских войск и числе их, сигнализируют при помощи ветряных мельниц или флагами... Бесчисленное множество анонимных доносов на евреев, по свидетельству самих властей, по проверке оказываются лишенными всяких оснований – и, тем не менее, клевета продолжает расти и шириться»²⁷.

Передовица того же номера призывала: «Помощь польским евреям – ВСЕЕВРЕЙСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДЕЛО. Это святая обязанность, труд милосердия народного – а заодно да будет эта помощь подвигом еврейской души, великим действием национальной обороны».

Заметим, что цитируемый нами сдвоенный номер «Нового Восхода», почти целиком посвященный польско-еврейским отношениям, вышел 19 декабря, как раз в тот день, когда О. М. внезапно явился к Каблукову, чтобы объявить о своем «истерическом» решении. Данное совпадение могло быть, впрочем, и простой случайностью, поскольку у Мандельштама и помимо «Нового Восхода» было достаточно источников для получения и впитывания информации из прифронтовой зоны – и далеко не только из газет и журналов²⁸.

4

В середине декабря 1914 г. и в российской столице был открыт лазарет Петроградской еврейской общины, куда раненых доставляли с распределительного пункта Варшавского вокзала спецотряды, в одном из которых работал младший брат Осипа, Евгений, в то время семнадцатилетний гимназист Тенишевского училища.

Евгений Эмильевич позже напишет в своих воспоминаниях о том, как в начале войны усилиями гимназистов «был организован Центральный лазаретный комитет», в работе которого он принимал самое активное участие, пройдя сначала курсы санитаров, а затем братьев милосердия. Санитаром он работал в 11-м городском лаза-

рете, в котором Тенишевское училище содержало на свои средства двадцать коек.

О своей работе с ранеными в лазарете он, в частности, пишет: «Я мыл поступающих раненых, стриг их, очищал от вшей <...> занимался и тем, что сейчас называется культработой: писал письма раненым, читал им книги, ходил с ними на экскурсии...»

И далее – о братьях (Осипе и Александре): «Братья ни разу не побывали в моем лазарете. Они продолжали жить своей привычной жизнью: к войне и к событиям в стране относились без особого волнения, достаточно пассивно»²⁹.

Прав или не прав был Е.Э. Мандельштам в оценке тогдашнего отношения О. М. к военным событиям – факт остается фактом: «пассивное» отношение О. М. к санитарной работе младшего брата в петроградском лазарете не помешало ему задолго до этого принять неожиданное решение самому стать санитаром, – а как раз об этом знаменательном факте в воспоминаниях Е.Э. Мандельштама даже не упоминается.

Военно-санитарные поезда – это, в сущности, стационарные госпитали на колесах, размещавшиеся как на передовой, так и в тылу³⁰. Для многих еврейских добровольцев, пусть формально и невоенных, таких как и О. М., они представлялись оптимальной формой личного участия в войне³¹. Тем самым они играли важную роль и в коллективном еврейском участии в ней.

Между тем О. М. успел попасть на один из военно-санитарных или филантропических поездов Варшавского направления буквально за несколько недель до выхода весьма секретного приказа Управления начальника Санитарной части армий Юго-Западного фронта от 4 января 1915 г. за № 6, который предписывал в целях «предотвращения антиправительственной пропаганды евреями – врачами и санитарями, для прекращения преступной пропаганды в санитарных поездах – воспретить зачислять в санитарные поезда и в другие подобные учреждения евреев-врачей и санитаров, отправляя указанных лиц в

такие места, где условия менее благоприятствуют развитию пропаганды, как, например, на передовые позиции, на работы на перевязочных пунктах, уборку раненых с полей сражения и т. д.»³².

В качестве «шпиона» или «антиправительственного пропагандиста» О. М. представить, конечно, трудно, а вот что касается уборки раненых с полей сражений или ухода за ними в полевых или стационарных условиях, то не исключено, что этим ему довелось позаниматься – и безо всяких «секретных» на то предписаний.

Барон Н.Н. Врангель³³ – известный Мандельштаму соредактор «Аполлона» в начале 1910-х гг., а с осени 1914 г. уполномоченный санитарного поезда Западного фронта (вероятней всего, именно в этом поезде О. М. и находился) – в своем путевом дневнике описывает такую кошмарную картину: «Кельцы. 14 ноября. <...> Поехав в город для принятия раненых я сразу попал в обстановку Дантова ада. Недавние бои, накрошившие человеческое мясо, вывели из строя свыше 18 тыс. человек только в районе Мехова. Здесь в лазаретах на 200 человек помещается 2500 стонущих, кричащих, плачущих и бредящих несчастных. В душных комнатах, еле освещенных огарками свечей, в грязной соломе валяются на полу полумертвые люди. <...> Перевязочного материала нет и <...> нельзя даже делать ампутаций из-за отсутствия марли и ваты...»³⁴

А вот свидетельство упомянутого выше «отца еврейской этнографии» С.А. Ан-ского. В те дни, когда О. М. был в Варшаве, Ан-ский находился на Волыни, в Ровно: «1915 год, 1-го января. Ровно. <...> Познакомился с симпатичным военным врачом Кон, жена которого работает сестрой в лазарете. Пригласили завтра придти в лазарет, посмотреть, как он оборудован.

2-го января. <...> Был в перевязочной. Делали перевязки 218 австрийцам, только что привезенным. Какие страшные раны. Входное отверстие маленькое, выходное – огромное. Это наши остроконечные пули. При столкновении с препятствием начинают вертеться во все стороны.

Показали мне раненого 11-ю штыковыми ударами. Выживает.

На перевязочном столе лежал австриец с отрезанной по колено ногой. В ожидании перевязки нога была обнажена. Торчала кость и кусок красного мяса, которое нервно дрожало. Ничего ужасающего в этом не было. Мясо. А вот рука, в которой вырвана вся поверхность между пальцами и кистью, произвела впечатление: это не торчащий кусок мяса, а рана, окруженная живыми частями тела.

3-е января. Снова был в лазарете. Сколько страданий. Одни перевязки сколько доставляют мучений. Вот, например, «легко-раненный». Пуля пробила мякоть ноги, мошонку и мякоть второй ноги. Марли приходится протягивать сквозь всю рану»³⁵.

А вот продолжение «варшавского дневника» солдата из Пензы Василия Мишнина, который еще до своего участия в боях предавался таким «непатриотическим» размышлениям: «26 декабря 1914: Как хорошо было раньше, в тепле, закуска, выпивка, гости и веселье – и невольно слезы горькие капаят из глаз. <...> Зачем так судьба нас забросила в такую даль и для чего? Чтобы лишить нас жизни, которая дана Богом и которую только один Бог и может взять».

В начале января 1915 г. рота Мишнина попала под обстрел немцев: «Взрыв – еще, еще. Бегут двое, кричат санитаров. Они все в крови, по щекам и из рук течет что-то сквозь повязки. Убило, разорвало. Крик, стоны, а земля дрожит от артиллерийского огня. <...> Взводный наш и отделенный побегли куда-то в лес спастись, а куда убежишь, когда он по лесу бьет шрапнелью. Тащу свою винтовку, как палку. Какое-то нервное сотрясение мозга. <...> Господи, да неужели ты там сидишь и ничего не слышишь и не видишь?»³⁶

Свидетелем подобного рода картин вполне мог быть в конце декабря – начале января и санитар Мандельштам. Другое дело, мог ли впечатлительный поэт (а поэт – «существо с удвоенной, удесятеренной, утысяченной чувствительностью», как сказал один из его тогдашних дру-

зей³⁷) «сосредоточенно и энергично работать»³⁸ в «обстановке Дантова ада» в течение целых суток, как это делали подготовленные студенты-медики из того же Еврейского санитарного комитета в Варшаве?

Вопрос почти что риторический. Попытки примерить на себя санитарную робу предпринимали, как известно, и другие юные жрецы Аполлона (в том числе и ряд знакомых О. М.), но, как правило, все терпели в несвойственной для себя роли – мягко говоря – все ту же «неудачу».

Имевший в среде столичной «богемы» репутацию *дэнди*, восемнадцатилетний поэт Леонид Каннегисер³⁹, например, вынужден был отказаться от решения стать санитаром уже после того, как провел лишь несколько часов в привокзальной перевязочной.

«...При мне сняли повязку, и я увидел на его [раненого] ноге шрапнельную рану в пол-ладони величиною, – писал он в своем дневнике, – все синее, изуродованное, изрытое человеческое тело; капнула густо кровь. Доктор сбрил вокруг раны волосы. Фельдшерица готовила повязку. Двое студентов тихонько вышли. Один подошел ко мне, бледный, растерянно улыбаясь, и сказал:

– Не могу этого видеть.

Раненый стонал. И вдруг он жалобно попросил:

– Пожалуйста, осторожней.

Я чувствовал содрогание, показалось, что это ничего, и я продолжал смотреть на рану, однако не выдержал. Я почувствовал: у меня кружится голова, в глазах темно, подступает тошнота. Я б, может, упал, но собрался с силами и вышел на воздух, пошатываясь, как пьяный. И это может грозить – мне...»⁴⁰

Ровесник О. М., его знакомый по «Цеху поэтов», поэт Николай Бруни⁴¹ добровольцем ушел на фронт и, как «белобилетник», записанный в санитары⁴², так – по горячим следам – описывал свои впечатления от дежурства в варшавском госпитале: «Тяжелее всего ночью. Темно-синие окна, свет зеленой лампочки в палате и мертвенные лица раненых. Так душно, что страшно

потерять сознание, душно от тяжелого запаха гнойных ран <...>

Видишь исхудалое обезумевшее лицо:

– Вперед, вперед! Наступать надо, нельзя отступить!

В углу, с последней кровати, поднимается конногвардеец и манит своей единственной рукой...

Я подбегаю, стараюсь обнять его, чтобы уложить снова на кровать...

И вдруг холодный, костлявый кулак звонко падает на мою голову, и я чувствую сильную боль в переносице. <...>

Иногда бывало, что сразу несколько человек в палате поднималось с кроватей с искаженными лицами:

– В атаку, в атаку! Ура!

Скованные движения, языки заплетаются, бледные лица, освещенные зеленым светом лампочки. Жутко видеть это сражение. Точно в подводном царстве живешь...»⁴³

В феврале 1915 г. в одном из столичных еженедельников поэт Георгий Адамович⁴⁴ опубликовал рассказ, сюжет которого вполне мог быть навеян «нелепой поездкой» О. М. в Варшаву (с О. М. Адамович был, хотя и шапочно, знаком с осени 1912 г. – встречаясь с ним в университетском романо-германском семинарии, «Бродячей собаке», позже в «Цехе поэтов»).

Сюжет рассказа незамысловат: главный герой его, некий молодой человек, без определенного рода занятий, вдруг, движимый патриотическими чувствами, решается ехать в Варшаву санитаром, но – в первый же день на перевязочном пункте – показывает себя абсолютным неумехой, не могущим справиться с обычной, рядовой перевязкой. Будучи отчитан по первое число главврачом госпиталя, молодой человек в расстроенных чувствах идет куда глаза глядят, попадает под бомбежку и в итоге нелепо погибает⁴⁵.

Существует, впрочем, и другая, «романтическая», так сказать, версия о причинах польского вояжа О. М., которую поведал нам Георгий Иванов в своих «Петербургских зимах»: «Раз Мандельштам должен был срочно ехать в Варшаву. Он был влюблен (разумеется, безнадежно).

И от этой поездки зависела как-то (или ему казалось, что зависела) “вся его судьба”. Было военное время, но он проявил небывалую энергию и выхлопотал все пропуска и разрешения. Но в хлопотах он забыл о “пустяшном” – деньгах на поездку.

Ему надо было – “непременно, или умереть”, – быть в Варшаве к определенному сроку. И вот – нет денег. И полная, абсолютная невозможность их достать. Я столкнулся с ним в дверях одной редакции, где “высоко ценили” его “прекрасное дарование”, но аванса, конечно, не дали. Он сказал тогда:

– Я только теперь понял, что можно умереть на глазах у всех, и никто даже не обернется...

В Варшаву он попал все-таки – его взял в свой санитарный поезд покойный Н.Н. Врангель. В Варшаве с его “судьбой” произошла какая-то катастрофа – Мандельштам стрелялся, конечно, неудачно⁴⁶. Отлежавшись в госпитале – он вернулся в Петербург. На другой день после его приезда я встретил его в “Бродячей собаке”. Давясь от смеха, он читал кому-то четверостишие, только что им сочиненное:

Не унывай,
Садись в трамвай,
Такой пустой,
Такой восьмой...»⁴⁷

Иных свидетельств, подтверждающих «романтическую» версию польского вояжа О. М., нет. Свидетельству же Г. Иванова мы вольны как не верить, учитывая то, что в своих беллетризованных мемуарах он не гнушался, по собственному признанию, нарочитых «фантазий» и вольных отступлений от фактов, но вольны и верить, памятуя о том, что в 1913–1914 гг. Юрочка Иванов был как-никак одним из ближайших друзей О. М. и что некоторые из его самых невероятных «фантазий» позднее находили и неожиданное документальное подтверждение.

Кроме этого, нельзя исключить и того, что и от Кабукова, и от Г. Иванова (да и только ли от них?) Мандельштам утаил действительные причины своего спешного отъезда в Польшу⁴⁸.

Л.Ф. Кацис, видимо, исходил именно из этой посылки, когда предложил в своей монографии о поэте собственную, «библейскую», условно говоря, версию поэтического осмысления Мандельштамом своего польского вояжа. Она основана на остроумной расшифровке «тайнописи» следующего стихотворения О. М., написанного предположительно в первой половине 1915 г.:

От вторника и до субботы
Одна пустыня пролегла.
О, длительные перелеты!
Семь тысяч верст – одна стрела.

И ласточки, когда летели
В Египет водяным путем,
Четыре дня они висели,
Не зачерпнув воды крылом⁴⁹.

Л. Кацис прочитал это стихотворение «сквозь призму» Пятикнижия⁵⁰, главы которого читались иудеями «в режиме замкнутого недельного цикла». Так, «с субботы 19 декабря по субботу 26 декабря читалась глава Ваэхи, посвященная смерти и похоронам отца Иосифа и возвращению последнего в Египет»⁵¹, а с 27 декабря по 2 января – отрывок из первой главы Исхода, в котором новый царь Египта высказывал недоверие к «расплодившимся» и «размножившимся» в Египте «сынам Израиля», обращаясь к соплеменникам: «Вот народ сынов Израиля многочисленнее и сильнее нас. Давайте перехитрим его, а то умножится он, и, случись война, присоединится он к неприятелям нашим и будет воевать против нас...»⁵²

Проводя параллель между отношением поляков к евреям в Польше – на момент поездки О. М. – с отношением к

евреям египтян в Древнем Египте, Л.Ф. Кацис сделал вывод о том, что О. М., для которого, по мнению исследователя, всегда «были актуальны любые библейские коннотации его собственного имени», своей небезопасной поездкой выразил своеобразную «б и б л е й с к у ю а н а л о г и ю»: поездка поэта в Варшаву, таким образом, «выступала параллелью исхода евреев из Египта, а возвращение в Петроград могло соответствовать возвращению в Египет»⁵³.

Отдавая должное ассоциативной креативности и последовательности Л.Ф. Кациса, следует заметить, что идея «библейской аналогии» применительно к этой поездке пришла в голову поэта, скорее всего, уже *postfactum*, спустя несколько месяцев «покоя и отдыха», после чего и нашла выражение в достаточно герметичном и эпическом стихотворении с оригинальной и далеко не всем очевидной аллегорией⁵⁴.

Может быть, поэт таким своеобразным образом пытался «оправдать» или «переоценить» – задним числом – свою «неудачу»?

Или он все-таки держал в голове «библейскую аналогию» своей поездки уже в декабре 1914 г.?

Если это и так, то едва ли именно этот – достаточно, надо признать, умозрительный – мотив явился для поэта определяющим в его решении.

Как бы то ни было, не приходится сомневаться в том, что жалеть о принятом решении и о попадании туда, где от зрелища «кричащих, плачущих и бредящих несчастных» волосы вставали дыбом и где, по признанию О. М. Анне Ахматовой, его «поразило гетто»⁵⁵, жалеть об этом, как и жалеть о своей «неудаче», у поэта не было никаких оснований: в любом случае он попробовал сделать то, к чему искренне стремился, но чему соответствовать он не мог.

¹ См., например, великолепные образчики этой биографической прозы в журнале «Лехаим» за 1995 г.

² Ан-ский Семен Акимович (наст. имя Раппопорт Шлойме-Зейн-вил Аронович; 1863–1920) – русско-еврейский писатель,

драматург, сочетавший в себе, по словам О. М., «еврейско-го фольклориста с Глебом Успенским и Чеховым» («Шум времени», главка «Семья Синани»). В 1880-е гг. проповедовал народнические идеи. В 1890-е гг. жил за границей, был личным секретарем философа-народника Петра Лаврова. Стал одним из организаторов партии социалистов-революционеров. В России в начале XX в. сотрудничал с одним из «провозвестников» первой русской революции Гапоном. В годы реакции занимался просветительской деятельностью, сбором еврейского фольклора в черте оседлости, решая задачу «спасения» и «созидания» еврейского народа.

³ *Кацис Л.* Осип Мандельштам: мускус иудейства. Иерусалим; М., 2002. С. 63.

⁴ 15 июля датирован автограф его стихотворения в «Чукоккале»: «Нет, не луна, а светлый циферблат...»

⁵ *Гумилев Н.С.* Полн. собр. соч. М., 2007. Т. 8. С. 182.

⁶ При этом еще с 30.10.1907 г. у него имелся «белый билет» — освобождение от воинской повинности.

⁷ Впоследствии он служил прапорщиком 5-го гусарского Александринского полка.

⁸ Оба — и Гумилев, и Лившиц — были награждены за участие в боевых действиях Георгиевскими крестами.

⁹ *Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец. Л., 1989.

¹⁰ *Городецкий С.* Стихи о войне (в «Аполлоне») // Речь. 1914. 3 нояб. С. 7.

¹¹ См.: Аполлон. 1914. № 6–7 (август–сентябрь). В состав второго «Камня» вошло без заглавия, в сборнике стихотворений О. М. 1928 г. — под заглавием «1913».

¹² Но цикла достаточно условного, стихотворения которого не объединены какой-то одной сквозной идеей и до сих пор вызывают у комментаторов диаметрально противоположные толкования.

¹³ О пропольском звучании стихотворения “Polacy!” в 1910-е и 1920-е гг. см. в работах А. Поморского.

¹⁴ Неслучайно первое переосмысление Русско-японской войны придет только в 1930-е гг. («Когда в далекую Корею...»).

¹⁵ Каблуков Сергей Платонович (1881–1919) — педагог, секретарь Религиозно-философского общества в Петербурге в

1909–1913 гг. С Мандельштамом, «молодым поэтом-лириком», познакомился летом 1910 г. в Финляндии (накануне первой публикации О. М. в «Аполлоне»), на какое-то время став «духовным отцом» молодого поэта, который именно в начале 1910-х гг. – при фактическом разрыве отношений с родным отцом – испытывал сильную «потребность, чтобы, – как напишет Н.Я. Мандельштам с его слов, – рядом был кто-то старший» (*Мандельштам Н.Я.* Вторая книга. М., 1999. С. 33).

¹⁶ Кузьмин-Караваев Дмитрий Владимирович (1886–1959) – юрист по образованию, первый муж поэтессы Е.Ю. Кузьминой-Караваевой (урожд. Пиленко, будущей *матери Марины*), троюродный брат поэта Н.С. Гумилева. С Мандельштамом был знаком по «Цеху поэтов», где в 1912–1913 гг. выполнял роль «стряпчего». В годы войны был уполномоченным одного из санитарных поездов Варшавского направления. Этот поезд, «Петроград – Польша», готовился участниками круга Религиозно-философских собраний. «Всем миром» полякам собирались одежда, деньги и т. д. Тогда же представители еврейской общины Петрограда обратились к организаторам поезда с просьбой указать, что помощь предназначена и польским евреям, что и было выполнено. Об этом писали не только в еврейской печати, но и в «Речи» (где об этом сообщил сам Кузьмин-Караваев). Имелись и другие поезда, оплаченные еврейскими филантропами. О. М. не был ни военнообязанным, ни вольноопределяющимся, поэтому, по предположению Л. Кациса, в Варшаву он мог отправиться только на одном из «гражданских» санитарных поездов.

¹⁷ О.Э. Мандельштам в записях дневника и переписке С.П. Каблукова // Мандельштам О. Камень / Подгот. Л.Я. Гинзбург, А.Г. Меца, С.В. Василенко, Ю.Л. Фрейдина. Л., 1990. С. 249. (Лит. памятники).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Дневник военных походов солдата В.А. Мишнина (20 августа 1914 г. – 27 сентября 1915 г.). Из личного архива художника Н.Н. Волохо / Публ.: Е.В. Мануйлова и В.И. Мануйлов // Земство. 1994. № 3. С. 88–90.

²⁰ Там же. С. 90.

²¹ В этом смысле куда более «истеричным» и непредсказуемым – в сравнении с решением О. М. – выглядит, например, решение его сверстника Бориса Пастернака вступить волонтером в ряды французской(!) армии: «Наступил такой день, – писал он родителям 21 августа 1914 г., – когда я твердо решил как-нибудь пробраться в Бельгию или во Францию и поступить добровольцем туда. Почему не в нашу армию? Наше положение несравненно счастливее угрожаемого немцами Парижа» (*Пастернак Б. Письма к родителям и сестрам. 1907–1960. М., 2004. С. 110*).

«Долг семьянина», впрочем, не позволил Б. П. осуществить это решение. К тому же в регулярные войска по французским законам иностранцы не допускались: Борис в лучшем случае мог попасть волонтером лишь в Иностранный легион, содержащийся, по свидетельству Зиновия Пешкова, в самых отвратительных условиях: «Там просто ужасно, – писал приемный сын Горького писателю Александру Амфитеатрову. – У них [волонтеров] нет даже формы. Отвратительная грязь. Все больны. У кого уши, у кого дизентерия. Я видел, что они потеряли мужество, худые, бледные. Они проклинают всё и всех. А большинство этих людей прибыли сюда переполненные энтузиазмом, в патриотическом порыве, покинули свои семьи, родителей, работу» (*Пархомовский М. «Предводимые евреем-революционером» (о русских добровольцах во Франции) // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1993. Вып. 2. С. 579–584*).

²² *Вермель С. Роль администрации в выселении евреев // РГАЛИ. Ф: 119.*

²³ Парнах Валентин Яковлевич (наст. фам. Парнох; 1891–1952) – поэт, переводчик, хореограф, пионер советского джаза, брат поэтессы Софьи Парнок и писательницы Елизаветы Тараховской. В 1911–1912 гг., в одно время с Мандельштамом, обучался в Санкт-Петербургском университете, но, в отличие от О. М., в университете не прижился, придя к убеждению «в ничтожестве царского профессорья». С 1915 по 1922 г. жил в Париже, где выпустил свой первый

поэтический сборник «Самум» (свои первые стихи публиковал еще в России: в журналах «Гиперборей» и «Любовь к трем апельсинам»). В 1922–1925 гг. жил в Москве, первое время по соседству с Мандельштамом и его женой, выступал с джаз-концертами, работал хореографом в Театре Мейерхольда. Считается основным прототипом Парнока, героя повести Мандельштама «Египетская марка». Подробнее о нем см. вступительную статью П.М. Нерлера к указанным ниже воспоминаниям.

²⁴ *Парнах В.* Пансион Мобер: Воспоминания / Публ. и комм. П. Нерлера и А. Парнаха // Диаспора. Париж; СПб., 2005. Вып. 7. С. 37. При этом Валентин Парнах ни минуты не раздумывал, идти ли ему «рука об руку с русскими» на защиту «святой Руси» – «в надежде на завоевание для себя равенства и свободы»: «Служить в царской армии было бы для меня равносильно позорнейшей пытке, – писал он в мемуарах, вспоминая то время. – Как? Валяться во вшах, в моче? Убивать людей за поповский крест, за мошну купчины, за кнут, который вас стегает?» (Там же).

²⁵ *Дубнов С.М.* Книга жизни: Воспоминания и размышления. Иерусалим; М., 2004. С. 370.

²⁶ См., например: Новый Восход. 1914. № 48. С. 20.

²⁷ Новый Восход. 1914. № 50–51. 19 дек. С. 1.

²⁸ Например, из журнала «Евреи и война».

²⁹ *Мандельштам Е.Э.* Воспоминания // Новый мир. 1995. № 10. С. 137–138. Хотя О. М. и не писал плоских «ура-патриотических» стихов (как, например, тогдашние «лукоморцы» Сергей Городецкий и Георгий Иванов) и в целом смотрел на войну с «историософской», так сказать, точки зрения – как на своеобразное «орудие исторического разума», – это не мешало ему, однако, отнюдь не «пассивно» выступать на импровизированных вечерах «Поэты – воинам» и даже самому их организовывать в родном Тенишевском училище. Известно, что накануне своей «нелепой поездки» в Польшу, 15 декабря, О. М. был участником (вместе с Анной Ахматовой и другими поэтами) «военно-патриотического» вечера в салоне Федора Сологуба, где читал, в частности, свое стихотворение «Реймс и Кельн» –

«о Кельнском соборе, брате Реймского собора, который тоскует о разрушении последнего» (*Беренштам* Вл. Война и поэты // Русские ведомости. 1915. 1 янв.).

- ³⁰ Многочисленные материалы о них хранятся в фондах Российского государственного военно-исторического архива в Москве (фонды № 11613–11725), но все предпринятые попытки найти в его фондах хотя бы упоминание О. М. к успеху не привели (благодарим Н.Л. Побоя за эти попытки).
- ³¹ Л.Ф. Кацис обратил внимание на то, что многие заметки с фронта, рассказывавшие об участии евреев в войне и публиковавшиеся в том же «Новом Восходе», писались именно евреями-санитарами (см.: *Кацис Л.* Указ. соч. С. 67).
- ³² Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1994. Т. 7. Кол. 357.
- ³³ Врангель Николай Николаевич (1880–1915) – искусствовед, соредaktor журнала «Аполлон» в 1911–1914 гг. С октября 1914 г. – уполномоченный санитарного поезда Западного фронта (№ 81), поезда, на который в декабре предположительно (по крайней мере – по свидетельству Г. Иванова) и попал О. М.
- ³⁴ Дневник Н.Н. Врангеля. 1914–1915 гг. // Исторический архив. 2001. № 4. С. 94.
- ³⁵ РГАЛИ. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 2.
- ³⁶ Дневник военных походов солдат В.А. Мишина... С. 101–102.
- ³⁷ *Иванов Г.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 154.
- ³⁸ Новый Восход. 1914. № 52. С. 10.
- ³⁹ Каннегисер Леонид Иоакимович (1896–1918) – сын промышленного магната, надворного советника И.С. Каннегисера. С 1913 г. – студент экономического отделения Политехнического института, поэт. В доме отца в середине 1910-х гг. держал с братом и сестрой литературно-театральный салон, который посещал, в числе прочих, и О. М. (бывший, к слову, и его дальним родственником). В историю вошел как убийца председателя Петроградской ЧК М.С. Урицкого (30 августа 1918 г.).
- ⁴⁰ *Каннегисер Л.* Статьи Г. Адамовича, М.А. Алданова, Г. Иванова. Из посмертных стихов Л. Каннегисера. Париж, 1928. С. 11.

- ⁴¹ Бруни Николай Александрович (1891–1938) – человек самых разнообразных дарований: поэт, прозаик, музыкант (по окончании Тенишевского училища поступил в Петербургскую консерваторию по классу фортепиано), авиатор, священник, скульптор. В 1934 г. репрессирован.
- ⁴² При этом попав на санитарный поезд Западного фронта и оказавшись вскоре в Варшаве.
- ⁴³ Бруни Н. Записки санитара-добровольца // Новый журнал для всех. 1914. № 12. С. 4–6. По предположению О. Лекманова, эта публикация тоже могла в какой-то мере сыграть – что, на наш взгляд, маловероятно – роль побудительного мотива в «истерическом» решении Мандельштама (см.: Лекманов О. Осип Мандельштам. Жизнь поэта. М., 2009. С. 75). К тому же мы не знаем точного дня выхода в свет данного номера журнала.

Открытым остается и вопрос, не могла ли повлиять на решение О. М. и его возможная встреча 19-го числа в Петрограде с приехавшим на несколько дней в отпуск уже без пяти минут Георгиевским кавалером Николаем Гумилевым, чей лейб-гвардии Уланский полк воевал как раз в Южной Польше, на линии Петроков – Кельцы. Что касается Н. Бруни, то он, как и О. М., через две недели уедет из Варшавы в Петербург, но уже для того, чтобы проситься «на передовые позиции».

- ⁴⁴ Адамович Георгий Викторович (1892–1972) – поэт, критик, переводчик; в 1910-е гг. – студент историко-филологического факультета Петербургского университета; с 1914 г. – член «Цеха поэтов». С 1923 года в эмиграции.
- ⁴⁵ См.: Адамович Г. Веселые кони // Голос жизни. 1915. № 8. 18 февр.
- ⁴⁶ «О попытке самоубийства его (О. М. – В. Д.), о которой сообщает Георгий Иванов, даже Надя (Н.Я. Мандельштам. – В. Д.) не слыхивала» – читаем в очерке о Мандельштаме Анны Ахматовой (Ахматова А. Листки из дневника (О Мандельштаме) / Публ. В. Виленкина // Вопросы литературы. 1989. № 2. С. 190).
- ⁴⁷ Иванов Г. Указ. соч. С. 92–93.
- ⁴⁸ Пример подобного рода «конспирации» О. М. продемонстрировал, например, осенью 1910 г., когда в числе «приклю-

чений», сопровождавших его по дороге из Германии в Россию (потеря чемодана, кошелька и проч.), не назвал ни Каблукову, ни Г. Иванову главного: просрочки им заграничного паспорта.

⁴⁹ В дневнике Каблукова это стихотворение упоминается в одной из записей июня 1915 г. – как «одно из прежних» (О.Э. Мандельштам в записях дневника и переписке С.П. Каблукова. С. 250). Впервые опубликовано оно было только в 1923 г., в составе третьего «Камня». Первым на данное стихотворение как на предположительно отразившее «символическую картину» поездки О. М. в Варшаву указал А.А. Морозов (см.: *Морозов А.А. Мандельштам в записях дневника С.П. Каблукова // Литературное обозрение. 1991. № 1. С. 83*).

⁵⁰ Подробное истолкование образов *пустыни, стрелы, летящих ласточек*, цифровой символики стихотворения и т. д. см.: *Кацис Л.* Указ. соч. С. 59–64.

⁵¹ См.: Быт. 50:14. Заметим, однако, что по Юлианскому календарю («старому стилю») 19 декабря приходилось на пятницу, а 22-е (день отъезда О. М.) – на понедельник, а не на вторник, как полагал при разработке своей версии Л.Ф. Кацис.

⁵² Исход. 1.10. Цит. по: *Кацис Л.* Указ. соч. С. 57.

⁵³ Там же. С. 64. Последнее утверждение не стыкуется, между тем, со временем чтения главы Ваэхи (19–26 декабря?), повествующей о возвращении Иосифа в Египет.

⁵⁴ В стихотворении мы не обнаруживаем следов ни польских реалий, ни тех ужасных впечатлений, что вынес поэт из своей «нелепой поездки».

⁵⁵ *Ахматова А.* Указ. соч. С. 190. Заметим, что гетто как такового в Варшаве 1914 г. не было. Но если понимать этот термин более широко, как всякую сверхконцентрацию евреев, то в Варшаве того времени с ее лагерями для беженцев подобных «гетто» было немало. Ахматова писала воспоминания о Мандельштаме в конце 1950 – начале 1960-х гг., когда – после Второй мировой войны – еврейство Варшавы прочно ассоциировалось с трагедией Варшавского гетто, чем и можно, видимо, объяснить появление этого слова применительно к событиям 1914 г.

Петр Мицнер

НАЧАЛО ВОСПРИЯТИЯ МАНДЕЛЬШТАМА В ПОЛЬШЕ (1925–1947)

В межвоенной Польше это был один из крупнейших знатоков поэзии. Внимательный, начитанный, независимый, иногда убийственно злобредный и желчный. Я имею в виду Кароля Виктора Заводзиньского (1890–1949) – критика, legionера, любителя женщин и лошадей. В тридцатых годах ему доводилось писать обзоры отечественного поэтического творчества для «Рочника литерацкего» (“Rocznika Literackiego”, «Литературного ежегодника»), а ранее – для «Пшеглёнда варшавского» (“Przeglądu Warszawskiego”, «Варшавского обозрения»), в том числе и русской поэзии, послереволюционного периода. Писал он их так, словно бы лично знал Хлебникова, Маяковского, а особенно Ахматову.

В интервью, данном в 1935 г. Адаму Галису, этот критик вспоминал времена учебы в Петербургском университете, накануне начала Первой мировой войны: «Я вышел из кругов русских формалистов и постсимволистской поэзии, акмеизма, моими университетскими товарищами были Жирмунский (на протяжении всего времени учебы), а в течение более коротких периодов – Гумилев, Мандельштам и Шкловский; наше товарищество было близким, поскольку аудиторию, то есть все отделение факультета, составляло около пятнадцати слушателей. Может быть, это объяснит вам основания моего отношения к предметам критической оценки...»¹ Галису, возможно, и объяснило, но большинству читающей публики перечисленные фамилии двух поэтов и двух теоретиков литературы пока еще мало что говорили.

Архив Заводзиньского уцелел, а в нем – дневник², который велся нерегулярно, но очень ценен. Он охватывает и записи, касающиеся университетских времен. Там не так уж много следов общения с русскими писателями, с русской поэзией. Если Заводзиньский и писал о стихах, то о польских, – оценивал их, потом переоценивал наново. Быть может, им предназначалось защищать его от искушения русификации? То были не самые лучшие годы для польской поэзии.

Присутствующие в этом дневнике замечания об итальянской и французской поэзии (автор изучал романистику) очень любопытны. Помимо литературы, автора дневника занимает еще эротика и собственные сны. В феврале 1914 г. он писал: «Во время жара мои сны были сплошь патриотическими. Какие-то странные полонезы, а также речи, восстания». Вскоре этим снам предстояло сбыться. В августе того же года автор записался добровольцем в 1-ю кадровую роту Пилсудского.

И здесь стоит напомнить об одном политическом стихотворении Осипа Мандельштама, стихотворении против легионов, написанном сразу же после того, как разразилась война, и озаглавленном по-польски “Polacy!”. Я уже писал когда-то, что именно по этой причине оно стало первым текстом поэта, переведенным на польский язык; попутно отмечу, что вообще это был первый перевод Мандельштама на Западе³. Переводчик, Генрик Варденский, был профессиональным полицейским, а поместил он это стихотворение (без одной строфы) в своей книге, обсуждая польско-российские отношения в годы войны.

Polacy, wszak nie ma sensu
W bohaterskich strzelców czynach!
Nie popłynie wstecz korytem
Szara Wisła po nizinach!

Czyżby nie pokryły śniegi
Naszych stepów suchej trawy?
Czy przystoi się opierać
O Habsburgów kij koszlawy?⁴

Несколько слов о переводчике. Генрик Варденский родился в 1878 г. Изучал право в Казанском университете. В 1915 г. в Варшаве вступил в Гражданскую стражу, а уже в 1917 г. явился одним из инициаторов создания первой полицейской школы. В независимой Польше он в 1918 г. стал сначала президентом варшавской коммунальной полиции, а год спустя – комендантом варшавской воеводской государственной полиции. В 1922–1929 гг. руководил школой полиции в Катовице. Позднее ушел на пенсию в звании генерала и с 1934 до 1951 г. вел частную нотариальную канцелярию в Пётркуве-Трыбунальском. Точной даты его смерти мы не знаем. Кроме воспоминаний, напечатанных в 1925 г. в издательстве «Полицейский дом здоровья», он опубликовал два тома новелл.

В поэзии Мандельштама Польша появляется, впрочем, не только в стихотворении, переведенном Варденским, но и еще в двух других, написанных на исходе 1914 г. Послужила ли импульсом для них только общая ситуация или, быть может, воспоминание о коллеге по университетскому семинару, который позволил Габсбургам ввести себя в заблуждение?

Как складывалось дальнейшее восприятие Мандельштама в Польше?

Для порядка воспользуемся датами. Перевод Варденского появился в 1925 г., интервью с Заводзиньским – в 1935-м. В это время важным местом, где Мандельштама читали и где о нем говорили, несомненно, были редакции газет «За свободу!» и «Молва», а также квартира их редактора Дмитрия Философова, близко связанного с варшавской интеллектуальной элитой. Юзеф Чапский, друживший с редактором, несколько раз будет вспоминать некую сцену. Наиболее полно он описал ее в “Dziennikach” («Дневниках») в 1965 г., когда в руки ему попало стихотворение Осипа Мандельштама «На страшной высоте блуждающий огонь...». Чапский цитирует последнюю строфу:

Прозрачная весна над черною Невою
Сломалась, воск бессмертья тает.

О, если ты звезда, – Петрополь, город твой,
Твой брат, Петрополь, умирает.

Текст запустил в ход воспоминания. «Сколько ж лет назад читал мне это Димка на Сенной в Варшаве! Вижу его в малюсенькой его комнатке, на старом просиженном диванчике, под свисающей с потолка лампочкой (1923 год?), после целого дня тяжелой работы в редакции. И перед ним на столе – это стихотворение. Оно дошло тогда до него из России нелегальным путем⁵. А еще вижу его подавляемое волнение, суровые голубые глаза, почти белые, и слушаю то стихотворение с четырехкратным рефреном: “Твой брат, Петрополь, умирает”»⁶.

В эмиграции в Польше находился также поэт Соломон Барт, который лично знал Мандельштама и отчасти поспособствовал изданию в 1915 г. первого «Альманаха стихов...», в котором печатались, среди прочих, стихи их обоих. Живя в Варшаве, Барт оставался несколько на обочине литературной жизни, как российской, так и польской, но встречался, к примеру, с поэтом и переводчиком Ежи Камилем Вайнтраубом.

Есть еще один след, который достоин быть отмеченным. В остатках варшавского архива Философова сохранилось письмо 1926 г. от Михала Хороманьского, будущего польского прозаика, а на тот момент еще начинающего российского поэта. К письму приложены стихи, снабженные на полях критическими замечаниями редактора. Но не это интересует нас, однако, в данную минуту, а тот факт, что Хороманьский пишет о современных русских поэтах, упоминая имя Мандельштама, и добавляет (со смирением или/и высокомерной надменностью дебютанта): «Мне, однако же, кажется – и да простят мне это, – что я не совсем к ним принадлежу»⁷. Этот с виду ничтожный след важен, поскольку Хороманьский вращался тогда в кругу выдающихся творцов (Виткацы, Кароль Шимановский, который, *nota bene*, и посоветовал ему связаться с Философовым) и там тоже мог говорить о Мандельштаме. Возможно, стоит, кроме того, заглянуть в более позднюю прозу Хоромань-

ского, чтобы проверить, не найдем ли мы там какие-то мандельштамовские реминисценции.

Очередной след ведет к Зузанне Гинчанке, родившейся в Киеве в 1917 г., чей отец, Симон Гинзбург, вроде бы дружил с Мандельштамом. Так, во всяком случае, утверждала сама поэтесса, о чем сообщил в одном из воспоминаний о ней Юзеф Лободовский⁸.

Мы не знаем доподлинно, в каком году сошлись дороги Философова и Влодзимежа Слободника, автора первого литературного перевода Мандельштама на польский. В 1935 г. он читал свои переводы из Пушкина: «Моцарт и Сальери», а также «Домик в Коломне» – в клубе как раз под таким названием, который основали редактор газеты «За свободу!» и его польские друзья. Слободник перевел одно из стихотворений Мандельштама («Старик» (“Starzec”)) уже в 1931 г. (Kwadryga. 1931. № 1–3. Январь–июнь).

Следующие он опубликует лишь в 1935 г. Нельзя, естественно, исключить, что эти переводы возникли благодаря инспирации Философова, так как они появляются именно в период существования «Домика в Коломне». Вот эти переводы: “Dekabrysta” («Декабрист») (Kamena. 1935. № 2), “Siostry – ciężkość i tkliwość...” («Сестры – тяжесть и нежность...») (Kamena. 1935. № 4), “Oto niesione dary...” («Вот дароносица...») и “Gdy na czółenko lżej od snów...” («На перламутровый челнок...») (Okolica Poetów. 1935. № 3), “Jeśli śpiewa zegarek-świerszczyk...” («Что поют часы-кузнечик...») (Kamena. 1935. № 6). В напечатанном в 1936 г. сборнике “Wiersze. 1922–1935”⁹ («Стихотворения. 1922–1935») Слободник, кроме собственных произведений, поместил переводы из Мандельштама: “Dekabrysta” («Декабрист»), “Natura też jest Rzymem...” («Природа – тот же Рим...»), “Oto niesione dary...”, “Starzec” («Старик»), “Gdy na czółenko lżej od snów...”, а также “Żółw” («Черепаша»), «На каменных отрогах Пиерин...». В следующем году (1937) вышел сборник Слободника “Niepokój wieczorny”¹⁰ («Вечернее беспокойство»), где он перепечатал перевод стихотворения «Сестры – тяжесть и нежность...».

В 1938 г. печатают свои переводы Казимеж Анджей Яворский – “*Jam opowieści nie słuchał Osjana...*” («Я не слышал рассказов Оссиана...») (Kamena. 1938. № 7), а также Северин Полляк – “*Weź z dłoni moich...*” («Возьми на радость из моих ладоней...») (Pion. 1938. № 47).

Краткую характеристику поэзии Мандельштама польский читатель мог найти в очень важной книге Сергиуша Кулаковского «Пятьдесят лет русской литературы. 1884–1934», написанной по-польски, законченной осенью 1937 г., а изданной в 1939 г., незадолго перед тем, как разразилась война.

В общем и целом, однако, наиболее известной в Польше акмеисткой была Ахматова, и это ее поэзия уже в ранние двадцатые годы повлияла в некотором смысле на польскую межвоенную лирику. Важными были Маяковский, Блок, Есенин. Был известен Пастернак. И кто знает, не являлся ли самым популярным русским поэтом Северин? Почему не Мандельштам? Почему Заводзиньский не сделал ничего, чтобы популяризировать поэзию товарища по университетскому семинару¹¹? Хотя надо признать, что он упомянул его фамилию, характеризуя в 1938 г. наиболее важные школы русской поэзии¹². Появляется она также в полемике Францишека Седлецкого с Заводзиньским.

Возможно, в межвоенном двадцатилетии польская поэзия не располагала языком, пригодным для перевода мандельштамовского стиха?

После войны именно Северин Полляк снова выступит с переводом стихотворения Мандельштама “*Pozłocistą się strugą miód płynny...*” («Золотистого меда струя...») в журнале “*Twórczość*” (Творчество. 1945. № 3. Октябрь), хотя его опередит Павел Герц, печатая в июне того же года в “*Życiu Literackim*” (Литературная жизнь. 1945. № 1)¹³ стихотворения “*W przejrzystym Petropolu nam los śmierci padł...*” («В Петрополе прозрачном мы умрем...») и “*Natura to też Rzym...*” («Природа – тот же Рим...»). Стоит добавить, что Герц обучался русскому языку в самой лучшей школе, т. е. в тюрьмах и лагерях,

где он находился с 1940 г. В 1946-м печатает два перевода Ежи Помяновский: “O, jeszcze mi daleko do patriarchy...” («Еще далеко мне до патриарха...») (Kuźnica. 1946. № 21) и “Brnąłem wieczoru wczorajszego...” («Сегодня ночью, не солгу...») (Odrodzenie. 1946. № 24). В 1947 г. Полляку и Мечиславу Яструну удалось поместить в антологии «Два века русской поэзии» пять ранее уже печатавшихся переводов стихотворений Мандельштама вместе с заметкой о нем авторства Леона Гомолицкого – с датой рождения поэта, но без даты смерти, а также с краткой характеристикой его поэтики, где деликатные упреки должны были, вероятно, предупредить возможные атаки, хотя не исключено, что они также опирались и на личную настроенность автора: «Знаменательным для этого поэта является тяготение к классическим образам и к исторической экзотике (Рим, Эллада, Палестина); его поэзия старается быть “вневременной”, нечувствительной к голосам современности. Мандельштам – мастер лапидарного стихотворения, которое он ваяет в словесном материале по методу парнасцев. Искусство понимается им как “ценностей незыблемая скала над скучными ошибками веков”. Крайний индивидуализм Мандельштама, его одиночество и фатализм, его культ формы ради формы – все это заставляет отнести его в ряды последних представителей чистого эстетизма»¹⁴.

В любом случае нужно подчеркнуть большую решимость авторов антологии, поскольку еще перед опубликованием, в ноябре 1946 г., ее подвергли критике на встрече делегации Союза писателей СССР с польской делегацией, в которой участвовал также Гомолицкий. Марк Живов обращал внимание, что слишком много места там занимают Гумилев, Мандельштам и Кузмин, творчество которых маргинально по отношению к главному течению русской поэзии¹⁵.

Стихотворения Мандельштама были изъяты из второго издания этой антологии, выпущенного в 1951 г. Большой волны публикаций разных текстов Мандельштама пришлось ждать, по существу, вплоть до начала семидеся-

тых годов, если не считать нескольких появлений в печати сразу же после оттепели.

Резюмируя, есть смысл обратить внимание, что первые переводы Мандельштама (в период 1925–1947 гг.) на польский язык – это 14 стихотворений, из которых 4 взяты из сборника «Камень» (вероятнее всего – в соответствии с последним изданием 1922 г.), 8 – из сборника “Tristia” (издание 1922 г.) и 2 – из последующих изданий.

Это не так много, но тем более каждый след присутствия российского поэта в польском литературном пространстве достоин быть отмеченным.

¹ Galis A. Rozmowa z krytykiem. U K.W. Zawodzińskiego // Wiadomości Literackie. 1935. № 9.

² Музей литературы им. А. Мицкевича в Варшаве. Ед. хр. 2003.

³ P.M. [P. Mitzner]. Policyjny przekład Mandelsztama // Tygodnik Literacki. 1991. № 10; [П. Мицнер]. Польский полицейский переводит Мандельштама // Новая Польша. 2007. № 1.

⁴ Wardęski H. Moje wspomnienia policyjne. Policyjny Dom Zdrowia. Warszawa, 1925. S. 14.

⁵ Не обязательно нелегальным путем. Это стихотворение входило в сборник “Tristia” (1922), а книги, издаваемые в России, можно было приобрести в Варшаве.

⁶ Czapski J. Wyrwane strony. Warszawa, 2010. S. 112. Запись от 8 июля 1965 г.

⁷ Письмо от 6 января 1926 г. Из собрания Божены Микуловской в Варшаве.

⁸ См.: Łobodowski J. Zuzanna Ginczanka. Wstęp do: Pamięci Sulamity. Toronto, 1987. Przedruk: Scriptores. 2009. № 35. S. 302.

⁹ См.: Słobodnik W. Wiersze. 1922–1935. Warszawa, 1936. S. 86–91.

¹⁰ См.: Słobodnik W. Niepokój wieczorny. Warszawa, 1937. S. 82.

¹¹ Он лишь посвятил ему несколько предложений, в сжатом виде излагающих взгляды Жирмунского на поэзию Ман-

дельштама: K.W.Z. Z ruchu literackiego w Rosji // Przegląd Warszawski. 1921. № 3.

¹² *Zawodziński K.W.* Wśród poetów. Kraków, 1964. S. 208. Обработала В. Ахремович.

¹³ Здесь автор подписан «Юзеф Мандельштам» – так же, как и в книге Сергиуша Кулаковского «Пятьдесят лет русской литературы. 1884–1934».

¹⁴ Dwa wieki poezji rosyjskiej: Antologia. Warszawa, 1947. S. 438. Составили и обработали М. Яструн и С. Полляк. Послесловие написал Л. Гомолицкий.

¹⁵ РГАЛИ. Стенограмму обнаружил Роман Тименчик.

Адам Поморский

МАНДЕЛЬШТАМ В ПОЛЬШЕ

От межвоенного периода
до октября 1956-го

История поэзии Мандельштама в польских переводах датируется 1925 г. (это открытие сделал Петр Мицнер, поэт и историк литературы). В изданной за год до майского переворота 1926 г. книге «Мои полицейские воспоминания» чиновник польской полиции Генрик Варденский описывает, как в начале Первой мировой войны под эгидой Польского национального комитета Романа Дмовского и Зыгмунта Велёпольского создавалась польская часть при русской армии. Эта часть, названная Пулавским легионом, должна была составлять противовес пехотным частям Пилсудского, формировавшего будущие легионы на стороне Австро-Венгрии. Мемуарист привел в своем любительском переводе две строфы рифмованного комментария Мандельштама. Одновременно это был, как ни парадоксально, пожалуй, первый в мире перевод стихов Мандельштама. Первая публикация стихотворения “*Polacy!*” на страницах популярного петербургского еженедельника «Нива» (1914. № 43. 25 окт.) сопровождала известие о создании в России польских частей. В кругах, близких Мандельштаму, среди завсегдатаев художественного подвала «Бродячая собака» реф-

© Поморский А., 2014

© Горбаневская Н., перевод на русский язык, 2014

лекс солидарности с польским делом был естественным. 16 ноября 1914 г. на вечере польской поэзии и музыки в «Бродячей собаке» выступили, в частности, будущий «первый польский футурист» Ежи Янковский и композитор Люциан Марчевский, и, что существенно, был исполнен Скрипичный концерт ля-мажор Карловича. Впрочем, здесь польская нота звучала не впервые.

В применении к панславистским лозунгам Дмовского (с 1908 г. одного из главных руководителей неославянской политической диверсии в Австро-Венгрии), который еще в 1910 г. провел под этими лозунгами празднование 500-летия битвы под Грюнвальдом – а в 1914 г. эту традицию подхватила Россия, – доброжелательность к польскому делу в стихотворении Мандельштама нашла свое выражение в форме «малой оды», строго воспроизводящей классический, опознаваемый образец славянофильской политической лирики Тютчева. Тем же, что у Тютчева и славянофилов (а на их революционном крыле, например, у Бакунина), был и противник – империя Габсбургов:

Поляки! Я не вижу смысла
В безумном подвиге стрелков:
Иль ворон заклюет орлов?
Иль потечет обратно Висла?

Или снега не будут больше
Зимою покрывать ковыль?
Или о Габсбургов костыль
Пристало опираться Польше?

А ты, славянская комета,
В своем блужданьи вековом,
Рассыпалась чужим огнем,
Сообщница чужого света!

Для понимания намерений Мандельштама существенно версификационное и стилистическое единство этого стихотворения с написанной полтора годами поз-

же (в январе 1916-го) антивоенной и антинационалистической «Одой миру», в конце концов получившей название «Зверинец». Призывая во вступлении «воздух горных стран – эфир [космический]; / Эфир, которым не сумели, / Не захотели мы дышать», а в финальной строфе оды рисуя образ почитания «чужестранца, / Как полубога, буйством танца / На берегах великих рек» (Волги и Рейна), поэт в пацифистском контексте предугадывает будущие мотивы «Стихов о неизвестном солдате» (1937). Мандельштам в своем подходе был последователен: между обоими стихотворениями посредниками оказываются статьи «Петр Чаадаев», «Слово и культура», «Пшеница человеческая» и такие стихи, как «А небо будущим беременно...» или «К немецкой речи». На первый взгляд незначительное в своей риторике, стихотворение “Polacy!” 1914 г. занимает достойное место в этом ряду.

Начало настоящего знакомства с Мандельштамом в Польше приходится на 1934–1935 гг., когда поэт уже был арестован и сослан в Воронеж. Спустя десятилетия Юзеф Чапский в парижской эмиграции приводил *in extenso* стихотворение, которое запомнил со слов Дмитрия Философова в межвоенной Варшаве, поэтическое прощание с Петербургом в 1918 г.: «Твой брат, Петрополь, умирает!..» У истоков интереса польских писателей к поэзии Мандельштама стоит как раз Философов (1872–1940). Этот выдающийся критик и публицист, видная фигура Серебряного века, редактор журнала «Мир искусства» (призванного к жизни Сергеем Дягилевым, создателем знаменитых «Русских балетов» и двоюродным братом Философова), ближайший друг и домочадец Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского, корреспондент Мариана Здеховского, в 1920 г. оказался в Варшаве и осел тут на всю оставшуюся жизнь, врасая в польскую среду. В 1930-е гг., подчеркивая свои тесные связи с польской интеллектуальной элитой, он храбро выступил с публичным протестом против нараставшего в стране антисемитского психоза. По инициативе Ежи Гедройца в 1995 г. на православном кладбище в варшавском районе Воля уста-

новлен мемориальный камень в честь Философова – могилу его отыскать так и не удалось.

Под конец 1934 г. Философов создал в Варшаве польско-русский литературный салон, ироническое название которого – «Домик в Коломне» – было взято у Пушкина. Соучредителями этого частного семинара были Мария и Юзеф Гуттен-Чапские и Ежи Стемповский (вместе с отцом Станиславом, видным масоном, бывшим польским министром в правительстве Украинской Народной Республики) – будущие создатели парижской «Культуры» (1947–2000), столь заслуженной в деле сближения польских и русских либеральных кругов. К «Домику в Коломне» принадлежал также Рафал Блут, замечательный эссеист и один из лучших польских русистов. Обязанности секретаря исполнял поселившийся в Варшаве Лев Гомолицкий, молодой одаренный русский поэт, более известный как польский прозаик Леон Гомолицкий. В число завсегдатаев салона входили Мария Домбровская, Стефан Наперский, Владислав Татаркевич, Юлиан Тувим, Анеля Загорская (племянница и переводчица Джозефа Конрада), из младших – Юзеф Чехович, Болеслав Мицинский, Владислав Себыла, Влодзимеж Слободник. Время от времени здесь появлялся и молодой Ежи Гедройц. В близкой дружбе с Философовым оставались Налковская и Ивашкевич, который, в частности, его имел в виду, когда много лет спустя писал о недооцененной в польской жизни роли опоячавшихся русских.

Неслучайным выглядит как то, что чуть ли не первый профессиональный польский перевод стихотворения Мандельштама (опубликованный в 1935 г.) возник в этом кругу – его сделал Влодзимеж Слободник, так и то, что это было очень важное для Философова стихотворение «Декабрист». Переводы из Мандельштама печатались в основном в варшавской «Квадриге» (журнале группы, с которой был связан Слободник) и люблинской «Камене», редактором которой был Казимеж Анджей Яновский – второй предтеча среди переводчиков Мандельштама. Вероятно, под влиянием Гомолицкого, с которым он был дружен, к

кругу переводчиков присоединился Северин Полляк — после войны самый заслуженный популяризатор русской литературы в Польше. Под редакцией Полляка и Мечислава Яструна в октябре 1945 г. в третьем с момента возникновения журнала номере «Творчости» «Колонка русской поэзии» наряду со стихами Ахматовой и Цветаевой представляла новый перевод из Мандельштама, на родине посмертно запрещенного. Из составленной теми же редакторами (с послесловием Гомолицкого) антологии «Два века русской поэзии» (1947) исчезло имя Ахматовой, проклятой после августовского постановления 1946 г. и доклада Жданова. А к числу переводчиков Мандельштама присоединился Павел Герц — в годы войны советский лагерник, а до войны — юный любимец того же варшавского круга, в котором вращался Философов. Из следующих изданий антологии, вышедших в самый разгар сталинских лет в Польше (1951 и 1954 гг.), исчез не только Мандельштам, но и большинство поэтов Серебряного века, широко представленных в первом издании. Полляк восстановил справедливость после октября 56-го антологией «Сто тридцать поэтов» (1957). Тут уже было не пять стихотворений Мандельштама, как в первой антологии, а 16, в том числе четыре были переведены Ежи Помяновским, среди них ставшие потом такими знаменитыми «Цыганка» («Сегодня ночью, не солгу...»), которую пела Эва Демарчик, и первое стихотворение из «волчьего цикла» 1931 г. («За гремячую доблесть грядущих веков...»).

Появился Мандельштам и на страницах созданного в послеоктябрьской ауре 1956 г. варшавского ежеквартального журнала «Опинье» («Мнения»). Редактором журнала был Полляк, а создавали его вместе с ним Земовит Федецкий и Анджей Ставар. Журнал не дожил до третьего номера. Черту под делом журнала подвела поездка Полляка в Москву. Так как он отказывался приехать по настойчивым приглашениям Союза советских писателей, приглашение было послано ВОКСом (Всесоюзным обществом культурных связей с зарубежными странами). По поручению ЦК гостям устроили торжественную встречу в правлении

ССП, собравшемся чуть ли не в полном составе, а затем раздался сакраментальный вопрос. Почти дословно: «Кого вы там печатаете? Какая-то Цветаева, какой-то Мандельштам; а где же мы?»

Полляка, как он посмеивался, рассказывая много лет спустя, понесло. Изображая не слишком хорошее владение русским языком (который он ввиду происхождения отца знал с детства), он ответил: «Не унывайте, товарищи! Они заждались, теперь вы можете подождать. Мы сперва напечатаем Цветаеву, Мандельштама, а потом и вас напечатаем, напечатаем, только подождите».

Переводчики и литературоведы:
между этикой и политикой

В 1960-е гг. были созданы две новые, переломные антологии под редакцией переводчиков следующего поколения: Виктора Ворошильского, Витольда Домбровского и Анджея Мандальяна – дебютантов послевоенного десятилетия, начиная с октября 56-го связанных с кругами польских ревизионистов: «Антология новейшей русской поэзии. 1880–1967» (1971) и «Русские символисты и акмеисты» (1971). Наряду с переводами Герца и Полляка среди полутора десятков стихов Мандельштама были напечатаны и переводы составителей антологии (среди них по крайней мере два непревзойденных: «Нашедший подкову» Мандальяна и прославленный потом Эвой Демарчик «Жил Александр Герцович...» Ворошильского), а также великолепные, поэтически проникновенные переводы Ярослава Марека Рымкевича.

В том же году вышла переводческая *summa* поэзии Мандельштама в Польше, внушительная, если помнить, что поэт большинству читателей был неизвестен, – сборник «Стихи» (“Poezje”) под редакцией Рышарда (второе издание, исправленное и дополненное, вышло в 1997 г.). Здесь ко всем вышеназванным переводчикам присоединились Артур Мендзыжецкий, Богдан Задура и первые, чару-

ющие виртуозностью и глубиной лирического тона, переводческие свершения Станислава Бараньчака. Пшибыльский, которому в ходе следующих десятилетий предстояло вложить самый весомый вклад в дело Мандельштама в Польше, был предназначен к этой роли: многообещающий русист, находясь в СССР на стипендии, он приобрел доверие Анны Ахматовой и Надежды Мандельштам. Автору замечательного труда «Достоевский и “проклятые вопросы”». От «Бедных людей» к «Преступлению и наказанию» (1964), после вмешательства советского посольства в связи с публикацией статьи «Смерть Ставрогина» в журнале «Тексты» (1972), Пшибыльскому было запрещено публиковать собственные работы по русской литературе. Исключение было сделано для переводов и работы составителя: после «Стихов» Мандельштама он издал избранные тексты его статей о литературе «Слово и культура» (1972) и сборник исследований Анны Ахматовой «Мой Пушкин» (1976) – оба в переводах составителя. Труды эти Пшибыльский продолжал после 1989 г., составив и переведя два сборника прозы Мандельштама и сборник Надежды Мандельштам ««Моцарт и Сальери» и другие статьи».

В своих эссе, критических статьях и историко-литературных исследованиях Пшибыльский излагал концепцию влияний, действующих в современном неоклассицизме, представителями которого на польской почве он считал, например, Збигнева Херберта, Юлиу Гартвиг и Мендзыжецкого, а покровителями – в частности, Мандельштама и Элиота. Неоклассическое истолкование творчества Мандельштама Пшибыльский сформулировал в эссе-предисловии к сборнику «Стихи» (1971). Прозрачным эвфемизмом объясняя вынужденную цензурными соображениями неполноту избранного, в заключение предисловия он с благородным пафосом надолго определил место Мандельштама в польских представлениях: «В том мире, в котором правят четыре прапринципа: музыка, центр, любовь и “логос”, – человек сражается с временем, преодолевает историю и смерть, преобразует свой преходящий опыт в бессмертные духовные ценности. Лирика Мандельштама

показывает человека как хозяина мира – дома, устроенного со смыслом и любовью. <...> Этот гуманистический порядок космоса совершенно исчезнет из трех следующих сборников стихотворений (1920–1930-х гг. – А. П.). Мир стал чудовищным и жестоким. В доме человека разрушили космическую ось. Человек оставил обрядовые действия и начал войну с жестоким злом, которое охватило также и слово. Где-то в тумане растаял белый Акрополь. Мандельштам видит, что всюду вокруг ему только копают могилу. Ничего нет более патетического, нежели мысль, которая анализирует собственные страдания. Ничего более торжествующего, нежели мудрость, которая знает, на чем основана победа. Это было нечто большее, чем вариант судьбы Иова: создатель мира стал страдающим нервом. Был Дантом. Стал рядовым мучеником. Мандельштам может научить нас тому, что значит человек, что значит мать-земля, когда философия уже ничего не значит. Драма Мандельштама – это фигура нашей судьбы. Это, может быть, самый поразительный поэтический опыт XX века. У Мандельштама, как у Моцарта, нет могилы. Его могила – память человечества».

Труднее сложилась в Польше судьба прозы Мандельштама. Готовый перевод «Шума времени» и «Египетской марки», подготовленный в 1967 г. для издательства «Читательник» Игнацием Шенфельдом (этот бывший лагерник родом из Львова только в 1956 г. вырвался из СССР в Польшу), не вышел в свет, так как после мартовских событий 1968 г. переводчик эмигрировал и стал работать в Мюнхене на радио «Свобода». Новый перевод сделал Шибыльский – до того автор послесловия к переводу Шенфельда. На этот раз публикации помешал скандал, связанный с выходом «Воспоминаний» Надежды Мандельштам. Умышленно бесстрастная записка в досье книги, подписанная Иреной Шиманской, главным редактором издательства, сохранила для истории два главных аргумента, которые были решающими в вынужденном отказе от издания в 1972 г.: поэт погиб в советских лагерях, а его вдова в опубликованных на Западе воспоминаниях

стоит на «антисоветских позициях». С тех пор вплоть до 1984 г. Осип Мандельштам исчез из официального книгоиздательства. Сборник прозы в переводе Пшибыльского увидел свет только десять лет спустя, в 1994 г.

В 1979 г. лондонское Издательство поэтов и художников Кристины и Чеслава Беднарчиков выпустило «Поздние стихи» Мандельштама в переводах Станислава Бараньчака. Этот сборник, немыслимый в ПНР, где тогда в печать не пропускали даже упоминаний о сталинском терроре, не раз перепечатывался в подпольных издательствах. В большом блоке стихотворений наряду с новыми, классицизированными редакциями старых переводов Бараньчака оказалось и то, которое запало в память польских читателей: антисталинская эпиграмма ноября 1933 г. «Мы живем, под собою не чуя страны...». Это стихотворение в бесчисленных публикациях, как подпольных, так и времен «Солидарности» 1980–1981 гг., обрело огромную популярность, а в демократической Польше после 1989 г. попало в школьные учебники.

Подпольно переиздавались в Польше (1981 и 1982) и вышедшие в 1976 г. в лондонском издательстве “POLONIA BOOKS” сокращенные воспоминания Надежды Мандельштам в переводе Анджея Дравича, озаглавленные (так, как это было по-английски) «Надежда в безнадежности». Официально книга вышла с большим запозданием, только в 1997 г., а полного издания воспоминаний Надежды Мандельштам по-польски – удивительно! – так и не было.

К важным польским достижениям 1970-х гг. относятся и исследования, посвященные великому поэту. Наряду с пионерскими трудами Рышарда Пшибыльского (его эссе о Мандельштаме «Благодарный гость Бога», выпущенное в 1980 г. парижским издательством “LIBELLA”, стало одним из самых важных в литературе о поэте) здесь следует указать работы Ежи Фарино по структурному анализу, начиная с блестящего исследования «Четыре храма Осипа Мандельштама», напечатанного в варшавских «Текстах», а также историко-литературный синтез Евлалии Папли, чья

диссертация «Акмеизм. Генезис и программа», выпущенная издательством «Оссолинеум» в 1980 г. на ротаторе, за несколько десятков лет не утратила ценности и может почитаться гордостью польской русистики.

Время потери критериев

В конце 1984 г., после двух с лишним лет цензурного сопротивления, в краковском «Выдавництве литерацком» огромным даже по тем временам тиражом 30 тыс. экземпляров вышел двуязычный, по сей день самый большой в Польше сборник лирики Мандельштама под редакцией Марии Лесьневской. Значительную часть (240 стихотворений) перевела сама Лесьневская, к сожалению, переводческим талантом не дорастающая до этой поэзии. Сборник готовился в 1980–1981 гг., в атмосфере свобод эпохи великой «Солидарности», однако его издание пришлось на самый мрачный период военного положения. В атмосфере репрессий, полицейского террора и потоков политической лжи пассаж из предисловия составителя утопил всю книгу (Лесьневская ссылаясь на очерк В. Орлова, известный в польском переводе Романа Зиманда, а повторяла, собственно, тезисы Дымшица): «Мандельштам был великим поэтом, но одновременно – что нередко этому сопутствует – вечным ребенком. Что не мешало ему, а может, даже помогло слышать голоса ангельских хоров. Как и Цветаева, он не умел смириться с определенными историческими необходимостями, а свой нонконформизм выражал столь же непосредственно, как и инфантильно. Ничего удивительного, что ему пришлось нести последствия этого. В период жизненного упадка он написал много потрясающих стихов, где прежний оптимизм – ну, может, не совсем оптимизм, а позиция “благодарного гостя Бога” – уступает место невероятным приступам отчаяния. Но даже в этот период нередко получает слово свойственное ему восхищение миром и появляются – до того резкие у этого горожанина – лирические вспышки, возбужденные более тесным теперь общением с природой.

Гимны в честь чернозема, ветра, деревьев, облаков, птиц, пробуждения весны. Упоение ему приносит даже мрачное дыхание зимы; вид мальчика, съезжающего с горки на санках, пробуждая в памяти собственные детские переживания, вызывает у поэта почти экстаз. Он ощущает глубокую радость просто от факта, что он живет, дышит».

Это курьезное истолкование написанных в ссылке «Воронежских тетрадей» (именно ссылку поэта составительница назвала «жизненным упадком») завершается строфой трагического стихотворения от 15–16 января 1937 г. с прочитывающимся в политическом контексте образом затравленного несчастливца, которого «как тень его, / Пугает лай и ветер косит», с дантовским мотивом полуживого существа, которое в аду молит тень умершего о поддержке, и с реальным, а вместе с тем отсылающим к традициям Достоевского и Владимира Соловьева мотивом нищенки – падшей в земном мире гностической Софии. Это заведомо не природоведческая идиллия: «Еще не умер ты, еще ты не один, / Покуда с нищенкой-подругой / Ты наслаждаешься величием равнин / И мглой, и холодом, и вьюгой». Уже в следующей строфе гордость наделяет поэта-изгнанника дантовской «прекрасной бедностью» и «роскошной нищетой».

Воздадим должное составителю краковского избранного: в нем впервые на родине были официально напечатаны почти все вышедшие ранее за границей переводы Станислава Бараньчака, активного деятеля оппозиции; несколькими годами позже она же вдохновила готовившуюся еще в полулегальности Данутой Бромович выставку «Осипу Мандельштаму *in memoriam* (в пятидесятилетие со дня смерти)» в Ягеллонской библиотеке (Краков, 19 января – 9 февраля 1989). На оголодавшем издательском рынке сборник, составленный Лесьневской, все-таки свидетельствовал, что интерес к творчеству и биографии Мандельштама вышел за рамки оппозиционных кругов с их кодексом нравственной и политической порядочности. Некоторые связанные с этими кругами переводчики не дали согласия на перепечатку своих – иногда уже ставших

классическими – переводов. И в этом сборнике нет переводов Павла Герца, Витольда Домбровского, Анджея Мандальяна, Артура Мендзыжецкого, Ярослава Марека Рымкевича. Зато появился Леопольд Левин, до поздних лет ПНР пользовавшийся славой прихлебателя властей, не заботившегося ни о выборе авторов и текстов, ни об уровне своих переводов с русского. (Сознавая политическую двусмысленность и желая поправить дело, «Выдавництво литерацке» в 1990-е гг. выпустило на рынок новое избранное Мандельштама в двуязычной серии, подготовленное вроцлавским русистом Тадеушем Климовичем. На этот раз здесь не было переводов ни Лесьневской, ни Левина.)

Следующим подтверждением опасного процесса потери критериев был сборник «Акме значит вершина. Гумилев, Ахматова, Мандельштам в переводах Леопольда Левина». Книга вышла в «Чительнике» тиражом 20 тыс. экземпляров под конец 1986 г., но в набор была сдана еще до выхода избранного, составленного Лесьневской. По мнению знатоков, заглавная «вершина» знаменовала верх бездарности. Рецензия Евлалии Папли на страницах «Тыgodnika powszechnego» (1987. № 22) была сокрушительной. В № 30 ее подкрепил язвительным письмом Анджей Дравич, деятель демократической оппозиции, самиздатский автор, окруженный нимбом законодателя независимой польской русистики: «Я взялся за сборник переводов “Акме значит вершина”, чтобы убедиться, так ли плохо дело, как пишет рецензент. Нет, не так – намного хуже. Мы имеем дело с настоящим памятником переводческой небрежности и наплевательства <...> заманивающим читателей именами великих русских поэтов. Пани Папля права во всем: количество глупостей, которые Леопольд Левин ухитрился сказать об акмеизме в коротеньком, но глубоко невежественном введении <...> представляет собой издательский рекорд. Правда и то, что переводчик <...> набирает свои переводы дешевой и лексикой, совершенно чуждой словарю авторов стихов. Хочется вызвать отмищения, когда мандельштамовско-расиновская Федра говорит: “Jak te zasłony już mi się przejadły” (!) (досл. “Как эти занавесы

мне надоели”. – *Здесь и далее в скобках прим. пер.*) или когда одно из самых прекрасных стихотворений всей русской поэзии XX века, “Декабриста” Мандельштама, он начинается словами: “Jego pogański senat świadectwem wysokim” (“Его языческий сенат – свидетельство высокое”) (чей сенат??? в оригинале же ясно сказано: “Тому свидетельство языческий сенат”). Рецензентка милосердно уже и не напоминает, что и ритм Леопольду Левину не мешает, хотя все трое великих делают его важным компонентом своего искусства; если цезура у переводчика выпадет на середину слова – чепуха!»

Письмо Дравич заканчивал обращением к покровителю переводчиков: «Поставлю ему свечку, чтобы он явился Леопольду Левину и велел в покаяние переперевести все обратно на русский». Левин, сознававший ранг трех переводимых поэтов, воспринял критику болезненно. Однако его старания переиздать книгу в исправленном виде – до распродажи первого гигантского тиража! – ни к чему не привели, а десятки лет привычки к халтуре не обещали исправления. Кстати, это все еще были те годы, когда ни один переводчик или критик, связанный с оппозицией, не мог и мечтать об официальном издании хоть самого скромного избранного Мандельштама¹.

Мандельштам польских поэтов

В обстоятельствах, сложившихся в 1980-е гг., стражами чести Мандельштама остались польские поэты. Выход первого тома «Воспоминаний» Надежды Мандельштам, работы Пшибыльского, стихи Мандельштама в антологиях – все это еще в 1971 г. приветствовал Артур Мендзыжецкий незабываемым восьмистишием, свидетельствующим о знании творчества Мандельштама:

На полуночь полуголый полубосый
И шепча себе терцины из «Инферно»
Обезумевший и святой едет Осип
Нескончаемость пред ним немилосердна

Лед и лед и ничего другого кроме
Над кровинкой громко каркает ворона
По-пермяцки, по-зырянски кривит брови
Сада волчьего хозяйка Персефона².

Десятью годами позже написано стихотворение Ярослава Марека Рымкевича, одного из самых лучших польских переводчиков автора «Соломинки» (в 2009 г. он выпустил со своими комментариями сборник: «Осип Мандельштам. 44 стихотворения и несколько отрывков»). Стихотворение «Улица Мандельштама», давшее название подпольно выпущенному сборнику стихов Рымкевича (1983), не только породило символ, но и заранее разоблало идиллические истолкования типа вышеприведенных рассуждений Лесьневской:

Где она эта улица Улицы этой нету
Топчут тропу рабочие валенками по снегу

Где она эта улица Знаем только мы трое
Там где как кольца ствольные кости под мерзлотою

Где по стволу подымается кровь А чья – что за дело
Как у Шуберта птичьего горло белое пело

Там где кости зелеными прорастают ростками
Отделены от вечности шаткими мы мостками

<...>

Там где он с Богом под руку выведен на прогулку
В полуистлевшем ватнике под щеголью погудку

Следом охранник тащится спотыкается пьяно
И разыгрался с Шубертом Бог на двух фортепьяно.

Известия об официальной «реабилитации» поэта и обещания издать его произведения в СССР издатель-

ски комментировал в 1987 г. в Мюнхене Яцек Качмарский:

По Архипелагу слух, как телеграмма,
Что, мол, выпускают Оську Мандельштама.

Страшно удивился опер краснорожий:
«Как так выпускают? Мы ж его того же...»

Но генсек новейший отвечает: – Лапоть!
«Выпустить» сегодня значит «напечатать»!

<...>

Ужасом у вохры налились взоры.
По швам затрещали от поэтов зоны.

Ищет вохра дело, приговор, решение,
Открывают папку – там стихотворенье.

И людей в нем столько, как на соснах шишек,
Одного-единственного никак не разыщешь.

Милош

Понадобились полная перемена политической атмосферы и люстрационное самодурство, чтобы одним жестом перечеркнуть все слова, эмоции и несколько десятков лет вышеописанных усилий по сохранению в Польше творчества и памяти великого поэта. Совершил это, к сожалению, выдающийся польский поэт. 23 ноября 1996 г. «Газета wyborcza» под заголовком «Об Осипе Мандельштаме и его легенде» перепечатала из малотиражного краковского журнала («Наглос» [«Вслух»]. № 22) обширные фрагменты списанного с магнитофона текста Чеслава Милоша. Поражали небывалый тон и смысл этого выступления. Польский читатель не отдавал себе отчета в том, что Милош без

особого уважения к исторической истине подтверждает разоблачительные суждения современных русских авторов. Уже первые предложения выглядели карикатурой на их сенсационные откровения: «Польская (и не только польская) легенда Мандельштама как мученика за свободу духа не вполне соответствует фактам. Это слегка похоже на то, как если бы среди мучеников за веру в древнем Риме оказался язычник, злорадными соперниками обвиненный в нелояльности Цезарю. Признать величие Мандельштама как поэта – это одно, помнить о его втянутости в страну и эпоху – другое».

Далее Милош добавляет пассаж о Достоевском, который с творчеством этого писателя связан мало, зато живьем повторяет памфлетные суждения о нем, написанные в 1880-е гг. (уже после смерти писателя) Шимонем Токаржевским – несчастным, но не слишком умным польским мучеником-каторжником, некогда товарищем автора «Записок из Мертвого дома» по сибирской неволе: «Польская точка зрения на русскую литературу часто ведет к ошибкам. Тем, чем для поляков всегда была связь между литературой и борьбой за свободу своей страны, для русских была связь между литературой и российским государством. Отсюда – гневные антипольские и антизападные стихи Пушкина после начала восстания 1831 года. Отсюда – три цареславные оды Достоевского, написанные в сибирской каторге, но применяющие к царю те же эпитеты (“Солнце” и т. п.), которыми позже одаряли Сталина. Хотя эти оды были частью шагов автора, направленных на освобождение из Сибири, они выражали его взгляды на миссию империи и пылали антизападной яростью по поводу Крымской войны».

Все это неправда, однако речь идет не о правде: сравнение с так трактуемым Достоевским компрометировать должно Мандельштама. Первый довод обвинения – приведенное нами выше полностью стихотворение “*Polacy!*” 1914 г. В 1925 г. в восприятии близкого к эндекам полицейского-мемуариста это стихотворение выглядело безусловно пропольским. 70 лет спустя польский поэт припи-

сывает ему обратный, антипольский смысл. Отсылающие к Тютчеву слова о блуждающей комете славянского единства, которая – «сообщница чужого света» – рассыпалась в огне мировой войны как идеологический мираж славянофилов XIX в., Милош относит к Польше. Это позволяет ему обвинить Мандельштама и «русских либералов» *анпо* 1914 в полонофобии времен польских национальных восстаний: «Мандельштам, до революции поэт, казалось бы, в высшей степени аполитичный, не мог в 1914 году сдерживать свое патриотическое возмущение при известии о легионах Пилсудского (в этом месте автор приводит первое двустушие и последнюю строфу упомянутого стихотворения в переводе Северина Полляка. – А. П.). Таким образом, Польша – славянская комета, веками блуждающая, вместо того чтобы найти утешение в лоне матери-России. Так тогда думали даже русские либералы, как, впрочем, и в 1831 и 1863 году».

Любопытно было бы с этой точки зрения истолковать не только тогдашнюю позицию Дмовского и его сторонников, от имени Польши выступавших на стороне Антанты, но и, например, позицию Станислава Игнация Виткевича, гражданина Австро-Венгрии: когда весть о начале войны застала его на пути в Океанию, он поспешил отправиться в Петербург, чтобы благодаря протекции дяди, генерала русской армии, вступить добровольцем в элитарный Павловский гвардейский полк.

Однако весьма рискованная здесь «фигура умолчания». Истолкование стихотворения позволяет обвинить его автора в великорусском шовинизме. Милош игнорирует еврейство Мандельштама. Год спустя после процесса Бейлиса, перед лицом националистического амока войны, угрожавшей бесценному единству европейской культуры, кредо еврея-акмеиста – антишовинистическая мысль Чаадаева в толковании еврейско-русского мыслителя Михаила Гершензона. Ложное истолкование в рассуждениях Милоша служит исторической лжи. Идея, согласно которой почти вся интеллигенция радостно приветствовала большевистскую «революцию», и упрек в большевизме

поэту-еврею, бегущему от красного террора (и всякого массового террора в период Гражданской войны), достойны казацкого есаула. Читатель сам может оценить, насколько добросовестна нижеприводимая характеристика биографии и творчества автора «Четвертой прозы» и «волчьего цикла» 1931 г.: «Антенны Мандельштама были чувствительны к суждениям его современников. Эта зависимость проверена в годы революции, когда его образ мыслей кажется типичным почти для всей интеллигенции, радостно приветствовавшей революцию, которой предстояло интеллигенцию уничтожить. Она обосновывала это по-всякому, даже на псевдохристианский лад, как в поэме “Двенадцать” Блока. В молодости Осип Мандельштам и его жена кинулись в революцию, действовали. Затем, в 20-е годы, они (так!) пытались заключить в нескольких длинных стихотворениях свое ощущение гигантской перемены и своего в ней участия как поэта. Эти стихи столь метафоричны и столь трудны, что могут поддаваться (и поддавались) противоположным истолкованиям. К несчастью для себя, он написал и сатирический стишок о грузинском сатрапе, и это стало причиной его гибели».

После этого *dictum* Милош переходит к произведению, которое со всей очевидностью с самого начала было главным предметом его интереса. Злоупотребление состоит уже в бездумном (вслед за русскими «люстраторами») именовании поэмы «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» – «Одой Сталину». Такого названия не было – термин «ода» использовала Надежда Мандельштам, подробно описывая в своих «Воспоминаниях» (1970) историю и обстоятельства создания этого произведения. Таким образом, Милош ошибается, утверждая, что о существовании поэмы вообще не знали, и тоном логического рассуждения одновременно опровергает мартирологию Мандельштама, делая из него сталинского одописца: «Под конец своего воронежского изгнания, в 1937 году, он разразился “Одой Сталину”, о существовании которой долго ничего не было известно. Впервые она была опубликована в 1975 году в Америке, в журнале “The Slavic Review”. Между тем фор-

мировался миф Мандельштама как фигуры, почти как Христос страдающей за чужие грехи, миф, входивший в память его коллег – русских писателей. Ходили рассказы о последних днях поэта в “пересылочном” (так!) лагере по пути на Колыму – о его безумии, параноической уверенности, что его хотят отравить, о том, как он искал еду на помойках, и о том, как он замечательно читал стихи солда-герникам – профессиональным ворам».

«“Оду Сталину” Мандельштам написал, чтобы спасти себя, но было уже поздно, и она ничуть ему не помогла», – пишет далее Милош. В действительности у Мандельштама не было шансов спастись в аду массового террора, а формальным поводом к аресту и приговору был донос генерального секретаря Союза советских писателей. При рассмотрении поэмы, прозванной «одой», следует вникать и в замысел автора, однако размахистость истолкования в этом не помогает: «Так вот это выглядит, однако дело представляется несколько иначе на фоне других его стихотворений, написанных в Воронеже. Напомним, что гимны Сталину писали тогда все, а например Борис Пастернак не только заявил в 1932 году о своем “обращении”, но и опубликовал сталинские строфы в 1936-м. Как заверяет меня Томас Венцлова, единственным поэтом, о котором можно сказать, что он выжал из себя похвалу Сталину вопреки своим убеждениям, была Анна Ахматова, которая после ареста сына надеялась, что стихотворение поможет вытащить его из тюрьмы».

Тут уже неправда неправдой погоняет. Не все писали тогда гимны Сталину. Не делали этого ближайшие друзья Мандельштама, выдающиеся поэты Клюев, Клычков, Павел Васильев. Не замарали себя этим ни бывшие модернисты – Волошин, Белый, Кузмин, Бенедикт Лившиц, София Парнок, Алексей Крученых, ни ленинградские обэриуты – Хармс, Олейников, Введенский, Заболоцкий. Не пробовали ничего подобного молодые московские поэты, загнанные в переводчики: Семен Липкин, Мария Петровых, Аркадий Штейнберг, Арсений Тарковский. Анна Ахматова писала тогда знаменитый цикл «Реквием», посвя-

щенный жертвам сталинского террора. Не одно стихотворение, но целый, к счастью, полностью так и не изданный сборник ее топорно сколоченных стихов в честь Сталина был написан только в 1950 г., после того как единственный сын Ахматовой был повторно брошен в лагерь. Пастернак в 1932 г. не заявлял о своем «обращении», а издал сборник стихов под названием «Второе рождение», порожденным герметической традицией немецких поэтов-романтиков. Эта формулировка определяла как возвращение поэта к лирике после многолетнего перерыва, так и духовное преображение среди личных перипетий нелегкой любви в трагических обстоятельствах эпохи. «Строфы» о Сталине написаны в 1936 г. по просьбе Бухарина. Утверждение, приписанное Венцлове, – производное от тезисов Лидии Гинзбург. Дальнейшие рассуждения Милоша оскорбляют память миллионов жертв сталинской «коллективизации» и «индустриализации», одним словом – рабской системы ГУЛАГа. (Если бы не было других доказательств, то о действительных настроениях советского общества все равно свидетельствовал бы первый период советско-германской войны, когда при почти полном одобрении населения Украины, Белоруссии, прибалтийских республик, Крыма, Кавказа и даже в немалой мере этнической России немцы в течение нескольких месяцев заняли значительную часть европейских территорий СССР. Только массированный террор НКВД в отношении отступавших красноармейцев и безумный нацистский террор повернули судьбу войны.) Тезис о культе Сталина, почерпнутый у современных русских авторов, у которых память поколения идет не дальше послевоенных лет, тем не менее объясняется в контексте давнего спора Милоша с Густавом Герлингом-Грудзинским и Збигневом Хербертом о верности диагноза, поставленного в «Порабощенном уме»: «Тогдашнюю политическую температуру трудно сегодня себе представить, хотя Польша ее испытала в 1950–1953 гг. Террор и жар идеологической веры помогали друг другу. Ежедневные аресты, миллионы в лагерях – но отбросим же наконец образ народа, насилуемого тиранией. Россия дрожала перед

Сталиным, но чем больше дрожала, тем больше его любила. Такова уж специфическая социальная химия в диктатурах XX века. Немцы выбрали Гитлера демократическим голосованием, обожали своего вождя и готовы были за него погибать. В более скромном масштабе подверженность коммунистическому гипнозу можно было наблюдать в Польше вопреки тезису, что никаких «порабощенных умов» в ней не было».

Трудно на основе «Порабощенного ума» доказывать истинность утверждений, приводимых далее. Автор «Четвертой прозы», защищая свое достоинство поэта, не оплакивал утрату литературной среды. Автор «Разговора о Данте» не грезил об участии в великом коллективном труде; наоборот, как раз в Воронеже под конец 1935 г. он дописал последнюю строку в стихотворении пятилетней давности, равенство найдя в смерти – коллективном уделе жертв террора: «Уведи меня в ночь, где течет Енисей / И сосна до звезды достает, / Потому что не волк я по крови своей / И меня только равный убьет». Автор «Воронежских тетрадей» не проклинал себя, восхваляя тирана. Пастернаку и в голову не приходило обвинять его в отказе признать вину. Доказывать цитатами из «Стансов» (1935) и стихотворения «Если б меня наши враги взяли...» тезис, что их автор хотел, но не умел быть большевиком, свидетельствует о довольно наивном чтении этих произведений: «Мандельштам хотел быть со всеми, хотел быть голосом народа, в чем он шел за верованиями русской интеллигенции XIX века. Воронежская ссылка была для него тяжким наказанием, и не только потому, что его вышвырнули за пределы литературной среды, с которой он, впрочем, был на ножах. Его давний заголовок “Tristia”, с отсылкой к Овидию, теперь мог бы найти применение, так как он и сам теперь повторял судьбу римского поэта, утратившего милость императора. Но в этом случае речь шла не о дворе Августа, а о чем-то значительно более важном: об утрате права участвовать в великом, как он считал, коллективном труде, о клейме прокаженного “я”, которое чувствует себя виноватым, потому что “они”, “мы”, частью которых он хо-

тел быть, указывают на него пальцем. Мандельштам, которого Пастернак и другие коллеги обвиняли в наглости, так как он отказывался признать свою вину, в Воронеже признал справедливость наказания и проклинал не тирана, а себя. Потому что по существу он всегда хотел быть большевиком, только ему не удавалось».

Концовка, в которой уже не говорится о том, что Мандельштам – великий поэт, требует еще большего числа опровержений: «Когда Мандельштам брался за “Оду”, в Воронеже один за другим исчезали арестованные, его знакомые, а местное отделение Союза писателей перестало поддерживать с ним контакт, что предвещало скорый и заранее известный конец. <...> Называя вещи по имени, “Ода” – это отвратительное византийство, не знающее в лести ни стыда, ни меры. <...> К сожалению, как будто затем, чтобы мы получили урок о близком соседстве человеческого величия и смешного измельчения (так!), этой одой дело не кончилось. Мандельштаму разрешили вернуться в Москву, и несколько месяцев дела выглядели так, будто ему разрешат существовать и печататься. До сих пор неизвестно, почему и на каком уровне решение переменялось. В течение месяцев оптимистического (так!) возвращения к жизни в ранге полноправного члена Союза писателей он успел влюбиться в некую Попову. Что ж, как известно, многие поэты были влюбчивы. А Попова, режиссер радиопередач, была фанатической поклонницей Сталина. Для нее Мандельштам написал несколько сталинских (и плохих) стихотворений – по-видимому, для ее радиопрограммы. И сразу путь последних мук, с пунктом назначения, до которого он не доехал, – Колымой».

В сравнении с этим текстом даже вышецитированный пассаж из послесловия Марии Лесьневской выглядит невинно. Неправда, что поэту после ссылки разрешили вернуться в Москву, – самовольное возвращение закончилось высылкой за 105-й километр от Москвы (в Калинин, ныне Тверь). Поэт никогда не был и не мог быть членом Союза советских писателей. Дела не выгля-

дели так, будто ему позволят существовать и печататься, так как с момента ареста 1934 г. на его имя был наложен запрет, прерванный в Советском Союзе только в 1962 г. В последний год жизни Мандельштам был лишен всяких средств заработка. Анна Ахматова позже вспоминала: «В последний раз я видела Мандельштама осенью 1937 года. Они – он и Надя – приехали в Ленинград дня на два. Время было апокалипсическое. Беда ходила по пятам за всеми нами. Жить им было уже совершенно нелегко. Осип плохо дышал, ловил воздух губами. Я пришла, чтобы повидаться с ним, не помню куда. Все было как в страшном сне. Кто-то, пришедший после меня, сказал, что у отца Осипа Эмильевича (у “деда”) нет теплой одежды. Осип снял бывший у него под пиджаком свитер и отдал его для передачи отцу». Рифмованные и нерифмованные посвящения Еликониде Поповой, жене друга семьи актера Владимира Яхонтова, были отчаянной попыткой раздобыть средства к существованию. Бог знает, таилась ли действительно эротика в этом взгляде 47-летнего старика, агония которого оттянулась на год, на женщину, брызжущую здоровьем и витальностью.

Текст Милоша вызвал в Польше публичную полемику, смягченную уважением к автору. Почти все считали, что он перешел меру. Однако в целом не отдавали себе отчета в том, что этот текст стал завершением целой эпохи польского восприятия творчества и личной истории Мандельштама – прочтения их с особой этической, а не только эстетической точки зрения.

Перевод с польского Натальи Горбаневской

¹ Следует добавить, что Леопольд Левин не был однозначной фигурой. Родственник Тувима, поддерживавший знакомство с Лесьмяном, до войны он стал известен прежде всего как переводчик Рильке. Тогдашняя его работа в МВД, где в его обязанности входили обзоры еврейской печати, была

истолкована НКВД в 1940 г. как цензорская деятельность и стала поводом к аресту и приговору. Почти два месяца он провел в камере смертников львовской тюрьмы. Позднее своим поведением в казахстанской ссылке он заслужил себе хорошую репутацию. Александр Ват сохранил к нему с тех времен уважение, в котором отказывал «друзьям-оттепельщикам», – в январе 1958 г. свой только что изданный сборник «Стихотворения», свидетельство возвращения по прошествии многих лет к поэзии, он надписал: «Милому Леопольду Левину – камню и опоре дружбы – с низким поклоном за буханку хлеба и крепкое плечо, поданные ниже подписавшемуся в Джамбуле в декабре 1941 года». После долгих лет политического конформизма Левин в 1983 г. нашел в себе силы публично протестовать против роспуска Союза польских писателей во время военного положения.

Все стихи переведены Н. Горбаневской.

Ивона Смолька

РЫШАРД ПШИБЫЛЬСКИЙ – СОЗДАТЕЛЬ ПОЛЬСКОЙ УЛИЦЫ МАНДЕЛЬШТАМА

Рышард Пшибыльский не любил современную ему эпоху и, видимо, продолжает ее не любить.

Он достаточно много знает о прозорливой истории, чтобы иметь в отношении ее какие-то иллюзии. В детстве, будучи на Волыни, во времена оккупации и резни, мальчик, сидя в конюшне, изучал историю. В найденном на чердаке усадебного дома четвертом томе «Собрания сочинений» Мауриция Мохнацкого он обнаружил статью «О характере московского захвата». Так он набирался знаний, изучая литературные произведения, в то время как вокруг бушевала практика войны: приходилось скрываться, бежать, терять родной дом.

Несколько лет спустя новым важным опытом после опыта войны и знания о том, как проявляется дикая ненависть, станет для него изучение латинского и греческого языков в гданьской гимназии, постижение античной философии и выбор для себя того мыслителя, который в значительной мере повлияет на его отношение к миру и понимание действительности – и это будет Демокрит.

Когда, годы спустя, он откроет для себя поэзию Осипа Мандельштама, его эссе и статьи, он отыщет в его творчестве то, что ему будет особенно близко.

Шел 1957 год. Анджей Дравич вместе со Студенческим театром сатириков оказался во Франции. Они поехали на сбор винограда. Но это стало для них также сбором

книг. Дравич переслал в Польшу огромную пачку книг на русском языке, изданных на Западе. Среди них и сборники поэзии Мандельштама, тех его стихов, которые не вошли в сборник поэта, изданный в Советском Союзе в 1928 г.

Пшибыльский выбирает несколько книг, среди них стихи Мандельштама. Он начинает читать вечером; на рассвете, когда заканчивает чтение, он уже знает, что встретил одного из величайших поэтов, наряду с его любимыми Элиотом и Полем Валери, которые совершенно изменили мировую поэзию. С этих пор он будет стремиться к тому, чтобы найти доступ к полному наследию Мандельштама.

Рышард Пшибыльский ценит ум, мысль, которая не подвластна иллюзиям, мечтам. Он не терпит легковёрности, глупости, варварства.

В предисловии к изданной в 1966 г. книге «Et in Arcadia ego. Эссе о мечтаньях поэтов» он пишет: «Есть школы и литературные течения – их изобилие мы можем наблюдать именно в нашем столетии, – которые стремятся резко порвать с традицией. Этот вид сознательного и целенаправленного варварства иногда давал определенные результаты, хотя следует признать со всей беспристрастностью, что случалось это очень редко».

Традиция для него, как и для Мандельштама, – это существование произведения «не на сегодня, не на завтра, а навсегда», и это означает необходимость взаимопроникновения наследия средиземноморской культуры и современности. То же касается веры в «связь времен» и уверенности в существовании неразрывной связи с миром мысли и искусства минувших поколений.

Как важнейшая вещь в искусстве Пшибыльского интересует новая мифотворческая активность, которую, как он писал в предисловии к «Мифическому пространству наших чувств», «порождает горячее кипение жизни. Наши современные тревоги и заботы, наша замороченность и неуверенность. Свои и общие дела, возникающие денно и ночно, среди которых мы постоянно теряемся, поэты переносят в мифическое пространство, чтобы мы могли распознать их в ярких лучах черного солнца мудрости наших предков». Он

убежден, что только в этом мифическом пространстве чувства «обретают свою полную меру и свою красоту».

Профессор Рышард Пшибыльский – историк литературы, эссеист, переводчик и исследователь текстов Осипа Мандельштама и книг Надежды Мандельштам; работая над своей диссертацией о Достоевском, он познакомился с женой поэта в 1959 г.

Северин Полляк рекомендовал его переводчику польской литературы, который был дружен с Ахматовой. Это Марк Семенович Живов. Рышард Пшибыльский знакомится с Анной Ахматовой. Сегодня он уже не помнит, удалось ли ему тогда купить в Москве цветы, но хорошо помнит, что очень долго их искал.

Ахматова и ее знаменитая шаль, ее рассказы о Мандельштаме – так начиналось первое его очарование, пока наконец не приехала в Москву, скрытно, потому что все еще действовал запрет на ее пребывание в Москве и Ленинграде, сама Надежда Яковлевна.

Для будущего исследователя творчества великого поэта эта встреча стала переломным моментом.

Сегодня он еще раз повторяет, что в его формировании сыграли роль три личности: Анна Ахматова, Надежда Мандельштам и великий польский художник и православный мыслитель Ежи Новосельский. Пшибыльский убежден, что знакомство с обеими женщинами, великими женщинами, было в его жизни событием фундаментальным.

Рискну даже утверждать, что дружба именно с этой необыкновенной женщиной, с Надеждой Яковлевной, не только повлияла на его мысли о жизни и культуре, но и оказала влияние на его исследовательский метод, который он избрал, читая стихи Осипа Мандельштама.

Надежда Мандельштам связывает отдельные стихи с событиями из жизни своего мужа. Каждую запомнившуюся ей деталь из повседневных событий она соотносит со строчками тех или иных произведений поэта. Рышард Пшибыльский ищет идею. Анализ текста должен помочь ему воссоздать ход мысли поэта.

В «Разговоре о Данте» Осип Мандельштам высказывает мнение о том, что в процессе чтения текста самое важное – следить за ходом поэтической мысли. Он был убежден в том, что готовое произведение, называемое им (как это определяла Надежда Мандельштам в эссе «Моцарт и Сальери») «буквенницей», которое остается после творческого порыва, может воскресить к новой жизни читатель. «В поэзии, – писал он, – важно только исполняющее понимание – отнюдь не пассивное, не воспроизводящее и не пересказывающее».

Рышард Пшибыльский в своем первом эссе, посвященном Мандельштаму, которое он назвал «1919. Отъезд на острова блаженных» (это высокого мастерства истолкование стихотворения О. Мандельштама «На каменных отрогах Пиэрии»), идет за текстом поэта, давая ему объяснение в тесной связи с европейской традицией; он не рассказывает о стихотворении, а старается проникнуть в его связь с другими стихами Мандельштама, с жизнью самого поэта, а также с творениями других поэтов, с мифами и истолкованиями этих мифов, открывающих «блаженные острова».

В примечаниях мы находим такую пометку: «Надежда Яковлевна была так добра, что сообщила мне много чрезвычайно важных сведений о жизни и творчестве поэта. Они помогли мне лучше понять идиллию».

Другая пометка звучит так: «Поэт датировал стихотворение 1919 годом. По свидетельству Надежды Мандельштам, местом его написания был Киев. Несмотря на пылающий вокруг мир, стихотворение было написано в атмосфере покоя, которая возникает, когда есть настоящая любовь. Не исключено, что встреча с г-жой Хазиной, будущей женой поэта, открывавшая новую эпоху в его жизни, оказала влияние на возникновение нежного отношения к старой легенде о счастье».

Знаменательно, что эта информация, указывающая на любовь как творческий импульс к созданию стихотворения, никак не отражена в тексте эссе. Автор «Мифического пространства наших чувств», стремясь верно сле-

довать тексту стихотворения, ищет в нем «внутреннюю тему», ибо, как писал Осип Мандельштам, стихотворение живет еще до его воплощения на бумаге, живет – своим внутренним образом, который слышит слух поэта. Остается только записать.

Пшибыльский, как и Мандельштам, убежден, что традицию мы не можем и не имеем права отрицать. Ибо она есть сокровищница человеческой мудрости. Поэтому так близко ему стихотворение, воскрешающее и обновляющее миф о *блаженных островах*.

И далее следует описание истории этого мифа – начиная с Гесиода, Пиндара, Платона и Горация – как своеобразной разновидности легенды о золотом веке. Это – путешествие, в которое вслед за Мандельштамом приглашает нас с собой исследователь текста. Это – путешествие в мифическую страну, которая живет в современном сознании. Два основных отличительных свойства этого топоса, воспроизводимого на протяжении веков, – постоянство и переменчивость, т. е. Греция Гесиода и Греция Гомера, – это и постоянная отправная точка в поэтическом воображении Мандельштама, и с той же силой, как представляется, они уводят за собой воображение Пшибыльского. Он уверен, что этот топос не поддается внезапной модификации, что идиллия, которая становится «песней о тоске по безвозвратно утраченному совершенству мира», как никакая другая вписывается в современную историю.

Анализируя функционирование этого мифа в искусстве разных эпох и, как он считает, фальсификацию его романтиками и символистами, которые последовали за александрийской традицией, Пшибыльский приходит к выводу о том, что только Осип Мандельштам, строго следуя творениям Гесиода, представил правду античности.

Любопытно, что в 1963 г., т. е. за три года до выхода книги *“Et in Arcadia ego...”*, в которой было помещено эссе о стихотворении «На каменных отрогах Пиэрии», автор получил письмо от Надежды Мандельштам, в котором она писала: «Знал ли О.М. Гесиода и Сафо? Чуть-чуть нюхал, а не знал. Но, верно, что-то текло в крови – вся поэтическая

традиция, всегда необходимая и всегда обновляющаяся в новых руках... Вернее, губах...»

Анализ стихотворения, сделанный Рышардом Пшибыльским, не оставляет сомнений в том, что Греция, которую увидел поэт, представлена такою у Гесиода, и исследователь, невзирая на суждение Надежды Мандельштам, не отступает от своего мнения. Он пишет: «В идиллии Мандельштама, таким образом, не будет панорамы идеальной красоты, нереального совершенства и “образных иллюзий”. Впервые за сотни лет Феокрит окажется предан в пользу простой Сафо и труженика Гесиода».

Сафо появляется в истолковании Пшибыльского, когда он находит совпадение двух стихов у Мандельштама: «Бежит весна топтать луга Эллады. / Обула Сафо пестрый сапожок», – и у Сафо: «...а ноги / пестрый ей ремень покрывал, / лидийской чудной работы».

Этот «пестрый сапожок», который отыщет в хаосе веков исследователь литературы, значит гораздо больше, чем просто демонстрация своей эрудиции. Интуиция того, кто стремится идти вслед за мыслью и воображением поэта, сделает для него возможным именно такое чтение, которое, по мнению Мандельштама, является «одновременно исполняющим пониманием».

Помещая идиллию Мандельштама в обширный контекст культуры, обращаясь в процессе интерпретации к различным литературным теориям, к переменчивости топоса *блаженных островов* с его положением в русской литературной традиции, к переосмыслению в произведениях художников, давая нам знание о пейзаже Греции, каким видят его различные исследователи, в том первом своем эссе о Мандельштаме Пшибыльский отказывается от одного соблазна, а именно: выйти за рамки читаемого текста.

Исследователям случается испытывать соблазн дополнить прочтение стихотворения знанием дальнейшей судьбы его автора, который – когда создает конкретное произведение – еще не знает ничего о своем будущем.

Пшибыльский, следуя тексту, а вернее, многим текстам, которые вписываются в исследуемое им произведение, а также в другие стихотворения Мандельштама, в стихотворные произведения греческой и римской литературы, в произведения классиков и современных исследователей мифов, избегает биографичности. А ведь он сам, читатель и аналитик, постоянно присутствует в эссе через свои суждения, предлагаемые цитаты, через свое знание истории и ее механизмов. Неслучайно эссе, где он вспоминает, в какие жестокие времена описывал свои *блаженные острова* Гораций в XVI оде (написанной, когда после резни под Филиппами участились политические убийства, когда люди погибали от рук наемных убийц, когда воцарились голод и «кровавый мир»), заканчивается очень характерным для Пшибыльского образом: «Пребывание Мандельштама на *блаженных островах*, лежащих в океане поэтических снов, продолжалось недолго. Поэт вернулся на пылавшую землю. <...> В мире лилась водка и кровь, свирепствовал голод и огонь. Поэтому нет ничего более человеческого, чем эта идиллия, чем мечты о *блаженных островах*, на которых кроме извечных идиллических радостей – лугов, источников и меда – появляется вдруг обычный, свежий хлеб».

Биография поэта понадобится Пшибыльскому в следующих эссе, посвященных автору “Tristia”. Здесь ему было достаточно сравнения с эпохой Горация и необычного завершения, в котором он переносит аркадские луга на пылавшую землю 1919 г.

В первой половине 1960-х гг. Рышард Пшибыльский работал над текстами Мандельштама. Его приезды в Москву стали чаще и продолжительней; совместная работа с Надеждой Яковлевной – сначала на квартире Василисы Шкловской, а позднее уже в собственной квартире вдовы поэта – увенчалась его новыми трудами.

В 1971 г. в Польше впервые вышел сборник стихотворений Осипа Мандельштама. Составителем сборника и автором предисловия к нему был Рышард Пшибыльский.

С настойчивыми предложениями об издании этой книги Пшибыльский обращался в ПИВ (польский Госиздат)

в течение двух лет. И раз за разом получал отказ. Казалось, что эта его затея останется бесполезной. Но неожиданно редактор Ласонь, принимавшая в издательстве решения относительно издания книг, переводившихся с русского языка, объявила, что они издадут Мандельштама, но «только это надо сделать очень быстро». Обрадованный и вместе с тем заинтригованный таким решением, Пшибыльский начал расспрашивать своих знакомых женщин-редакторов, что такого случилось, что он вдруг получил согласие. И узнал, что г-жа Ласонь тяжело больна раком и, как она сама сказала, уже ничем не рискует.

Эта короткая история, рассказанная мне профессором Пшибыльским, как нельзя лучше соотносится своей трогательностью с историей восприятия Мандельштама.

В замечательном предисловии к этому избранному Рышард Пшибыльский писал: «Драма Мандельштама — это фигура нашей судьбы. Возможно, это наиболее знаменательный поэтический опыт XX века. У Мандельштама, как и у Моцарта, нет могилы. Он навеки остается в памяти человечества.

Поначалу я хотел, чтобы настоящий сборник отражал эту драму».

Сборник стихов, однако, построен иначе, чем первоначально задумывалось, так как оказалось, что перевод Мандельштама — «занятие невероятно трудное».

«Поэтому ничего удивительного нет в том, — пишет Рышард Пшибыльский, — что даже маститые поэты отказались от попыток перевести отдельные стихотворения. Вместо планировавшейся конструкции возник сборник произведений, которые удалось-таки перевести».

Когда он писал книгу о Мандельштаме «Благодарный гость Бога», Пшибыльский, и это характерно, цитировал поэта в оригинале, по-русски, а в примечаниях, в конце книги, предлагал свой филологический перевод или же готовый перевод, если таковой существовал.

На мой вопрос, зачем он так усложняет задачу польскому читателю, который не всегда может прочесть цитируемое стихотворение, он отвечал, что любой перевод есть

истолкование, а он предлагает как раз свое истолкование произведения.

Истолкования Пшибыльского указывают на еще одну, пожалуй, самую принципиальную трудность, с которой сталкивается переводчик. Об этом он писал в предисловии к сборнику стихов: «Главная черта поэзии Осипа Мандельштама – принцип преобразования *поэтических инструментов*. Термином “поэтические инструменты” великий лирик обозначал все смысловые и звуковые возможности, содержащиеся в словесном материале, который дает поэту родной язык. Принцип преобразования проистекает из закона ассоциаций. Человек, живущий в определенной культуре, постоянно вынужден прибегать к ассоциациям. <...> Создание поэзии – это непрерывная и произвольная цепь сочетаний, которая благодаря звуковой или смысловой ассоциации вызывает к жизни целый ряд образов».

Работа исследователя текстов основана, следовательно, на воспроизведении также звуковых ассоциаций, культурных ассоциаций, но прежде всего на таком погружении в культуру, чтобы традиция стала движущей силой воображения.

Для того чтобы показать, как этот «принцип преобразования» поэтической материи выглядит на практике, Пшибыльский предлагает в предисловии, на пяти страницах, истолкование стихотворения «Поговорим о Риме», написанного в 1913 г.

Много лет спустя обстоятельное, невероятно глубокое истолкование этого стихотворения легло в основу эссе, написанного по-русски, а позже, еще раз, по-польски: «Рим, или Мечта о всеединстве». Эссе появилось сначала в посвященном русистике ежемесячном журнале, выходящем в Гааге, а затем вошло в книгу «Благодарный гость Бога», изданную в Париже в 1980 г.

Рим в поэзии Мандельштама, как это показывает Пшибыльский, противопоставляется Элладе.

Город, в который стремится поэт, – это «Эллада, лишенная милости». Идея всеединства, воспринятая от

Владимира Соловьева, определяет русское путешествие в Рим. Другим мыслителем, который покровительствует возникновению цикла римских стихов, становится Чаадаев. И как пишет Пшибыльский: «Чаадаевское путешествие в Рим становится для Мандельштама символом паломничества к надгосударственному сакральному Центру, в котором история не есть механическое истечение времени, но в котором собственную внутреннюю свободу не надо нести на жертвенный алтарь в угоду некоему сообществу либо ведомству».

Интерпретируя очередные стихотворения из римского цикла, обращая особое внимание на топос купола базилики св. Петра и топос луны над Форумом Романум – образ, известный со времен элегий Овидия, веками существующий в мировой поэзии вплоть до Тютчева, – автор напоминает нам, откуда доносится до нас голос поэта. Он доносится до нас из Центра, он идет к нам от космической оси мира. Это то место, которому принадлежит поэт. Великий среди великих сего мира, ибо «тот, кто находится в Риме и происходит из Рима, находится в мире и принадлежит миру».

В следующей главе книги «Благодарный гость Бога», получившей название «Эллинизм как система», автор анализирует и раскрывает три элемента эллинизма, принятые Мандельштамом, а именно: слово, имя, символ. Можно сказать, что для Пшибыльского, ученика Демокрита, чрезвычайно важным было открытие в поэзии Мандельштама материального мира вещей, осязаемой, поддающейся контролю разума действительности. Если в эпоху эллинизма средством Бытия стал человек, не его сознание, а его личность, мыслящее тело, то также и слово становится знаком, свидетельством феномена.

Пшибыльский, анализируя понимание Мандельштамом символа, который объединяет людей, одновременно показывает полемику акмеистов с символистами. Он пишет: «Мандельштам не хотел познавать вещей самих в себе, не стремился к умопостижению тайн ноуменов. Он знал, что человек окружен символами, в которых сокрыт

весь исторический опыт людей. Ведь символ – это *совладелец времени через всех его попутчиков, соискателей и сооткрывателей*. Читая символ, раскрываешь самую невероятную тайну, тайну материального мира. Символическая форма не была для Мандельштама знаком трансцендентной субстанции, она была для него функцией культурного опыта людей».

Любое исследование автора «Мифического пространства наших чувств» вводит читателя в широко понимаемый мир культуры. Так, например, задумываясь над тем, как поэт понимал слово, он представляет нам полемику акмеистов с футуристами и с их концепцией заумного языка.

Другие главы «Благодарного гостя Бога» знакомят нас с образами идей, содержащихся в стихотворениях поэта, как представляет их себе Пшибыльский, – мандельштамовским пониманием времени (здесь находит свое место знаменитый анализ концепции, возникшей под влиянием бергсоновской философии, концепции *веера времени*), вечности и вечности вне времени, или вечности Бога.

К проблеме религиозности Мандельштама, к его мистицизму Пшибыльский возвращается многократно, чтобы перейти от описания религиозного восприятия мира, которое отразилось уже в самом восхищении существованием конкретных вещей, простейших предметов, до размышлений над радостью приятия этого мира – дворца Бога. И тогда мы можем прочесть такое вот утверждение: «Мандельштам считал, что символ – это оружие людей, которые составили заговор против Небытия. Символы объединяют живых и мертвых в единую общность, которую апостол Павел называл Церковью, а мы – культурой».

Пшибыльский анализирует труды Мандельштама, не оставляя без внимания очерки поэта, которые в его переводе и с его примечаниями были опубликованы в Польше в 1972 г. книгой «Слово и культура». Особенно существенную роль играют очерки Мандельштама при анализе его отношения к музыке и архитектуре. Здесь в полной мере проявился, по мнению Пшибыльского, эллинизм ав-

тора, который не рассматривал мысль и дело как антиномию. И далее читаем: «Для Мандельштама архитектурный характер имело даже само существование человека, форма его бытия, его *graxis*. Просто оказалось, что “мыслящее тело” есть строение. Ничего удивительного, ведь создал его Величайший Архитектор».

Последняя глава книги «Благодарный гость Бога», которая носит название «Феноменология текста», представляет собой великолепный анализ нескольких воронежских стихотворений, буквально ошеломляющий богатством содержания и глубиной сопереживания.

Именно сопереживанию научился молодой исследователь проклятых вопросов Достоевского, вращавшийся в кругу людей, близких к Ахматовой и Надежде Яковлевне. К Надежде Яковлевне в шестидесятых годах приходили люди, выпущенные из лагерей, – и их надо было выслушать и понять. Надежда Яковлевна говорила, что она, как и ее муж, не любила сострадания. Важным для них было сопереживание.

Рышард Пшибыльский, анализируя стихотворения, написанные поэтом в конце жизни, ссылается на свидетельства его жены. Они раскрывают отдельные фрагменты повседневной действительности и тогдашних событий, которые повлияли, как, например, похороны военных летчиков, жертв катастрофы, на написание стихотворения «Не мучнистой бабочкою белой...».

И лишь один раз точный во всем исследователь текстов и фактов позволяет себе сделать предположение. Вот этот фрагмент, очень знаменательный и для меня потрясающий: «Сын Божий был исключительно благодарным гостем в обители своего Отца, хотя и был обречен на муку и преждевременную, если говорить о человеческих мерках, смерть. Подражать Христу значит подражать его благодарности. Не хотел бы говорить слишком много, но кажется мне, что в последние четыре года своей жизни Мандельштам понимал написание стихов как подражание Христовой прижизненной жертве. Написание каждого стихотворения было очередной станцией на его крестном

пути. И очередным свидетельством того, что несмотря на беспощадность и дикую жестокость палачей, несмотря на глупость и хамство толпы он до конца оставался благодарным гостем Бога».

Заглавие книги получило объяснение. Мы знаем, кем для Рышарда Пшибыльского был Осип Мандельштам. Остается еще один аспект, и зовется он «Улицей Мандельштама», улицей, а вернее глубокой ямой, или иначе – улицей Мандельштама, который подобно тому, как Элиот, как Валери, как Данте, как Гораций, принадлежит миру, а значит, и нашей, польской культуре.

И вот в эссе возникает поворот к нашей истории. Рышард Пшибыльский прямо обращается к читателю: «Когда ты идешь улицами Варшавы, ты спускаешься к мертвым, потому что каждый в этой толпе несет в себе тяжкий груз времени предков. Эта уличная толпа и есть наша вечность, то есть могила великого поэта Осипа Мандельштама. Прах, который он одолжил у материи, свалили мучившиеся рядом с ним в братскую глубокую яму в лагере под Владивостоком. А его время, превратившись в свет, не могло быть погребено, и теперь этот свет льется над варшавской толпой, падает на широкие форумы полей и колоннады лесов, зажигает ночью лампу у изголовья польских студентов, которым предстоит пройти хоть и короткий, но очень тяжелый путь: *per aspera ad astra*».

И уже не вызывает удивления, что в конце книги среди близких и дорогих ему людей, в квартире Варвары Шкловской, оказывается и сам Мандельштам, к личности которого на протяжении всего эссе обращается Рышард Пшибыльский – исследователь и переводчик его замечательных текстов.

Перевод с польского Ларисы Гвозд

Анн Фэвр-Дюпэгр

НЕОЖИДАННЫЙ «ТАМИЗДАТ»: СТИХИ МАНДЕЛЬШТАМА В ПОЛЬШЕ 1980-х гг.

Когда Павел Нерлер попросил меня выступить на тему «Мандельштам и тамиздат» в качестве «западного слависта», я вспомнила, что у меня рядом со славистикой главная специальность — сравнительное литературоведение. И я решила провести опыт, так сказать, «сравнительной славистики». Я расскажу о том, как мне, западному слависту, удалось познакомиться с двумя явлениями польской культурной жизни 1980-х гг., которые свидетельствуют о том, что Польша на свой лад внесла некий вклад в дело мандельштамовского тамиздата. Весь парадокс состоит, конечно, в том, что Польша тогда не находилась с той стороны «железного занавеса», где по обычным представлениям создавался тамиздат.

Историю польского восприятия Мандельштама следовало бы изучать основательно. Этим занималась, в частности, славистка из Познани Моника Вуйчяк, автор книги о польском восприятии неофициальной литературы Советского Союза¹ и статьи о знакомстве с творчеством Мандельштама в Польше, напечатанной в вроцлавском журнале “*Pamiętnik Literacki*” в 2009 г. Я сегодня сосредоточусь на том, что произошло в культурной жизни страны после возникновения независимого профсоюза «Солидарность», точнее, после 13 декабря 1981 г. и прихода к власти генерала Ярузельского, который ввел в Польше военное положение.

© Фэвр-Дюпэгр А., 2014

Одним из ответов на введение военного положения был новый всплеск мероприятий, связанных с Мандельштамом и навеянных его поэтическим творчеством, – причем, не только тем, что Михаил Гаспаров называл «гражданской лирикой» Мандельштама, но и его творчеством в целом. Два из этих мероприятий оставили глубокий след в сознании современников: издание в Кракове новой книги стихов и постановка в Познани театрального спектакля о Мандельштаме. Русский поэт стал тогда для польской интеллигенции и артистической среды символом противостояния государственному тоталитарному насилию во имя культуры – европейской культуры, восходящей к греко-латинским корням, – и символом силы и свободы поэтического слова, исполненного иудео-христианской духовности. Этот образ проистекает прямо из работ польского литературоведа Рышарда Пшибыльского, которые оказали несомненное влияние на оба явления, о которых теперь пойдет речь.

В октябре 1984 г. поступил в продажу краковский сборник² мандельштамовских стихотворений³. Это – подборное Марией Лесьневской двуязычное (русско-польское) издание 240 стихотворений Мандельштама, из которых 59 отсутствовали в советском сборнике, составленном Н. Харджиевым. Большинство из этих «новоизданных» стихов относится к творчеству 1930-х гг., к опыту сталинского террора и ссылки, к тому, что привело поэта к гибели. Из ранних стихов добавились те, в которых появляется религиозная – христианская или иудейская – тема, а также те, которые посвящены Ахматовой. Более того, для читателя, умеющего читать, четко обозначено на 4-й странице книги в качестве источника этих «открытий» издательство “Inter-Language Literary Association” – правда, без указания места издания. А на суперобложке названы без обиняков «Воронежские тетради» и автор вступительной статьи «к американскому изданию» профессор Кларенс Браун. Одних этих наименований было бы достаточно, чтобы разозлить советских блюстителей издательского порядка и возбудить в них исконную враждебность ко всякому намеку на тамиздатское производство. Однако главным

грехом этого издания было, по всей очевидности, то, что запретные стихи тут были напечатаны не только в польском переводе, но еще и по-русски. То есть этот том стихотворений фактически являлся «тамиздатской» книгой, явившейся внутри социалистической (пока что) Польши! Тамиздат с официальной печатью государственного издательства “Wydawnictwo Literackie. Kraków – Wrocław”. Это привело к тому, что советское консульство в Кракове настоятельно попросило, чтобы польские власти прекратили распродажу книги и уничтожили оставшийся тираж.

Напомним: шел 1984 год, Советским Союзом правил Константин Устинович Черненко, в Польше после официального снятия военного положения 22 июля 1983 г. длилось еще полувоенное состояние, которое спланивало гражданское общество (включая издательства) против всемогущей власти генерала Ярузельского и вездесущего произвола ЗОМО – польских ОМОНовцев. Итак, продажа прекратилась во второй половине того же дня, когда началась, и счастливицы, которым удалось вовремя купить книгу, стали рассматривать свою добычу как уникальный клад и дарить ее как особенно ценный подарок.

В том, что нераспроданный тираж действительно подвергся уничтожению, можно сомневаться, поскольку та же книга снова оказалась на полках книжных магазинов три года спустя⁴, т. е. в 1987 г., когда в СССР уже шла перестройка и можно было думать об официальном возвращении мандельштамовского творчества к русскому читателю, но нигде не указано на какое-нибудь переиздание этой книги в 1987 г. Ее можно сейчас купить в Интернете за низкую (увы) цену – около 20 злотых, – и на всех объявлениях стоит либо дата издания: 1983 г., либо дата печатания: 1984 г.

Стоит заметить, что крамольный сборник был уже составлен за два года до выпуска. На последней странице стоит заметка: «Сдано в набор 30.09.1982. Подписано к печати в июле 1984. Печать окончена в октябре 1984». Сборник оказывается, таким образом, современником другого знаменательного культурного события того же 1982 г. – постановки в познаньском «Театре Восьмого Дня» спектакля «Взлет»,

посвященного жизни и творчеству Осипа Мандельштама. Надеюсь, что мы найдем еще возможность представить вам более подробно этот спектакль и показать отрывки той видеозаписи, которую мне подарили в 1985 г. Сегодня подчеркну только то, что действующих лиц в этой пьесе три: Поэт, Чекист-НКВДшник и Стукач – помощник Чекиста. Сценарий, написанный руководителем труппы Лехом Рачаком, опирался главным образом на воспоминания Надежды Яковлевны, и в нем чередовались биографические эпизоды из последних годов жизни Мандельштама (начиная с эпиграммы на Сталина), монологи самого Поэта на философские, общественные и эстетические темы, навеянные, по-видимому, чтением Пшибыльского, два рассказа, произнесенных тем же Поэтом, второй из которых принадлежит перу Шаламова⁵, и стихи Мандельштама в польском переводе познаньского поэта Станислава Бараньчака, спетые Евой Вуйчак на музыку Леха Ланковского в сопровождении гитары, скрипки или цимбал. «Взлет» был поставлен за очень короткий срок – две недели – вслед за демонстрацией против военного положения в Познани и задержанием некоторых членов труппы. Спектакль, со слов Моники Вуйчак⁶, представлял собой ответ познаньского режиссера на военное положение, установленное генералом Ярузельским. Со сцены звучал текст эпиграммы на Сталина, произнесенный самим Поэтом, – текст, который тогда нельзя было найти ни в одной книге, изданной в СССР или в какой бы то ни было соцстране. Звучали в устах певицы и другие стихи, которые даже Лесьневская не включила в свой сборник. Звучали, правда, по-польски, но с явным намерением сделать стихи Мандельштама доступными как можно большему количеству людей в Польше и за границей: с этой целью был снят фильм на видеопленке, которая была издана на скорую руку малоизвестной фирмой «Видео-контакт». Она распространялась в полулегальных условиях – без указаний на авторов спектакля и съемки, без фамилий актеров, без даты, и это приводило к тому, что главным оставалось творчество самого Мандельштама, звучащее за пределами Советского Союза: чем не «тамиздат»?

Итак, Польша 1980-х гг., годов «Солидарности» и военного, затем полувоенного положения (вплоть до круглого стола 1989 г.) оказалась причастна к делу мандельштамовского «тамиздата», что нас заставляет рассмотреть по-другому принятые границы географического пространства «тамиздата». Роль, которую сыграли польские переводы мандельштамовских стихов в создании духовной границы между обществом и властями, показывает, что «железный занавес» не является единственной – природной – границей между «самиздатом» и «тамиздатом». Тамиздат мог появиться и там, где ему не должно было быть места.

Москва, декабрь 2010 г.

¹ См.: *Wójciak M.* Enklawy wolności: Literatura rosyjska w Polsce 1956–1989. [Б. м.], 2010.

² Ibid. S. 90.

³ Я благодарю Олю Шамфарову, которая мне предоставила для приготовления доклада свой экземпляр, тогда как мой остался в Париже.

⁴ См.: *Wójciak M.* Op. cit. S. 90.

⁵ Речь идет о «Шерри-Бренди» из «Колымских рассказов». Остается установить, откуда происходит первый рассказ.

⁶ *Wójciak M.* Op. cit. S. 92. Заметим, что город Познань оказывается особым образом связан с распространением мандельштамовского творчества в Польше: Бараньчак издал несколько лет спустя целый сборник своих переводов, а вслед за актрисой-певицей Евой Вуйчяк стала бродить по дорожкам мандельштамовского творчества и ее дочь (так предполагаю) литературовед Моника, автор вышеупомянутой статьи, которая теперь преподает в Познаньском университете. Стоило бы Мандельштамовскому обществу связаться с таким живым очагом мандельштамоведения.

Б И О Г Р А Ф И Я

Ирэна Вербловская

О ВЕРБЛОВСКИХ: НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О РОДНЕ О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА ПО МАТЕРИНСКОЙ ЛИНИИ

Эмиль Вениаминович Мандельштам (1851–1938) – отец Осипа Мандельштама – из многочисленных жагорских Мандельштамов. Он был незаурядным человеком, с интересами, далеко выходившими за рамки пристрастий обычного ремесленника или купца. Его тяга к светским знаниям не находила понимания в ортодоксальной еврейской семье; в пятнадцать лет он уехал в Берлин, где учился в одной из двух имевшихся там высших талмудических школ. Однако мечтал он не о торе, а о светской философии, чем и пробовал заняться. Очень скоро нужда заставила его бросить сии штудии и стать перчаточных дел мастером и сортировщиком кож, о чем свидетельствует грамота Динабургской¹ управы от 1891 г.

О роде отца поэта известно не так много, но все же гораздо больше, чем о материнском роде.

Флора Осиповна (урожденная Вербловская, 1867–1916) – горячо любимая мать поэта, очень рано, сорока девяти лет, умершая, принадлежала совсем к иному кругу, чем ее муж. Она росла в интеллигентной семье, органически связанной с русской культурой. Среди ее родственников – такие известные в свое время люди, как литературовед Семен Афанасьевич Венгеров и его сестра Изабелла Афанасьевна, профессор Петербургской консерватории, секретарь М.М. Ковалевского Вера Сергеевна Пергамент, писатель Михаил Слонимский. Сама Флора Осиповна окончила гимназию, была хорошей пианисткой и смогла привить сыновьям любовь к серьезной музыке.

Ирэна Савельевна Вербловская носит фамилию не отца, а матери². Судьба не слишком щадила ее: об этом ее автобиогра-

фическая книга «Мой прекрасный страшный век», выпущенная издательством журнала «Звезда» в 2011 г. До 56 лет – до статьи Р. Тименчика о рижских корнях Мандельштама³ – она даже не догадывалась, что носит ту же фамилию, что и мать поэта. А когда узнала, то сразу пронеслась искорка: однофамильцы? А может, родственники?

Проанализировав документы из семейного архива и все другие сведения, какие только смогла раздобыть, главным образом косвенные, она пришла к выводу, что – родственники, и даже смогла обозначить степень своего родства с поэтом. О чем и сделала доклад на Мандельштамовских чтениях в Варшаве.

Ее построения базировались на том допущении, что Йохель Вербловский, ее прадед, и Осип (Иосиф) Вербловский, дед поэта, – одно и то же лицо, в пользу чего говорило сразу несколько поразительных совпадений.

Но уже после чтений (а поиск новых источников продолжался все время) она встретила документ, разрушивший ее уверенность. Первым ее порывом было снять публикацию, но мы уговорили ее написать вместо этого уточняющее дополнение.

Новые сведения никак не снижают значение статьи как уникального материала по генеалогии Мандельштама по материнской линии. Думается, что они вовсе не закрывают вопрос о родственных связях, а только корректируют имевшиеся представления о степени родства, стимулируя тем самым дальнейшие разыскания.

Сведения, утратившие свою четкую релевантность, даются пониженным кеглем.

П. Н.

У деда поэта, ОСИПА (Иохеля, Иоселя) был брат ЕВСЕЙ (Гавсей).

У Осипа была дочь ФЛОРА, мать поэта, и два сына ГЕНРИХ (Генох) и ИСААК (дядя поэта.)

Братья были погодками. Одновременно они поступили в Дерптский (Юрьевский) университет и одновременно окончили его в 1898 г.

Оба брата одновременно в 1899 г. переехали в Петербург, сдав в наем небольшой принадлежавший им дом в г. Паневеже.

Незадолго до переезда в Петербург Исаак Осипович женился на девушке из Двинска (Даугавпилса), где и завязалось его знакомство с нею. По-видимому, семья Осипа Вербловского жила длительное время в Двинске. Ведь и Флора Осиповна и Э.В. Мандельштам поженились в Двинске за 10 лет до Исаака. Непосредственно перед переездом в Петербург Исаак с молодой женой Паулиной жили в Риге. Но уже в 1899 г. братья – Генрих и Исаак – переехали в Петербург.

Судя по справочно-адресной книге «Весь Петербург», Генрих Осипович (дядя поэта) в 1910 г. покинул Петербург (либо умер?). Во всяком случае, ни в каких справочниках ни он, ни Генриховичи не упоминаются. А те 10–11 лет, что он жил в Петербурге, он был практикующим дантистом. К тому же он был членом «Общества

1-я Мил. Ведомости из дом. наместик состоит из города (попечитель из части квартала при Владимирском уезд. мосту № — отдавае намъ Деревянное одноэтажное помещение а этаж состоящее из трех комнат, кроме того есть передви. кухня веранда и прихожей, а также и коридор, красиво и принимательные из дому сады —

2-е) Арендный платеж условлен договорившимися по стоимости добычи рыбы
130 рублей из года которого и убавляется
обязан заплатить следующим порядком: по поимке т.е. при добыче
контингента шестидесяти тысяч рыбы и
при шестидесяти тысяч, шестидесяти тысяч рыбы,
т.е. 29% от улова 1899 года.

[illegible]

М. Ф.

КОВЕНСКАЯ

КАЗЕННАЯ ПАЛАТА

Отделение /

Стол французский

3. Октября 1899 г.

№ 280/99

г. Ковна

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Дано сие изъ Ковенской Казенной Палаты, за надлежащею подписью и приложеніемъ Казенной печати, Поневѣжскому мѣщанину Исааку Іохелевичу Вербловскому въ томъ, что постановленіемъ Казенной Палаты, 28 Октября 1899 г. состоявшимся, онъ, Вербловскій, какъ удостоенный, опредѣленіемъ Медицинскаго Факультета ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета, званія Дантиста, исключаясь изъ Поневѣжскаго мѣщанскаго общества, со 2-ой половины 1899 г.

Настоящее удостовѣреніе, выдано Исааку Іохелевичу Вербловскому, для представленія въ С.-Петербургскую Полицію, и установленнымъ гербовымъ сборомъ оплачено.

Управляющій Палатою, *М. М. М.*

Начальникъ Отдѣленія

Столначальникъ

распространения ремесленного образования среди среднего и бедного населения Петербурга в память 200-летия основания города». Вероятно, поддерживал его материально. После первого года проживания в Петербурге на Лиговском проспекте он переехал на ставшую тогда престижной Петроградскую сторону и до исчезновения из города жил на Большой Дворянской ул., 33, кв. 8.

Исаак Осипович Вербловский (1868–1918) (дядя поэта) поселился вблизи Витебского (Царскосельского) вокзала, на Загородном пр., д. 28 и имел там же свой зубо-врачебный кабинет. Судя по расписанию, он не соблюдал субботу и не отдыхал в воскресенье. В праздники и выходные его кабинет был открыт с 9 утра до 4 часов дня, а в будние дни с 9 до 19 с двухчасовым перерывом в середине дня. Раз в неделю он выезжал лечить зубы учащимся и преподавателям Ораниенбаумского городского училища им. Великой княгини Елены Павловны (благотворительность? иначе за что бы в одном из справочников он назван «поч. гр.»? значит, имел звание почетного гражданина Петербурга). Он скончался в Павловске в июле 1918 г. от пневмонии, оставив вдову и почти 17-летнюю дочь Наталью.

После его кончины осталась большая библиотека на русском, немецком, французском и английском языках. К сожалению, уцелело лишь несколько разрозненных томов Л. Толстого с металлическим (латунным) портретом на переплете и один из 12 томов собрания сочинений В.А. Жуковского с печаткой “I. Verblovsky”.

Наталья Исааковна Вербловская (1901–1941). Родилась в Петербурге (Павловске). До 13 лет получала домашнее образование. Овладела пятью европейскими языками. В 1914 г. поступила в частную гимназию Хитрово и окончила с правом на золотую медаль в 1917 г. Из-за смерти отца год по окончании гимназии не училась – преподавала балетные танцы и репетиторствовала и, как и в гимназические годы, исправно посещала Институт Живого Слова. В 1918 г. поступила в Петроградский университет на юридический факультет, весь курс которого прошла к 1921 г.

В связи с реформированием университета вся программа юрфака уложилась в 3 года. До поступления в адвокатуру работала на разных канцелярских работах. С юности, как это бывало в те времена и в той среде, писала стихи, а до конца жизни – эпиграммы и юбилейные «по случаю».

Одновременно с университетом она окончила Петроградскую консерваторию по классу фортепиано у профессора О. Калантаровой. Известно, что у этого профессора учились только одаренные студенты. Надо думать, что Наталья Исааковна не была исключением.

Колоссальную роль в жизни Н.И. в формировании ее личности сыграла ее дружба с отроческих лет со старым профессором, одним из столпов российской юриспруденции, автором записок «На жизненном пути» и «Житейских встреч» А.Ф. Кони.

В 1925 г. Н.И. поступила в Коллегию защитников. В 1929 г. вместе с мужем была арестована и по решению ОСО выслана на 3 года в Новосибирск. Поводом было знакомство с сотрудниками итальянского консульства и регулярное посещение проводившихся там мероприятий. Им вменялось в вину «подозрение в шпионаже». Через 3 года они возвратились в Ленинград. В Коллегии защитников сразу восстановиться не удалось. Она занималась техническими переводами, которыми зачастую прирабатывала и в последующие годы; затем работала в отделе переводов в ВОКСе. С 1933 г. и до смерти в 1941 г. – член Коллегии защитников. После ее смерти остались близнецы – сын Георг (Юрий) и дочь Ирэна (Ирина). С 1924 г. Наталья Исааковна состояла в законном браке с Савелием Григорьевичем Арновичем. По причинам, известным лишь родителям, дети унаследовали ее фамилию.

Георг Савельевич Вербловский (двоюродный племянник поэта) – окончил Высшее военно-морское училище и служил на Балтфлоте. В 1958 г. он демобилизовался и поступил в Северо-Западный заочный Политехнический институт. По окончании второго высшего образования работал в Институте Прецизионного приборостроения, а затем много лет был заместителем директора по науке

в НИИАШе – Научно-исследовательском институте абразивов и шлифования. Он был автором методической рекомендации «Метрологическое обеспечение разработки и производства абразивного инструмента». В 1990 г. проводил краткосрочный семинар по теме «Метрология и повышение качества промышленной продукции». На эту тему было у него еще несколько публикаций. В последние годы, уже на восьмом десятке, он преподавал на курсах менеджмента. Скончался в мае 2011 г.

Его единственная дочь Наталья Георгиевна Вербловская в 1981 г. вышла замуж и перестала быть носительницей фамилии. Н.Г. Александр живет в Нью-Джерси в США. Она имеет двух детей – сына Михаила и дочь Дину-Марию (правнучатых двоюродных племянников поэта).

Ирэна Савельевна Вербловская получила образование на историческом факультете Ленинградского университета. После нескольких лет педагогической деятельности была в 1957 г. арестована по статьям 58-10 ч. 1 и 11 УК РСФСР и осуждена на 5 лет ИТЛ (исправительно-трудовых работ).

Одним из поводов к аресту было сочувствие восставшим в 1956 г. венграм. Свой лагерный путь в 1958 г. начинала в той зоне, куда должны были за 20 лет до того этапировать О.Э. – в Мариинских лагерях (Сиблаг). После отбытия срока, не имея права проживать в Ленинграде, жила в Петрозаводске, Калинин (Твери). Вернулась в Ленинград к 1964 г. Весной того же года начала работать экскурсоводом, что стало ее профессией на всю жизнь. Как литературный краевед, она автор статей о Тютчеве в Петербурге, об адресах О.Э. Мандельштама в Петербурге-Ленинграде и др.

Ее статьи публиковались в журналах, сборниках, газетах Петербурга, Тель-Авива, Парижа. Ее перу принадлежит книга «Горькой любовью любимый. Петербург Анны Ахматовой», выдержавшая два издания. Ряд ее статей посвящен лагерной теме. В 2011 г. вышла книга ее мемуаров «Мой прекрасный страшный век». Член Союза писателей С.-Петербурга.

Её дочь Ася Александровна Вербловская окончила Химико-фармацевтический институт и одновременно музыкальную школу для взрослых. В 1990 г. она уехала за границу вместе с мужем и приняла его фамилию. А.А. Миллер – гражданка Израиля, проживает в США. Она мать троих детей – Евы, Ноа и Эммануэля Миллер.

У брата Осипа Евсея (Гавсея) (двоюродного деда поэта) был сын Азриель Гавсеевич (двоюродный дядя поэта). В 1898 г. он приехал в Петербург из Варшавы. По-видимому, Евсей со своей многодетной семьей жил в Варшаве, и можно допустить, что кто-то из его потомков никуда из Польши не уехал. Азриель Гавсеевич вскоре стал зваться Алексеем Евсеевичем. Он держал на Гагаринской ул. торговлю зонтиками, а снимал (или купил?) квартиру на Лиговском пр-те, 87. По этому адресу позже жил его сын.

Матвей Алексеевич Вербловский (1902–1979). Имея инженерное образование, он работал инженером-технологом на обувной фабрике, где экспертом кож был в те же годы Э.В. Мандельштам. Не думаю, что это случайное совпадение. Матвей Алексеевич был участником Великой Отечественной войны. Вместе с Матвеем Алексеевичем жил его сын.

Алексей Матвеевич (1927–2009) – доктор технических наук. В 1962 г. в Горном институте он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук по теме «Исследование процесса термического разложения карбонита никеля с целью получения никелевых изделий и покрытий», а в 1974 г. представил к защите докторскую диссертацию «Карбонильная технология в металлургии никеля (Исследование и внедрение)». Он заведовал кафедрой в Горном институте и руководил отделом в институте Гипроникель. Автор многочисленных статей и монографий.

В молодости А.М. увлекался альпинизмом и водил в горы группы студентов. В 1959 г. у него родилась дочь.

Нина Алексеевна Вербловская. Она получила техническое образование, но реализовала себя как учитель

музыки, окончив музыкальную школу для взрослых и Музыкальное училище им. Мусоргского. Преподает фортепиано в районной музыкальной школе Сестрорецка.

В начале XX в. приехала в Петербург Александра Евсеевна Вербловская (двоюродная тетя поэта). В справочнике указано: «дантист». Держала зубоврачебный кабинет. Надо полагать, что образование она получала в Европе. Через несколько лет, в 1908 г., у нее уже двойная фамилия Вербловская-Юткевич. Она вышла замуж за присяжного поверенного Л.Д. Юткевича. Но уже в 1915 г. справочник сообщает, что она вдова присяжного поверенного. Не меняя адреса, она жила и работала до конца 1920-х гг. С нею жил ее сын Захар Леонидович Юткевич (троюродный брат поэта).

Примерно в те же 1900-е гг. приезжает ее сестра Мария Евсеевна Вербловская (двоюродная тетя поэта), о которой написано, что она повивальная бабка, т. е. акушерка. Надо думать, что свое знание и умение она привезла либо из Варшавы, либо из какого-нибудь другого европейского города. Женский институт в Петербурге открылся тогда, когда она уже практиковала.

От Евсея есть ветвь, живущая в Москве. Но это мне пока проследить не удалось. Судя по некоторым деталям, складывается впечатление, что Флора Осиповна Мандельштам (Вербловская) с двоюродными Евсеевичами была ближе и роднее, чем с родными братьями Осиповичами. Может быть, это объясняет тот факт, что своего первенца, Осипа, она рожала в Варшаве. Ведь в 1891 г. никто из Евсеевичей в Петербург еще не переехал. Но это не утверждение, а допущение.

Носители фамилии Вербловский живут в разных городах страны: в Москве, Челябинске, Нижнем Тагиле, Иrbите, Тюмени. Два ученых с мировыми именами профессора Еврейского университета Иерусалима носят фамилию Вербловских. Это Цви Вербловский – религиовед – и Рафаэль-Иегуда Вербловский – японист. Однофамильцы ли они или дальняя родня поэта, пока неизвестно.

P.S.

Все в этом тексте достоверно, кроме главного. Иохель Вербловский, мой прадед, и Осип (Иосиф) Вербловский, дед поэта, не одно и то же лицо! И, следовательно, родственная связь не прослеживается. Через год после прочтения этого доклада Анн Фэвр-Дюпэгр по моей просьбе сделала запрос в Государственный исторический архив Литвы, и из полученного документа явствует, что Иохель Вербловский действительно родился в Литве в небольшом городке Юрбург (ныне Юрбакас). Но его жена отнюдь не Софья Григорьевна Эльяшева (бабушка поэта). Совпадением является то, что Осип Вербловский тоже из Юрбурга. Сотрудник музея диаспоры в Тель-Авиве считает, что эти Вербловские родственники, но степень родства пока не ясна.

22 августа 2012 г. из израильского Института «Память народа» Ицхак Фуксон, научный сотрудник, историк, прислал мне письмо, где, в частности, он писал: «Информация, судя по которой Ваши предки были близкими родственниками Флоры (матери поэта): отца Флоры звали также Иосиф, он родился в Юрбурге в 1840 году и у Флоры был также брат Генох».

Признаюсь, что количество совпадений – Исаак Иохелевич родился в 1868 г., Флора Иосифовна – в 1866 г.; место рождения – Литва; то, что и он и она вступили в брак в одном и том же городе – Двинске; наконец, что в семье, а с 1910 г. в справочнике «Весь Петербург» он именует себя Исааком Осиповичем, – ввело меня в заблуждение и, к сожалению, я огласила недостоверную информацию.

Санкт-Петербург, июль 2013 г.

¹ В советское и настоящее время г. Даугавпилс в Латвии.

² *Вербловская И.С.* Мой прекрасный страшный век. СПб., 2011. С. 49.

³ *Тименчик Р.* Мандельштам и Латвия // Даугава. 1988. № 2. С. 94–96.

Марина Сальман

ОБ ОДНОМ ФРАГМЕНТЕ
В «ШУМЕ ВРЕМЕНИ»
О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА

Он вспоминать не умел, вернее, это
был у него какой-то иной процесс,
названия которому сейчас не подберу,
но несомненно близкий к творчеству.

*Ахматова А. Листки из дневника*¹

1

В главе «Семья Синани» находится абзац, стилистически отличающийся от всей остальной главы: «Поздняя осень в Финляндии, глухая дача в Райволе. Все заколочено, калитки забиты, псы-волкодавы ворчат возле пустых дач. Осенние пальто и старенькие пледы. Жар керосиновой лампы на холодном балконе. Лисья мордочка молодого Т., живущего отраженной славой отца-цекиста. Не хозяйка, а робкое чахоточное существо, которому даже не позволено глядеть в лицо гостям. По одному из дачной темени подходят в английских пальто и котелках. Смирно сидеть, наверх не ходить. Проходя через кухню, приметил большую стриженую голову Гершуни»².

Вот как прокомментировал это место А.А. Морозов: «Рассказывается о поездке Мандельштама и Бориса Синани³ на очередное заседание эсеровского ЦК, куда они поехали с намерением войти в Боевую организацию партии <...> По всей вероятности, это случилось в сентябре 1907 г., когда на заседаниях ЦК, штаб-квартира которого

помещалась в Выборге <...> решался вопрос о восстановлении Боевой организации в ее прежнем виде. Участие принимали Азеф <...> Савинков и <...> Гр. Гершуни»⁴. Прежде исследователь полагал, что Мандельштам ездил «в Райволу (Финляндия) в следующем 1907 году, где в присутствии самого Гр. Гершуни он готовится вступить в боевую организацию партии эсеров»⁵.

Во всем «Шуме времени» нет больше ни одного синтаксически похожего места⁶ и ни одного места, где бы Мандельштам пренебрег личными местоимениями, первые же слова задают тон всей книге: «Я помню». И в этой главе он говорит: «я пришел в класс», «я не покидал его», «я называл бы», «мне запомнилась», «в моей голове», «мне было смутно и беспокойно»⁷. Почему именно в данном абзаце исчезает свидетельское «я»? Вот что писал Ю.И. Левин по поводу другого текста Мандельштама: «Опущение “я” имеет целью, по-видимому, снятие личного начала, подчеркивание “объективного”, вне- или надличного характера того, о чем говорится в тексте»⁸.

В октябре 1906 г. Гершуни бежал с Акатуйской каторги, прибыл через Японию в Америку, оттуда в Брюссель⁹, затем в Париж¹⁰, «привезя с собою (из Америки. – М. С.) 140 тысяч франков»¹¹, собранных на митингах и собраниях¹². Из Парижа Гершуни отправился на II экстренный съезд социалистов-революционеров, который проходил в Финляндии, в Таммерфорсе, с 12 по 15 февраля 1907 г.¹³ На этом съезде Гершуни был избран в состав ЦК¹⁴. «Большую часть времени – с февраля по июнь и с октября 1907 г. (курсив наш. – М. С.) Азеф¹⁵ вместе с Гершуни проводил в Финляндии. К ноябрю 1907 г. стало ясно, что Гершуни серьезно заболел, и с того времени Азеф единолично начал распоряжаться работой БО»¹⁶.

Таким образом, июль¹⁷, август¹⁸ и сентябрь¹⁹ выпадают из интересующего нас времени, а 16 октября 1907 г. (по старому стилю) датируется открытка, которую Мандельштам шлет родителям из Вильно по пути в Париж²⁰. Для встречи в Райволе – или Выборге? – остается не так много времени. О том, что заседания ЦК в Финляндии в

1907 г. проходили в Выборге, свидетельствует Савинков: «В октябре 1907 года <...> в Выборге состоялось заседание Центрального комитета, на котором я сделал доклад. На заседании этом присутствовали Азеф, Гершуни, Чернов²¹, Ракитников²², Авксентьев²³ и Бабкин²⁴. Последние двое были кооптированы после Таммерфорсского съезда в Центральный комитет. Я повторил перед этим собранием все то, что мною было сказано в Монтрё»²⁵. То есть между августом (в Монтрё) и октябрём ЦК не собирался.

15 мая 1907 г. (по старому стилю) Мандельштам получил аттестат об окончании Тенишевского училища. Подготовка к одиннадцати выпускным экзаменам (по коммерческой географии, товароведению, гражданскому праву, законоведению, политической экономии, счетоводству, коммерческим вычислениям, физике, немецкому языку, русскому языку, истории торговли)²⁶, сдавать которые тенишевцы начали в апреле²⁷, отнимала немало времени — оставалось ли оно у Мандельштама для поездок в Выборг? На этот вопрос мы вряд ли сумеем ответить, взглянем на ситуацию с другой стороны.

Нетрудно себе представить, как два школьника — шестнадцатилетний Осип Мандельштам и семнадцатилетний Борис Синани, — увлеченные революционной романтикой, решили вступить в боевую организацию ПСР. Но как два подростка могли узнать о заседании ЦК ПСР, о его времени и месте? Кто, какой профессиональный подпольщик открыл бы мальчишкам эту тайну? И кто, кроме самих членов ЦК, мог знать об этом? При существовавшей конспирации не было прямых контактов между членами ПСР и ЦК. Связь ЦК с местными партийными организациями осуществлялась через оргбюро, члены которого «жили в Финляндии и в Петербург ездили на явочные квартиры ежедневно из Териок»²⁸.

Мандельштам вспоминает о цекисте М.А. Натансоне²⁹, который «два-три раза <...> открыто для нас, детей, приходил беседовать к Борису Наумовичу»³⁰. Но невозможно предположить, чтобы опытейший конспиратор, старый революционер мог сообщать о будущих заседаниях

ЦК (кстати, на октябрьском Натансон не присутствовал) своему, пусть и доброму, знакомому, а тем более – его сыну-подростку.

Где, в таком случае, мог Мандельштам увидеть «стриженую голову Гершуни»? В книге воспоминаний Гершуни «Из недавнего прошлого», изданной в Париже в конце сентября или начале октября 1908 г., помещено фото мемуариста (в объявлении о выходе книги сказано, что оно публикуется впервые)³¹. Гершуни снят в профиль, его стриженный затылок бросается в глаза³². Гершуни «умер в цюрихском госпитале, после тяжелой агонии, в ночь с 16 на 17 марта 1908 г.»³³ и был похоронен в Париже 29 марта, причем в церемонии похорон приняли участие десять тысяч человек (по сообщению газеты французской социалистической партии «L'Humanité» от 30 марта 1908 г.: «Dans un calme parfait dix mille Manifestants ont conduit Guerchouni au cimetière Montparnasse»)³⁴. Через несколько дней, вспоминала Вера Фигнер, «состоялось небольшое собрание друзей Гершуни. Несмотря на мое отчаянное сопротивление, меня заставили говорить и притом первой»³⁵. Свою речь Фигнер записала, вернувшись домой после собрания³⁶. Следующим выступал Савинков, Фигнер пишет, что «его речь была оригинальна и красива, но голос был ужасен: какой-то рев, глухой, протяжный, мрачный, исходил как будто из пасти зверя. Я даже спросила – кто говорит?»³⁷. «Мандельштам выразил живейшее желание <...> туда пойти, – вспоминал М.М. Карпович³⁸, – но думаю, что политика была здесь ни при чем: привлекали его, конечно, личность и судьба Гершуни. Главным оратором на собрании был Б.В. Савинков»³⁹. Мандельштам « всю речь прослушал, стоя в проходе. Слушал он ее в каком-то транс, с полуоткрытым ртом и полужакрытыми глазами, откинувшись всем телом назад»⁴⁰. Очень интересна реакция Мандельштама, так воспринимают лишь совершенно новое, неизвестное. «Больше всего меня поражала в нем его необыкновенная впечатлительность, – писал Карпович. – Казалось, для него действительно были еще новы “все впечатленья бытия”, и на каждое из них он откликался всем

своим существом»⁴¹. Ср. с высказыванием Н.Я. Мандельштам в письме к Н.А. Струве в феврале 1969 г.: «...у него была впечатлительность семилетнего мальчика и его можно было подцепить на любой эффект»⁴². И как раз на этом собрании, несомненно запомнившемся Мандельштаму, он мог увидеть еще не напечатанную фотографию покойного, или же позже ему могло попасть в руки вышеупомянутое издание мемуаров Гершуни.

Откуда известно о планах Мандельштама вступить в боевую организацию? Сам поэт говорит, что «подвиг начинался с пропагандистского искусства»⁴³. Со слов Мандельштама его хороший знакомый С.П. Каблуков записал 18 августа 1910 г. в своем дневнике: «В училище был с. р. или с. д., и даже говорил рабочим своего района зажигательную речь по поводу провала потолка в Государственной думе»⁴⁴. «Своего» означает не район, где жил Мандельштам⁴⁵, а некую часть промышленной зоны Петербурга, в которой юноше могли предложить вести пропагандистскую работу⁴⁶. Потолок обвалился 2 марта 1907 г.⁴⁷, т. е. «пропагандистский искус» датируется мартом 1907 г., до выпускных экзаменов, проходивших «в апреле–мае 1907 года»⁴⁸, оставалось менее месяца.

Каким требованиям должен был отвечать член ПСР? Во-первых, «быть не моложе 20 лет»⁴⁹, это обсуждалось на II съезде. Выступивший цекист Ракитников подчеркнул: «Наша программа в своей политической части объявляет полноправным гражданином каждого, достигшего 20-л<етнего> возраста. Этот возраст считается, т<аким> об<разом>, возрастом достижения политической зрелости, и его же следует принимать во внимание при приеме членов в партию. Но, конечно, нет надобности оговаривать этого в уставе, так как на практике это всегда само собой подразумевается»⁵⁰. Во-вторых, по уставу, принятому в январе 1906 г. на I съезде, «членом ПСР считается всякий, принимающий программу и тактику партии, подчиняющийся постановлениям партии и партийной дисциплине и принятый в одну из партийных организаций. Примечание. Где возможно, местные организации устанавливают членский взнос»⁵¹.

Можно ли утверждать, что шестнадцатилетний Мандельштам взял на себя подобные обязательства и был принят в одну из партийных организаций? В доказательство того, что «Мандельштам вступил в партию социалистов-революционеров»⁵², принято ссылаться на биографическую заметку о поэте в словаре «Писатели современной эпохи», вышедшем в 1928 г.⁵³, которая, по-видимому, была написана поэтом и переводчиком Д.С. Усовым⁵⁴: «16 лет был с.-р. и занимался пропагандой на массовках»⁵⁵. Приведенную формулировку любопытно сопоставить с фантастическими утверждениями Усова в некрологе Блоку: «После октябрьского переворота 1917 г. он вошел в Р.К.П. (политической работой он занимался и раньше, в 1905 г.)...»⁵⁶

Иными словами, вполне конкретная речь по конкретному поводу, упомянутая в дневнике Каблукова (подчеркнем, что если бы Мандельштам неоднократно выступал перед рабочими, Каблуков, скорее всего, отразил бы этот факт в своей записи), превратилась сначала в пропаганду на массовках, затем, в словаре В.Я. Тарсиса «Современные русские писатели», вышедшем в 1930 г., – в «политическую работу»: «16-ти лет вступил в партию с.-р. и занимался политической работой»⁵⁷. Между тем в анкете для арестованного, заполненной 16 мая 1934 г., на вопрос «политическое прошлое» Мандельштам ответил: «Ни в одной партии не состоял»⁵⁸. Не вернее ли предположить, что слова «был с.-р.» в словаре Козьмина свидетельствуют о взглядах Мандельштама, о народническом субстрате его мировоззрения, а отнюдь не о членстве в ПСР? В протоколе допроса от 18 мая 1934 г. записано: «В 1910 г. (sic! – М. С.) примыкал к партии С. Р., вел кружок в качестве пропагандиста и проводил рабочие летучки»⁵⁹ [Нерлер 2010: 44]. «Примыкал» на языке тех лет означает: был «сочувствующим»⁶⁰. Похоже, что следователь Мандельштама, Н.Х. Шиваров, не поленился заглянуть в современные ему словари. В протоколе допроса от 25 мая 1934 г. сказано: «В 1907 г. я уже работал в качестве пропагандиста в с.-ровском рабочем кружке и проводил рабочие летучки. К 1908 году я начи-

наю увлекаться анархизмом. Уезжая в этом году в Париж, я намеревался связаться там с анархо-синдикалистами»⁶¹. Оставляя без комментария подобные утверждения, где хорошо видна следовательская фантазия, заметим лишь, что и здесь не говорится о членстве в партии. Наконец, в обвинительном заключении от 25 мая 1934 г. сказано: «В 1907 г. примыкал к партии эсеров, был пропагандистом»⁶². И только в справке о Мандельштаме от 27 апреля 1938 г., составленной старшим лейтенантом госбезопасности В.И. Юревичем, появляются слова: «В 1907 году был членом партии эсеров и вел пропагандистскую работу; позже примкнул к анархистам» (подчеркнуто в оригинале. – М. С.)⁶³. Видно, что Юревич просто переписал, чуть изменив, протокол 1934 г. А в выписке из протокола ОСО при НКВД СССР от 2 августа 1938 г. о заключении Мандельштама в лагерь на 5 лет сказано «б<ывший> эсер»⁶⁴, что неудивительно для 1938 г., но отнюдь не может являться доказательством принадлежности Мандельштама к ПСР⁶⁵.

В хронике жизни поэта говорится, что в марте 1907 г. Мандельштам «просится в <...> боевую организацию»⁶⁶. В подтверждение этой гипотезы обычно цитируются воспоминания Н.Я. Мандельштам: «Мальчиком под влиянием Бориса Синани он верил, что “слава была в б. о.”, и даже просился в террористы (для этого ездил в Райволу, как рассказано в “Шуме времени”, но не был взят по малолетству)»⁶⁷. Вдова поэта ссылается опять-таки на «Шум времени». Ее слова «просился в террористы» – единственное свидетельство того, что Мандельштам пытался вступить в боевую организацию. С подобной просьбой он мог обратиться только к тому человеку, который поручил ему произнести речь перед рабочими, и этот же человек должен был передать ему отрицательный ответ, ни к кому из партийных лидеров у Мандельштама хода быть не могло.

Считается, что, говоря о Райволе, Мандельштам на самом деле имел в виду «пансион Линде в Мустамяках»⁶⁸. Сам Ф.Ф. Линде, о котором «Мандельштам вспоминал с уважением и нежностью, как обо всех, кто так или иначе был связан с его другом Борисом <Синани>»⁶⁹, не был

социалистом-революционером⁷⁰, но в «пансионе Линде», который содержала его мать в деревне Лембияла⁷¹, по воспоминаниям близкого друга Федора В.А. Канторовича⁷², не смотрели на партийную принадлежность, гостеприимством там «пользовались <...> благодаря взаимной рекомендации. В результате такой системы состав пансионеров принял очень скоро совершенно определенный характер. В “пансионе Линде” находили приют все скомпрометированные в глазах петербургской жандармерии лица. Это был ближайший центр политической эмиграции. <...> Меншевики, большевики, бундовцы, социалисты-революционеры, анархисты – все перебивали на правах пансионеров в скромном, населенном, как улей, мустамьяском доме. Пансион стал популярен среди всей демократической интеллигенции Петербурга»⁷³. Чем этот многолюдный, круглый год функционирующий пансион похож на «глухую дачу в Райволе», где собираются таинственные – лишенные даже местоимения «они» – люди «в английских пальто и котелках»?

Наконец, высказывалось предположение, что пятнадцатилетний Мандельштам и шестнадцатилетний Борис Синани в октябре 1906 г. участвовали «в охране Совета партии социалистов-революционеров, собравшегося в Райволе»⁷⁴. Совет партии – это следующая партийная инстанция после съезда, он состоял из пяти членов ЦК, представителей всех областных комитетов и петербургского и московского комитетов ПСР. Созывался по инициативе ЦК. Его постановления имели обязательное значение для всех партийных организаций⁷⁵. Второй Совет партии был созван 20 октября 1906 г., в специальной литературе нам не удалось найти указаний на место, где он проходил⁷⁶. В работе Второго Совета «принимали участие члены и уполномоченные ЦК, представители восьми областных комитетов, Москвы и Петербурга, Центральной Крестьянской комиссии, Петербургской Военной организации, редакции газеты “Труд”, авторитетные деятели партии (15 решающих и 25 совещательных голосов)»⁷⁷. Невозможно предположить, чтобы каким бы то ни было образом на столь

представительное конспиративное собрание попали пятнадцатилетние мальчишки!

Подведем предварительные итоги. Мандельштам не был членом партии социалистов-революционеров, не ездил в Выборг на заседания ЦК, чтобы проситься в террористы, или в Райволу, чтобы охранять Совет партии, и не занимался «политической работой». Все, что мы знаем, сводится к следующему: Мандельштам увлекся революционной романтикой в ее эсеровском изводе, в марте 1907 г. выступил с речью перед рабочими, кроме того, по словам Н.Я. Мандельштам, которая ссылается на «Шум времени», хотел вступить в боевую организацию ПСР, но получил отказ. Где, когда и при каких обстоятельствах это могло произойти, неизвестно. Фрагмент о Райволе не имеет буквального биографического значения, у него есть своя особая художественная функция, но прежде чем мы перейдем к интерпретации процитированных строк, следует напомнить о сопутствующих «Шуму времени» (который писался в августе–сентябре 1923 г.⁷⁸ и был подвергнут правке летом 1924 г.⁷⁹) произведениях Мандельштама и об историческом контексте.

2

В 1919 – первой половине 1920 г. были арестованы все члены тогдашнего ЦК ПСР, «кроме тех, кто покинул страну», и все активные члены, «которых удалось найти»⁸⁰. 24 июля 1921 г. в газете «Известия» печатается заявление ВЧК, что «партия с.-р. явилась организатором и вдохновителем кулацких бунтов и вела энергичную работу по подготовке всеобщего восстания против власти Советов»⁸¹. Сообщение ГПУ⁸² о будущем суде над социалистами-революционерами «Известия» опубликовали 28 февраля 1922 г.⁸³ Во время пропагандистской подготовки процесса многие тысячи газет «центра и провинции <...> от первой и до последней страницы заполняются “фактами” о предательствах и разбоях “бандитов” эсеров и все это помещается под заголовком “процесс эсеров” <...> выносились ты-

сячи резолюций собраний рабочих, красноармейцев <...> проводились грандиозные демонстрации и петиционная кампания»⁸⁴. Газеты называли обвиняемых не иначе как изменниками русского народа, предателями революции, лакеями и наемниками буржуазии⁸⁵.

Суд над социалистами-революционерами проходил в Москве с 8 июня по 7 августа 1922 г.⁸⁶, на скамье подсудимых оказалось 12 членов ЦК и 10 активистов, а кроме того, 12 бывших членов партии, часть из которых уже стала коммунистами и чья роль сводилась к тому, чтобы поддержать обвинение, были помилованы после суда⁸⁷.

Приговор – смертная казнь для 12 членов ЦК⁸⁸ – был вынесен 7 августа 1922 г., в годовщину смерти Александра Блока, что не могло пройти незамеченным для Мандельштама. Его вдова вспоминала, что поэт интересовался процессом: «...читал все отчеты <...> я помню момент, который он мне показал: в ответе подсудимого прокурору на вопрос о подготовке ярославского восстания: вы об этом знаете больше, чем я»⁸⁹.

К августу 1922 г. относится первая публикация стихотворения Мандельштама «Кому зима – арак и пунш голу-боглазый...». И здесь стоит сказать подробнее об источнике текста, так называемом «списке Ландсберга»⁹⁰, благодаря которому можно довольно точно датировать стихотворение. В фонде М.А. Волошина (РО ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 6. Ед. хр. 149) хранятся семь стихотворений Мандельштама. Одно – «Обиженно уходят на холмы...» – автограф поэта, относящийся к августу 1915 г., черными чернилами, под датой подпись простым карандашом «О. Мандельштамъ» (РО ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 6. Ед. хр. 149. Л. 1). Шесть записаны рукой Ландсберга⁹¹ и отправлены Волошину зимой 1922 г. в двух письмах, в обоих говорится о посылке мандельштамовских стихов. Приведем фрагмент из письма, помеченного 10 января 1921 г. (год – описка Ландсберга, на самом деле письмо написано 10 января 1922 г., в нем упоминается альманах Цеха поэтов, первый выпуск которого, «Дракон», поступил в Книжную палату в апреле 1921 г.⁹², а второй – в ноябре 1921 г.⁹³).

«Харьков сейчас совершенно бесплоден. Своей литературы нет, и питается только столичной, в очень небольшом количестве проникающей сюда. Хороши петербургские издания, очень изящные, с изысканными стихами, издающиеся на отличной бумаге при небольшом тираже (вызов!), за что их уже ругает (sic! – М. С.) официальные органы. Вообще петербургская группа держится очень независимо, не чувствуется засилье пролеткультовцев и имажинистских безобразий, но выходят сборники с Андреем Белым, Блоком, Вячеславом Ивановым, Замятиным, Кузьминым (sic! – М. С.), Гумилевым и др. Есть уже два номера акмеистского “Дракона” (издательство Цеха поэтов) с прекрасными статьями Гумилева и Мандельштама⁹⁴, к сожалению, они даже здесь редкость. <...> Сейчас, к сожалению, сижу без денег, а то непременно куплю и пришлю, что достану. <...> Посылаю пока стихи. Мандельштам меня поражает, очень хорошо (подчеркнуто автором. – М. С.). Сологубовское»⁹⁵. Письмо написано по новой орфографии, черными чернилами, этими же чернилами переписаны стихотворения «Возьми на радость из моих ладоней...» с пометой: «(Из журн<ала> “Дом Искусств” № 1. Петербург 1921 г.)»⁹⁶ и «Я слово позабыл, что я хотел сказать...» с пометой: «(ibidem)»⁹⁷.

По-видимому, раздобыть альманахи (или деньги) Ландсбергу не удалось, поэтому со следующим письмом, посланным Волошину из Харькова 3 марта 1922 г., он отправил как стихи из второго выпуска альманаха Цеха поэтов, так и новые, с рукописи поэта: «Новых стихов у него (Мандельштама. – М. С.) мало. (Почти все посылаю Вам)»⁹⁸. Письмо написано красными чернилами, так же как и четыре стихотворения: «Когда Психея жизнь»⁹⁹ спускается к теням...» с пометой Ландсберга «Рук<опись> 1921 г.»¹⁰⁰, «За то, что я руки твои не сумел удержать...», помета: «Из кн<иги> “Альманах Цеха поэтов”. Пт. 1921 г.»¹⁰¹, «Чуть мерцает призрачная сцена...», помета: «1920. “Альманах цеха поэтов”»¹⁰² и «Кому зима – арак и пунш голубоглазый...» с пометой: «Из рукоп<иси> 1922 г.»¹⁰³.

По всей вероятности, единственное стихотворение, помеченное Ландсбергом 1922 г., «Кому зима – арак

и пунш голубоглазый...», написано в Харькове в середине февраля, тогда же когда и статья «О природе слова»¹⁰⁴, дополнительным свидетельством чему служит текстуальное совпадение («шарить в пустоте» в четвертой строфе стихотворения, а в статье – «Розанов всю жизнь шарил в мягкой пустоте, стараясь нащупать, где же стены русской культуры»¹⁰⁵). К пятой строфе, к словам «отарою овец», Ландсберг дал сноску: «Вар<иант>:

и кто-то говорит:

Есть соль на топоре, но где достать телегу,
И где рогожу взять, когда деревня спит?»¹⁰⁶

Приведем пятую строфу бесцензурного варианта полностью:

«Пусть заговорщики торопятся по снегу
Отарою овец, и кто-то говорит:
Есть соль на топоре, но где достать телегу,
И где рогожу взять, когда деревня спит?»¹⁰⁷

М.Л. Гаспаров считал, что в стихотворении «тема заговора ассоциируется приблизительно с декабристами или убийством Павла I»¹⁰⁸, а также с мыслью о «таганцевском заговоре» и Гумилеве¹⁰⁹. Напомним, что народническое движение «известно было даже на официальном языке как движение социально-революционное. Участники его сами называли себя социалистами-революционерами и считали себя принадлежащими к одной “социально-революционной партии”...»¹¹⁰. В языке 1900–1920-х словом «народовольцы» могли назвать как народников 1870-х гг., т. е. еще до появления партии «Народная воля» (1879) (например, в воспоминаниях сенатора Н.С. Таганцева¹¹¹: «мне пришлось единственный раз появиться на судебной арене в качестве защитника доктора Кадьяна, привлеченного в качестве обвиняемого по политическому процессу 193-х»¹¹² (*народовольцы*)) (курсив наш. – М. С.)¹¹³, так и социалистов-революционеров. В.А. Жданов¹¹⁴, профессиональный

адвокат, когда-то защищавший И.П. Каляева по делу об убийстве великого князя Сергея Александровича и бывший защитником на процессе эсеров, арестованный после его окончания и сосланный в Рыбинск, писал в прошении во ВЦИК 22 февраля 1923 г.: «В 1893 году я примкнул к революционному движению и был членом одной из первых в России социал-демократических организаций, а именно московской¹¹⁵ <...> Начиная с появления партии *народовольцев* (курсив наш. – М. С.), возглавляемой Натансоном, Тютчевым¹¹⁶, Черновым и др., я был идейным противником этой партии, считая ее стремящейся безнадежно объединить мелкобуржуазную идеологию с пролетарской»¹¹⁷. Социалисты-революционеры, обвиненные советской властью в заговорах против нее и в организации восстаний, с полным правом могли бы войти в число прототипов для заговорщиков из стихотворения Мандельштама.

Метафора «соли на топоре», присутствующая также в написанном ранее стихотворении «Умывался ночью на дворе...» (1921), рассматривалась неоднократно¹¹⁸, говорилось о ее связи с нравственным миром человека, о совести, о жертве. «Этот символ (соль. – М. С.) у Мандельштама сочетает значение неуклонной верности и горечи»¹¹⁹.

Телега и рогожа отсылают, возможно, не только к стихотворению «На развальях, уложенных соломой...» (1916)¹²⁰, но и к стихотворению 1913 г. «В таверне воровская шайка...»:

У вечности ворует всякий,
А вечность – как морской песок:
Он осыпается с телеги –
Не хватит на мешки рогож...¹²¹

У заговорщиков есть нравственное чувство, есть жажда жертвенности (отара овец обречена на заклание)¹²², но времени для «телеги жизни» у них не осталось. Кстати, социалистам-революционерам «деревня» подходит больше, чем убийцам Павла I, декабристам или расстрелянным по «таганцевскому заговору».

Впервые мысль об истории, историческом процессе, связанная с мыслью о России, «стране полуживой материи и полумертвого духа»¹²³, по всей видимости, начинает занимать Мандельштама в 1914 г., когда он пишет статью о Чаадаеве. (Ср. характеристики Чаадаева: «Он ощущал себя избранником и сосудом истинной народности»¹²⁴ и Бориса Синани, который «считал себя избранным сосудом русского народничества»¹²⁵). В статье «А. Блок (7 августа 21 г. – 7 августа 22 г.)», напечатанной в августовском номере журнала «Россия» (там же было опубликовано стихотворение «Кому зима – арак и пунш голубоглазый...» в подцензурной редакции, где крамольная строка о заговорщиках звучит как «Людишки темные торопятся по снегу»), Мандельштам говорит об исторической любви Блока «к домашнему периоду русской истории, который прошел под знаком интеллигенции и народничества»¹²⁶. Мандельштам ссылается на поэму «Возмездие», где его интересует «народовольческий» эпизод: «Кажется, будто высокий математический лоб Софьи Перовской в блистательном свете блоковского познания русской действительности веет уже мраморным холодком настоящего бессмертия»¹²⁷. Ср. о Сафо как воплощении музыки поэзии: «И холодком повеяло высоким / От выпукло-девического лба» («На каменных отрогах Пиэрии...» 1919)¹²⁸. История и поэзия объединены в статье в одном образе. То, что Мандельштам пишет об историческом чутье Блока – «Блок слушал подземную музыку русской истории»¹²⁹, – вполне приложимо к нему самому, и неслучайно начало «Шума времени» – «Я помню хорошо глухие годы России»¹³⁰ – является парафразой строк из «Возмездия»: «В те годы дальние, глухие / В сердцах царили сон и мгла: / Победоносцев над Россией / Простер совиные крыла...»¹³¹ и стихотворения «Рожденные в года глухие / Пути не помнят своего. / Мы – дети страшных лет России – / Забыть не в силах ничего» (1914)¹³² и прямо отсылает к статье о Блоке. К тому же времени отсылает и «глухая дача в Райволе»¹³³.

Народнический период, «кипучий мир семидесятых годов»¹³⁴, так же как и народовольцы, несколько раз упоминается Мандельштамом в «Шуме времени», в частности в рассказе о своем отце¹³⁵. Н.Я. Мандельштам вспоминала, что в начале двадцатых годов поэт «покупал и просматривал издания Центрархива и среди них было много книг с делами террористов»¹³⁶. «Не заметив в нем революционности, его дальние друзья упростили его жизнь, лишили содержания то, что было одной из ведущих линий его мысли. При отсутствии революционности ему не приходилось бы вникать в ход событий и применять к нему ценностный критерий. Полное отрицание давало силу жить и лавировать. Этого Мандельштам был лишен: он прожил жизнь людей своего времени и довел ее до логической развязки»¹³⁷. «В короткий период, от тридцатого года до ссылки <...> На полках появился Ключевский <...> а также архивные материалы, которые у нас довольно широко издавались: документы пугачевского бунта, следственные дела декабристов и народовольцев; Анна Андреевна тоже отдала этому дань, а в период ежовщины только и читала “Ссылку и каторгу”»¹³⁸.

В «Шуме времени» Мандельштам подводит итог закончившейся «народническо-интеллигентской» эпохи, совмещая образы, сжимая время¹³⁹ и, подобно Блоку, «не боится анахронизма в современности»¹⁴⁰.

Приведем два примера.

Фигурирующие в тексте «старенькие пледы» «стали опознавательным знаком студента между 1861 и 1885 гг., когда форменная одежда для учащихся высших учебных заведений была вообще отменена. <...> Манеру носить плед и использовать его вне дома придумали именно студенты, уподобляя себя гордым героям Вальтера Скотта»¹⁴¹.

Сошлемся на свидетельство общественной деятельницы и журналистки Е.Д. Кусковой¹⁴² о студентах-народниках: «Ели впроголодь, ходили в пледах вовсе не потому, что были нигилисты, а потому, что были бедны – и не у всех были пальто – в холодные московские зимы»¹⁴³. Ср. также с воспоминаниями историка М.М. Богословского¹⁴⁴ о студентах «в широкополых шляпах, с длинными волосами, с неиз-

бежным *пледом* на плечах, восполнявшим недостаток тепла от носимого зимою *осеннего пальто*»¹⁴⁵ (курсив наш. – М. С.) и Е.Г. Полонской: «она (мать Полонской. – М. С.) рассказывала мне, что в дни ее молодости студенты носили эти клетчатые платки – их называли пледами – вместо пальто»¹⁴⁶. Напомним строчку из первой «Северной элегии» Ахматовой, где речь идет о 1870-х гг.: «Шуршанье юбок, клетчатые пледы»¹⁴⁷, к тому же времени отсылает и появляющийся в главе «Тенишевское училище» старый литератор и переводчик П.И. Вейнберг, живой анахронизм, который с пледом на плечах читает стихи. Ср. в «Четвертой прозе»: «Бородатые студенты в клетчатых пледах»¹⁴⁸, комментатор А.А. Морозов относит описываемую сцену к суду над народницей Верой Засулич, т. е. к 1878 г.¹⁴⁹

«Осенние пальто и старенькие пледы» в разбираемом фрагменте представляют собой метонимический образ народника, шире – народнического периода русской истории, ушедшего, но выжившего как мировоззренческий анахронизм и как эсеровский миф, который, в свою очередь, метонимически представлен модными для 1900-х гг. английскими пальто и котелками¹⁵⁰. И тут пора привести слова Мандельштама из статьи «О природе слова» (1922): «Бергсон рассматривает явления не в порядке их подчинения закону временной последовательности, а как бы в порядке их пространственной протяженности. Его интересует исключительно внутренняя связь явлений»¹⁵¹. «Глухая дача в Райволе» – это сгусток «пространственной протяженности», пространственная точка скрещения времен, знак «глухих годов», звук которых должен услышать поэт («Перечитывал его книгу и старался услышать ее звук», – писал Мандельштам о С.Я. Надсоне¹⁵²). Ср. также чахоточное поколение «с его идеалом и Ваалом» в главе «Книжный шкаф» и «робкое чахоточное существо» в цитируемом фрагменте. Заметим в скобках, что в последний раз плед у Мандельштама появляется в стихотворении 1931 г. «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...», где звучат темы времени и памяти-верности («Для того ли разночинцы / Рассохлые топтали сапоги, чтоб я теперь их предал? <...>

Есть у нас паутинка шотландского старого пледа. / Ты меня им укроешь, как флагом военным, когда я умру»¹⁵³).

Второй пример. «Когда случались неожиданные крутые повороты политической или общественной жизни, в доме всегда подымался вопрос, что скажет Николай Константинович; через некоторое время у Михайловского действительно собирался сенат “Русского богатства” и Николай Константинович изрекал»¹⁵⁴. Между тем известный литературный критик народнической ориентации, один из редакторов журнала «Русское богатство», Михайловский умер в феврале 1904 г., и Мандельштам, по его словам, близко сошедшийся с Борисом Синани только в восьмом классе, т. е. осенью 1906 г.¹⁵⁵, в лучшем случае мог слышать в его доме лишь упоминания в прошедшем времени о знаменитом публицисте, который некогда правил статьи в подпольных народолюбческих изданиях.

«Здесь пласты времени легли друг на друга»¹⁵⁶. В интересующем нас фрагменте биография «сходит на нет, поскольку существенным становится только то, как человек (поэт) и история отразились друг в друге»¹⁵⁷. Приведенный фрагмент о даче в Райволе автобиографичен в фигуральном смысле, неслучайно упоминание о Гершуни – человеке, ставшем мифом, человеке – знаке времени (некоторые детали его биографии Андрей Белый отдал своему персонажу – террористу Дудкину в «Петербурге», что было замечено еще в 1915 г. Р.В. Ивановым-Разумником¹⁵⁸). Тут отразился не реальный биографический эпизод, а духовный опыт поэта. Спустя несколько лет, в ссылке, Мандельштам скажет об этом опыте, претворенном в творчество: «Комочки влажные моей земли и воли» («Чернозем», 1935)¹⁵⁹.

Я благодарю Г.А. Левинтона, взявшего на себя труд познакомиться с двумя вариантами этой статьи, за все его замечания и советы.

¹ [Ахматова 1990, 2: 151].

² [Мандельштам 2009–2011, 2: 248]. Григорий Андреевич Гершуни (Герш Исаакович-Ицкович; 1870–1908). Окончил пять классов гимназии, в 1888 г. сдал экзамен на аптекарского

ученика, служил в аптеках, в 1895 г. поступил вольнослушателем на медицинский факультет Киевского университета, в 1897 г. сдал экзамен на провизора, затем в Москве работал на курсах бактериологии, потом в Институте экспериментальной медицины. В 1898 г. открыл химико-бактериологический кабинет в Минске, занимался просветительской работой: основал начальную школу для еврейских детей и вечерние курсы для взрослых, организовал передвижной музей школьных пособий, устроил народные чтения при Минском обществе врачей, одновременно оказывал «технические» услуги революционным группам, см.: [Городницкий 1999: 233, 234, 235]. Член партии социалистов-революционеров с момента ее образования, организатор и руководитель боевой организации ПСР, см.: [Морозов К. 2005б: 547]. Арестованный в 1903 г., был приговорен к смерти, в разгар революции 1905 г. замененной вечной каторгой.

³ Борис Борисович Синани (1889–1911) – рано умерший школьный друг Мандельштама; подробнее о нем см.: [Мец 2005: 28, 33–37] и в нашей статье «Из школьных лет О.Э. Мандельштама. II. Одноклассники» (в печати). Его отец – психиатр Б.Н. Синани, лечащий врач писателя Г.И. Успенского, – имел тесные связи с партией социалистов-революционеров. Настоящее имя и отчество доктора Синани называет писательница М.В. Ямщикова (литературный псевдоним Ал. Алтаев) в письме к филологу-германисту Н.Я. Берковскому от 9 января 1957 г.: «...мой покойный друг, психиатр Синани, Борис Наумович, караим, настоящее имя Бираха Бабаканович, и “Наум” было обруссированное (sic! – М. С.) отчество. Это был доктор, лечивший много лет Глеба Успенского, на руках которого и умер писатель. Мне пришлось утешать Синани, когда он лишился своего любимого и талантливого сына, и взять заботу о его семье, устроив ее в нашей благословенной Псковщине, пока Синани ездил в родной ему Симферополь...» [Переписка Ал. Алтаева 1991: 55].

⁴ [Морозов А. 2006: 243].

⁵ [Морозов А. 1988: 103].

- ⁶ О «десинтаксизации речи» применительно к поэзии Мандельштама Ю.И. Левин писал: «Отдельные сегменты разрознены, изолированы, не связаны друг с другом явным образом <...> Тенденция к повышению удельного веса односоставных именных и инфинитивных предложений, без “нормальной” предикативной связи (что приводит к модальной неопределенности...) <...> Употребление конструкций на грани (или за гранью) синтаксической правильности...» [Левин 1991: 362, 363].
- ⁷ [Мандельштам 2009–2011, 2: 205, 241, 244, 245, 247, 249].
- ⁸ [Левин 1998: 15].
- ⁹ См.: [Фигнер 1933, 3: 226].
- ¹⁰ См.: [Городницкий 1998: 134]. «Савинков отправился в Париж для свидания с ним» [Фигнер 1933, 3: 160, 226], см. также: [Чернов 2004: 267–268].
- ¹¹ [Фигнер 1933, 3: 226].
- ¹² См.: [Чернов 2007: 337]. По мнению современного исследователя, Гершуни «заработал около 170 тысяч франков» [Городницкий 1999: 254].
- ¹³ См.: [Леонов 1997: 348].
- ¹⁴ «В ЦК ПСР были выбраны Чернов, Ракитников, Брешко-Брешковская, Натансон и Гершуни <...> Азеф был кооптирован в ЦК сразу после съезда, как только стало известно о его намерении вместе с Гершуни составить ядро будущей БО» [Городницкий 1998: 135]. Согласно уставу ПСР, «ЦК избирается съездом в числе 5 чел<еловек> и пополняется кооптацией, причем состав ЦК не может превышать 10 чел<еловек>» [Памятная книжка социалиста-революционера 1911: 13].
- ¹⁵ Евно Фишелевич Азеф (1869–1918) – один из создателей и руководителей ПСР. Возглавлял Боевую организацию в 1903–1908 гг. и был одновременно сотрудником департамента полиции (с 1893 г.).
- ¹⁶ [Городницкий 1998: 135].
- ¹⁷ «В начале июля 1907 г. – Азеф и Гершуни выехали за границу» [Николаевский 1991: 244].
- ¹⁸ В августе 1907 г. Азеф, Гершуни и Б.В. Савинков встречаются в Швейцарии, в Монтрё, см.: [Савинков 1990: 286]. Борис

Викторович Савинков (1879–1925) – заместитель Азефа. «В 1905 г. в Петербурге входил в Боевой комитет <...> в мае 1906 г. арестован в Севастополе при подготовке покушения на адм<ирала> Чухнина <...> за два дня до суда бежал за границу» [Морозов К. 2005б: 516].

¹⁹ 24 сентября 1907 г. Азеф пишет Савинкову письмо из Мюнхена, см.: [Савинков 1990: 289].

²⁰ См.: [Мандельштам 2009–2011, 3: 354].

²¹ Виктор Михайлович Чернов (1873–1952, в эмиграции) – «один из создателей и лидеров ПСР, главный ее теоретик, участник всех ее съездов» [Морозов К. 2005б: 472].

²² Николай Иванович Ракитников (1864–1938, расстрелян) – «один из лидеров и публицистов партии эсеров <...> Избирался членом ЦК на всех съездах» [Партия социалистов-революционеров 1996: 642–643]. На процессе с.-р. 1922 г. выступал в роли свидетеля, см.: [Янсен 1993: 267].

²³ Николай Дмитриевич Авксентьев (1878–1943, в эмиграции). Вступил в ПСР в 1905 г., см.: [Морозов К. 2005б: 474]. «После издания Манифеста 17 октября постоянный оратор <...> на различных митингах и собраниях <...> замещал М.А. Натансона в Исполкоме Петербургского Совета рабочих депутатов» [Партия социалистов-революционеров 1996: 635]. В 1906 г. осужден на процессе Петербургского Совета рабочих депутатов и сослан в Обдорск, в 1907 г. бежал за границу, см.: [Морозов К. 2005б: 474].

²⁴ Настоящее имя Вадим Викторович Руднев (1879–1940, в эмиграции). «С начала 1905 возглавлял Московскую организацию ПСР, участвовал в декабрьском вооруженном восстании, в работе I съезда партии» [Морозов К. 2005б: 491]. Впоследствии – один из редакторов парижского журнала «Современные записки» (1920–1940), корреспондент М.И. Цветаевой.

²⁵ [Савинков 1990: 290].

²⁶ См.: [Мец 2005: 49].

²⁷ Экзамены начинались рано, так, в 1906 г. уведомление родителям Мандельштама, что их сын допущен к экзаменам, было отправлено 24 марта, см.: [ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 10. Л. 329]. Занятия при этом шли своим чередом.

- ²⁸ [Фигнер 1933, 3: 178]. Териоки – современное название Зеленогорск, по Финляндской железной дороге.
- ²⁹ Марк Андреевич Натансон (1850–1919) – член «кружка чайковцев» (см. о нем ниже), один из основателей «Земли и воли» (1876). «Человек большого ума и незаурядной работоспособности, много читавший, с натурой властной и по преимуществу рассудочной, он в то же время обладал и большими организаторскими способностями» [Чарушин 1973: 118]. В 1905 г. он «был представителем партии в исполкоме Петербургского Совета рабочих депутатов <...> занимался, главным образом, организационными и финансовыми вопросами» [Партия социалистов-революционеров 1996: 663]. «Натансону принадлежит попытка объединить два течения в революционном движении: эсеров и социал-демократов» [Морозов К. 2005а: 478]. «Он вступил в ПСР сравнительно поздно – в ноябре 1905 и тогда же вошел в ЦК» [Городницкий 1995: 199]. «Круг его (Натансона. – М. С.) знакомств был огромен: от высокопоставленных чиновников и крупнейших предпринимателей до лидеров и членов многих политических партий и организаций» [Леонов 1997: 74].
- ³⁰ [Мандельштам 2009–2011, 2: 244].
- ³¹ Объявление о выходе книги было помещено в дополнении к ежемесячнику социалистов-революционеров “La Tribune Russe”, выходившему в Париже на французском языке: “Le Comité Central du Parti S. R. a publié ‘Les mémoires de Guerchouni’ (en russe). Edition de luxe avec *un portrait inédit* (курсив наш. – М. С.) de Guerchouni <...> prix du volume: 2 fr.” (“La Tribune Russe”. Supplément au numéro du 10 Octobre [1908]. Р. 24, отдельная пагинация).
- ³² Фото действительно воспроизводилось в первый раз. В сборнике работ Гершуни, изданном в 1906 г. в Нагасаки, помещена другая фотография, в петербургском издании 1907 г. фотографии нет (кстати, как и в московском издании 1917 г.).
- ³³ [Чернов 2004: 275].
- ³⁴ «...Решено было предать тело земле в Париже, на Монпарнаском кладбище, рядом с могилой П.Л. Лаврова <...> Поезд

с останками товарища прибыл в Париж в шесть с половиной час^{ов} дня 20 марта». Был организован особый комитет по устройству похорон, который опубликовал сообщение в газете "L'Humanité", «что вынос тела последует в воскресенье 29 марта». «С 10-ти часов утра в огромном зале, около которого в особой комнате стоит гроб, проходят толпы пришедших на похороны <...> Комитет снаряжает человек 60 для наблюдения за порядком похоронной процессии <...> Прибыли венки положительно из всех стран – из России, Германии, Австрии, Америки, Швейцарии, Бельгии, Армении, Швеции... Вот венок из красных иммортелей от Сенской Федерации, от газеты L'Humanité, дань Фр^{анцузской} Соц^{иалистической} Партии <...> Ровно в 11 часов <...> кортеж двинулся в путь <...> заняв целый километр. Впереди огромная колесница венков, присланных из Америки, затем колесница с гробом; он покрыт красной материей и знаменем П. С.-Р., вокруг него масса цветов <...> С обеих сторон кортеж защищался от провокаторских выходов посторонних лиц огромной цепью, составившейся из товарищей, держащихся за руки <...> В час с четвертью дня процессия подошла к МонпарнаССкому кладбищу, где уже ее поджидала другая толпа, спешившая занять места ближе к небольшой кафедре, воздвигнутой недалеко от приготовленного склепа <...> Люди заняли не только свободные места, они своим потоком залили решительно все могилы, многие забрались на памятники. Ораторы кое-как пробрались к кафедре, украшенной красным платком. Над кафедрой развернуто красное знамя П. С.-Р.» [Памяти Гершуни 1908: 1, 2, 3, 4]. Издание указано нам П.М. Нерлером. Вот как вспоминала об этих похоронах В.Н. Фигнер: «Ни знамен, ни пения не было: первые были запрещены полицией, а второе, как общее правило, в этих случаях в Париже не допускается. Если что особенно бросалось в глаза в этих гражданских похоронах, так это их интернациональный характер. Прошло то время, когда русские революционеры были известны только России <...> на могилу Гершуни каждая страна прислала своих делегатов <...> 26 ораторов пожелали ска-

зять ему свое последнее слово <...> И все отметили выдающееся значение его личности для революционного дела, все выразили свое сочувствие партии, утратившей его, и все говорили о свободе, к которой стремится Россия <...> При этих похоронах я видела погребение без гроба: в приготовленную глубокую могилу был опущен деревянный щит, на котором под большим покрывалом лежало тело, и затем оно было засыпано землею. Этот способ показался мне неприятным, но, как говорят, таков обычай евреев» [Фигнер 1933, 3: 225]. Кладбищенская церемония завершилась около четырех часов дня, см.: L'Humanité. 1908. 30 марта.

³⁵ [Фигнер 1933, 3: 225].

³⁶ См. ее текст в: [Там же: 226].

³⁷ [Там же: 157].

³⁸ Михаил Михайлович Карпович (1888–1959, в эмиграции) – историк, в 1914 г. окончил Московский университет, в студенческие годы с.-р., затем к.-д. В.Ф. Ходасевич в письме от 19 марта 1932 г. советовал Карповичу прочитать «Шумы (sic! – М. С.) времени» Мандельштама, см.: [Ходасевич 1997, 4: 520].

³⁹ [Карпович 1957: 259].

⁴⁰ [Там же: 260].

⁴¹ [Там же: 259].

⁴² [Мандельштам Н. 1987: 324].

⁴³ [Мандельштам 2009–2011, 2: 248].

⁴⁴ [Каблуков 1990: 241].

⁴⁵ Коломенская ул., д. 37, см.: [Мандельштам 2009–2011, 3: 579].

⁴⁶ Ср. с мемуарами москвича И.Г. Эренбурга, ровесника Мандельштама: «В подрайоне, который мне поручили, находилась обойная фабрика» [Эренбург 1962–1967, 8: 42] и относящимися к 1906–1907 гг. «Воспоминаниями гимназистки» петербурженки Т.К. Неслуховской (старшей сестры М.К. Неслуховской, впоследствии жены поэта Н.С. Тихонова): «Организация имела районы: Выборгский, Центральный городской и Василеостровский. В Выборгский район <...> входили учебные заведения Петербургской и Выборгской стороны» [Неслуховская 1924: 54]. То, что оба

мемуариста вели работу по поручению социал-демократов, а не социалистов-революционеров, не имеет значения, так как агитационно-пропагандистская деятельность всех социалистических партий протекала одинаково. Воспоминания Неслуховской могли бы послужить комментарием к фразе Мандельштама в главе «Семья Синани» о «политехнических балах в Лесном» [Мандельштам 2009–2011, 2: 248]: «...устраивались у нас (т. е. в ученической организации. – М. С.) еще и лекции. Помню, происходили они в 1906–1907 учебном году в общежитии Политехнического института, в Лесном. Там читались доклады студентом Александровым по аграрному вопросу, другими о рабочем съезде и т. д. После этих докладов бывали диспуты с эсерами и максималистами» [Неслуховская 1924: 56–57].

⁴⁷ См.: [Каблуков 1990: 358].

⁴⁸ [Мец 2005: 49].

⁴⁹ [Партия социалистов-революционеров 1996: 563].

⁵⁰ [Партия социалистов-революционеров 1996: 569–570].

⁵¹ [Памятная книжка социалиста-революционера 1911: 11]. Приводим в редакции, принятой на II съезде.

⁵² [Мец 2005: 35].

⁵³ Составление словаря «было закончено в январе 1927 года» [Козьмин 1991: 10]. Цитируем по репринтному изданию 1991 г.

⁵⁴ См.: [Тименчик 1984: 75]. Основанием для атрибуции служит письмо Усова к Е.Я. Архиппову, написанное, по предположению публикатора Т.Ф. Нешумовой, зимой 1926 г. В письме Усов перечислил 39 человек, о которых он собирался писать для словаря «Писатели современной эпохи». Среди других назван и Мандельштам, см.: [Усов 2011, 2: 372]. Это упоминание в письме – единственный источник наших сведений о предполагаемом авторе статьи, работа над словарем велась в ГАХН, среди протоколов ее заседаний протокол о Мандельштаме в изложении Усова не встречается (сообщено Т.Ф. Нешумовой).

⁵⁵ [Козьмин 1991: 176]. Массовка – сходка, небольшой митинг. Любопытное свидетельство о массовках оставил народо-волец Л.Г. Дейч, который поздней осенью 1905 г. побывал

«на одном “массовом” митинге “солдат и матросов”, состоявшемся в Лесном. Собралось тех и других чуть ли не с десяток» [Дейч 1918: 217].

⁵⁶ [Дмитрий Усов 2010: 524].

⁵⁷ [Тарсис 1930: 130].

⁵⁸ [Нерлер 2010: 43].

⁵⁹ [Там же: 44]. Летучка – летучее собрание, летучий – внезапный и быстрый.

⁶⁰ Ср. обращение от редакции: «издатели надеются, что товарищи и сочувствующие окажут необходимую поддержку» [Памятная книжка социалиста-революционера 1911: не-номер.]. «Товарищи» означает члены ПСР.

⁶¹ [Нерлер 2010: 46].

⁶² [Там же: 48].

⁶³ [Там же: 98].

⁶⁴ [Там же: 106].

⁶⁵ Ср. с юношеской увлеченностью революционными идеями поэтессы и будущего члена Цеха поэтов Елизаветы Юрьевны Пиленко (1891–1945, в первом браке Кузьмина-Караваева, во втором Скобцова, известна как мать Мария), учившейся в частной гимназии Л.С. Таганцевой. «Как Лиза Таль, так и Лиза Пиленко прямого участия в нашем таганцевском кружке не принимали, – пишет в своих “Воспоминаниях о прошлом” одноклассница Пиленко, Анна Александровна Афанасьева (урожд. Дмитриева), – а участвовали иногда на его собраниях и читали литературу, доставая ее у нас» [Афанасьева 1924а: 94]. В воспоминаниях, написанных в 1960-е гг., другая одноклассница Пиленко говорит: «...они были в курсе наших занятий, знакомы были с нашим руководителем (С.А. Дианиным, см. о нем ниже. – М. С.), в некоторых случаях помогали нам организационно» [Эйгер-Мошковская 1990: 34]. Кружок соби-рался на квартирах то у одной, то у другой гимназистки, девушки слушали доклады, писали рефераты, «к первому мая печатали на гектографе листки» [Афанасьева 1924а: 97]. «Однажды, в период ее (Лизы Пиленко. – М. С.) увлечения марксизмом, одна девочка из нашей компании (Лиза Таль) ее спросила, где она видит правду жизни.

“Лиза, – воскликнула она, прижимая ее к своей груди, – в “Эрфуртской программе”!» [Эйгер-Мошковская 1990: 34]. Ср. в «Шуме времени»: «Эрфуртская программа, марксистские Пропилеи, рано, слишком рано, приучили вы дух к стройности, но мне и многим другим дали ощущение жизни в предысторические годы, когда мысль жаждет единства и стройности, когда выпрямляется позвоночник века» [Мандельштам 2009–2011, 2: 239–240]. Кружок входил в организацию «учащейся и рабочей молодежи при Петербургском комитете РСДРП» [Дианин 1926: 113], из чего отнюдь не следует, что девушки были членами партии. Не стоит считать юношеские кружки и организации того времени чем-то вроде комсомола, они не всегда были связаны с партийными организациями и обычно распадались, когда подростки оканчивали среднюю школу. Из дневника, который вела Афанасьева, известно, что Лиза Пиленко писала ей уже после окончания гимназии, 10 июля 1909 г.: «Не спрашивай, почему надо так делать, а не иначе; спрашивай, во имя чего» [Афанасьева 1924б: 110]. Ср. с мандельштамовской характеристикой мира «Эрфуртской программы, коммунистических манифестов и аграрных споров»: «Здесь был свой протопоп Аввакум, свое двоеперстие <...> духовность была с ними» [Мандельштам 2009–2011, 2: 249]. Упомянутый выше Сергей Александрович Дианин (1888–1968), в будущем известный музыковед, автор книг о композиторе Бородине, в 1907 г. поступил на первый курс физико-математического факультета Петербургского университета, см.: [ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 48533. Л. 24]. О меньшевике Дианине вспоминал его университетский товарищ, впоследствии пушкинист, Николай Васильевич Яковлев: «Очень культурный, хороший философ, математик и музыкант и вместе с тем типичный маменькин сынок, он оставлял впечатление человека, совершенно отрешенного от жизни, почти “блаженного”, по хорошему народному выражению – чему еще способствовал его внешний вид “христосика”. Он обладал способностью создавать какие-то абсолютно абстрактные построения, которые роковым и

непонятным образом пленяли самую зеленую молодежь» [Яковлев 1924: 24, 38]. Ср. в «Шуме времени»: «...особый вид людей эсеровской масти мы называли “христосиками” <...> “Христосики” были русачки с нежными лицами, носители “идеи личности в истории” <...> На политехнических балах в Лесном такой “христосик” отдувался и за Чайльд-Гарольда, и за Онегина, и за Печорина» [Мандельштам 2009–2011, 2: 248].

[Мандельштам 1993–1997, 4: 430].

[Мандельштам Н. 1990: 22].

[Мандельштам 1990, 2: 399].

[Мандельштам Н. 1990: 29]. Федор Федорович Линде (9 февраля 1881 – 25 августа 1917), настоящее имя Фридрих-Михаил Фридрихович, см.: [ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 39883. Л. 17]. В 1902–1904 гг. учился на математическом отделении физико-математического факультета Петербургского университета, уволен «за невзнос платы» [Там же. Л. 32], автор книги «Строение понятия. Логическое исследование» (Пг., 1915). Принимал активное участие в Февральской революции: «Линде отбил где-то грузовой автомобиль и созвал первый революционный летучий отряд» [Канторович 1924: 238]. Солдатами Финляндского полка, где он служил вольноопределяющимся, был избран в Совет солдатских депутатов, вошел в состав Исполнительного комитета Петроградского совета. Организатор (20 апреля 1917 г. по старому стилю) «первой вооруженной демонстрации <...> против Временного правительства» [Милюков 1991: 496] с лозунгом «Милюкова в отставку!». В мае 1917 г. был назначен Временным правительством помощником комиссара в Особую армию на Юго-Западном фронте, см.: [Канторович 1924: 246]. 25 августа 1917 г. убит взбунтовавшимися солдатами в деревне под Луцком, см.: [Краснов 2006: 301–302, 304]. Похоронен в Мустамяки, современное название – станция Горьковская по Финляндской железной дороге, см.: Воля народа. 1917. № 125. 22 сент. С. 2. Прототип комиссара Гинца в «Докторе Живаго» Пастернака, см.: [Мандельштам Н. 1990: 29].

⁷⁰ «...Принадлежность Линде к какой-либо <...> организации, в частности – социал-демократической, следует принимать с большими оговорками. Был ли он действительно членом партии, теперь трудно установить. Но революция 1905 года застала его в рядах активно действующих в Петербурге большевиков» [Канторович 1924: 229].

⁷¹ См.: [ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 39883. Л. 3]. В другом написании название деревни Лемпияля, Новокирковского округа, см.: [Там же. Д. 54914. Л. 64. Университетское дело младшего брата Линде, Иоганна-Альберта Фридриховича]. Это примерно в 12 км от Мустаяк.

⁷² Владимир Абрамович Канторович (7 февраля 1886 – 29 октября 1923), знавший Линде не позже, чем с 1905 г., окончил минскую гимназию с золотой медалью, в 1904–1910 гг. студент-юрист Петербургского университета, см.: [ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 42881. Л. 5, 24]. С 1905 г. член Бунда, делегат V Лондонского съезда социал-демократических партий, см.: [Заславский 1924: 307]. Член студенческого «Кружка литературы и искусства» (1909), печатал стихи под псевдонимом В. Канев, см.: [Тименчик 1997: 322], в частности, в футуристском альманахе «Весеннее контр-агентство муз» (1915), см.: [Шруба 2004: 96]. Занимался адвокатской практикой, сотрудничал в петроградской печати. Его воспоминания, изданные посмертно, – единственный печатный источник сведений о жизни Ф.Ф. Линде до 1917 г. О Канторовиче см. также в воспоминаниях дочери историка С.М. Дубнова, С.С. Дубновой-Эрлих «Хлеб и маца» (СПб., 1994).

⁷³ [Канторович 1924: 230].

⁷⁴ [Мандельштам 2009–2011, 3: 878].

⁷⁵ См.: [Морозов К. 2005б: 486].

⁷⁶ Жандармский полковник А.И. Спиридович просто пишет: «в Финляндии» [Спиридович 1918: 333], М.И. Леонов в своей подробной монографии, рассказывая о Втором Совете, см.: [Леонов 1997: 346–347], вообще не упоминает о месте его проведения, исследователь С.А. Степанов говорит об Иматре, см.: [Степанов 2008: 32], но неверно указывает время – сентябрь 1906 г., что заставляет усомниться и в месте.

- ⁷⁷ [Леонов 1997: 346].
- ⁷⁸ См. об этом: [Морозов А. 2006: 211].
- ⁷⁹ См.: [Мандельштам 2009–2011 Т. 2: 629; Т. 3: 391].
- ⁸⁰ [Янсен 1993: 35].
- ⁸¹ [Там же: 41–42].
- ⁸² На основании декрета от 6 февраля 1922 г. ВЧК была реорганизована в Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР, см.: [Лубянка 2003: 24–25].
- ⁸³ См.: [Янсен 1993: 47].
- ⁸⁴ [Морозов К. 2005б: 71].
- ⁸⁵ См.: [Янсен 1993: 21].
- ⁸⁶ См.: [Там же: 83, 149].
- ⁸⁷ См.: [Морозов К. 2005б: 69, 74].
- ⁸⁸ См.: [Янсен 1993: 149, 150]. Смертники «ожидали приведения приговора в исполнение вплоть до 16 сентября», когда им объявили о постановлении президиума ВЦИК от 8 августа о «приостановлении исполнения смертной казни» [Морозов К. 2005б: 77]. Только после самоубийства одного из заключенных, 14 января 1924 г. Президиум ЦИК «объявил о замене смертного приговора пятью годами тюремного заключения и о сокращении наполовину тюремных сроков» [Янсен 1993: 193].
- ⁸⁹ [Мандельштам Н. 1990: 160].
- ⁹⁰ «Леонид Эммануилович Ландсберг (ок. 1899–1957) был знаком с Мандельштамом по Феодосии» [Мец 2006: 138].
- ⁹¹ Перечень стихов, записанных Ландсбергом, и указание на автограф приводились в: [Двинятина, Мец 2010: 11, 14].
- ⁹² См.: Книжная летопись. 1921. № 9. С. 6.
- ⁹³ Там же. № 23. С. 1.
- ⁹⁴ В первом выпуске альманаха «Дракон» были опубликованы статьи Гумилева «Анатомия стихотворения» и Мандельштама «Слово и культура».
- ⁹⁵ [РО ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 756. Л. 2об, 3–3об.].
- ⁹⁶ [Там же. Оп. 6. Ед. хр. 149. Л. 3–3об.].
- ⁹⁷ [Там же. Л. 2–2об.].
- ⁹⁸ [Там же. Оп. 3. Ед. хр. 756. Л. 4об.]. См. также: [Мец 2006: 138], здесь слово «почти» приведено со строчной буквы.
- ⁹⁹ В списке Ландсберга «Психея жизнь» без дефиса.

- ¹⁰⁰ [РО ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 6. Ед. хр. 149. Л. 4].
- ¹⁰¹ [Там же. Л. 5–5об., 6. Помета на л. 6].
- ¹⁰² [Там же. Л. 8–8об., 9. Помета на л. 9].
- ¹⁰³ [Там же. Л. 7–7об.]. Последняя помета воспроизводилась, см.: [Мандельштам 1990, 1: 494].
- ¹⁰⁴ О ее датировке см.: [Мец 2006: 138].
- ¹⁰⁵ [Мандельштам 2009–2011, 2: 71].
- ¹⁰⁶ [РО ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 6. Ед. хр. 149. Л. 7об.].
- ¹⁰⁷ [Мандельштам 2009–2011, 1: 461].
- ¹⁰⁸ [Гаспаров 2001: 335].
- ¹⁰⁹ См.: [Там же: 339].
- ¹¹⁰ [Слетов 1917: 42].
- ¹¹¹ Николай Степанович Таганцев (1843–1923) – криминалист, профессор училища правоведения, отец расстрелянного в 1921 г. В.Н. Таганцева. На его квартире в декабре 1871 г. состоялось многолюдное собрание «из представителей радикальной интеллигенции и всего наличного состава кружка чайковцев» [Чарушин 1973: 129].
- ¹¹² Процесс 193-х проходил с 18 октября 1877 г. по 23 января 1878 г. «По масштабам дела и числу обвиняемых (за “хождение в народ”. – М. С.) то был самый крупный судебный процесс» [Троицкий 1978: 117, 315].
- ¹¹³ [Таганцев 1919: 9].
- ¹¹⁴ Владимир Анатольевич Жданов (1869–1932).
- ¹¹⁵ «20 апреля 1894 года Жданов был обыскан и арестован, так как у него нашли “Объявление об издании социал-демократической библиотеки” (потом его сослали в Вологодскую губернию)» [Меньщиков 1925: 247].
- ¹¹⁶ Николай Сергеевич Тютчев (1856–1924) – революционер-народник, мемуарист. «Тютчев был членом ЦК ПСР в 1905 г. и курировал деятельность БО в Петербурге в начале 1905 г. Больше он никакого касательства к работе БО не имел» [Городницкий 1998: 88]. «С М.А. Натансоном <...> Н.С. Тютчева связывала тесная дружба в течение свыше чем 30-ти лет» [Колосов 1924: 285].
- ¹¹⁷ [Высылка вместо расстрела 2005: 182].
- ¹¹⁸ См.: [Левин 1998: 10], [Гаспаров 2001: 338, 341, 345].
- ¹¹⁹ [Ронен 2011: 222].

- ¹²⁰ См.: [Гаспаров 2001: 338]. Гаспаров, в свою очередь, ссылается на работу Д.М. Сегала «Осип Манделыштам: история и поэтика» (1998).
- ¹²¹ [Манделыштам 2009–2011, 1: 67].
- ¹²² В народничестве «господствуют представления о самопожертвовании, идейной непреклонности, отзывчивости к запросам и положению других, долге перед народом и служении, не требующем наград» [Гудков, Дубин 2009: 243].
- ¹²³ [Манделыштам 2009–2011, 2: 27].
- ¹²⁴ [Там же: 33].
- ¹²⁵ [Там же: 242]. Подробнее о связи образа Чаадаева с понятием народности (общественности) у Манделыштама см.: [Тоддес 1991: 33].
- ¹²⁶ [Манделыштам 2009–2011, 2: 88]. Слово «история» и его производные употреблены в статье пять раз.
- ¹²⁷ [Там же: 89]. Эпитет «математический», возможно, отсылает и к другой знаменитой Софье народнического периода – Ковалевской. Мемуаристка А.И. Корнилова-Мороз (см. о ней ниже) приводит отзыв преподавателя математики на петербургских женских Аларчинских курсах о Перовской, у которой были «выдающиеся способности к математике» [Корнилова-Мороз 1986: 64]. Этим преподавателем был А.Н. Страннолюбский, впоследствии член попечительного совета Тенишевского училища. См. также следующее примечание.
- ¹²⁸ [Манделыштам 2009–2011, 1: 105]. Ср. также с пушкинским: «И быстрый холод вдохновенья / Власы подъемлет на челе» («Когда к мечтательному миру...», 1818) [Пушкин 1956–1958, 1: 336], «В груди младое сердце билось – холод / Бежал по мне и кудри подымал. («В начале жизни школу помню я...», 1830) [Там же, 3: 202]. См. также «Холодок щекочет темя...» (1922). Когда настоящая работа была написана, нам стало известно, что некоторые сопоставления были уже сделаны в статье Г.А. Левинтона: «К Сафо <...> относится и последнее четверостишие I строфы (от “И холодком повеяло высоким...” до “Архипелага нежные гроба...” – М. С.), которое, как показывает

автоцитата в “Барсучьей норе”, отмеченная Ю. Иваском, <...> связано с мотивом *бессмертия*: “Высокий математический лоб Софьи Перовской <...> веет уже мраморным холодком настоящего бессмертия” <...> Определение *математический* относится к ассоциативно связанной с Софьей Перовской – Софье Ковалевской <...> Ср. снижение темы бытовой мотивацией в “Холодок щекочет темя...”» [Левинтон 1977: 154]. «Барсучья нора» – другое название статьи о Блоке, данное Мандельштамом в сборнике своих статей «О поэзии» (1928).

¹²⁹ [Мандельштам 2009–2011, 2: 89].

¹³⁰ [Там же: 205].

¹³¹ [Блок 1960–1963, 3: 328]. Отмечалось в рецензии Д.С. Святополка-Мирского «О.Э. Мандельштам. “Шум времени”» (1925), републикацию которой см.: [Святополк-Мирский 1991: 58].

¹³² [Блок 1960–1963, 3: 278]. Отмечено Г.А. Левинтоном.

¹³³ Любопытно, что роман Ю.В. Давыдова о народовольцах «Глухая пора листопада» (1968) был назван строчкой Пастернака, в этом контексте отсылавшей к Блоку. Что касается всего семантического поля «глухоты» в нашем контексте, то сошлемся на запись Л.К. Чуковской от 29 августа 1954 г., где рассказано, как Ахматова показала ей абзац в лежавшем у нее на подоконнике томе из собрания сочинений Веры Фигнер и заметила: «Целый слой неинтеллигентной интеллигенции, глухой к стихам» [Чуковская 1997: 104].

¹³⁴ [Мандельштам 2009–2011, 2: 223].

¹³⁵ См. о конспиративной молочной лавке «на Караванной, откуда подводили мину под Александра» [Мандельштам 2009–2011, 2: 223]. В действительности это «была сырная лавка, нанятая народовольцами на углу Невского проспекта и Малой Садовой ул.» [Морозов А. 2006: 226].

¹³⁶ [Мандельштам Н. 1990: 23]. Террористами Н.Я. Мандельштам здесь называет народовольцев.

¹³⁷ [Мандельштам Н. 1999: 200]. В двадцатые годы русская интеллигенция, пытаясь примириться с последствиями ре-

волюции, призывала себе на помощь народническую традицию, об этом писала Л.Я. Гинзбург: «О внедрившемся с детства народовольческом идеале Пастернак говорит в поэме “Девятьсот пятый год”:

Это было вчера,
И, родись мы лет на тридцать раньше,
Подойди со двора,
В керосиновой мгле фонарей,

Средь мерцанья реторт

Мы нашли бы,
Что те лаборантши –
Наши матери
Или
Пряательницы матерей.

Лаборантши изготавливали бомбы для террористических актов <...> Ахматова с оттенком удовольствия рассказывала мне о том, что ее мать в молодости была знакома с народовольцами. <...> “Мама очень гордилась тем, что как-то дала Вере Фигнер какую-то свою кофточку – это нужно было для конспирации...”» [Гинзбург 2002: 278]. «Моя мама была сама кротость, – передает другой мемуарист слова Ахматовой, сказанные ею 20 октября 1963 г. – И, можете себе представить, была близка с “Народной волей”. Была близка с Верой Фигнер, прятала ее, давала ей свою шубу...”» [Готхарт 1997: 289]. Скорее всего, имеется в виду один и тот же эпизод, преображенный либо в памяти Ахматовой, либо в записях мемуаристов. Приведем позднюю запись Ахматовой: «Вера Фигнер. (А крестный Романенко был человек из рев<олюционного> подполья, т. е. “Нар<одной> Воли” – имени его я не знаю. Мама говорила: “Из нашего ‘кружка’ 1881 г.”)» [Ахматова 1996: 298]. Ср. с воспоминаниями народника И.И. Майнова: «Ну какая же вполне интеллигентная особа не вращалась “в кружках”, не

встречалась либо с Желябовым, либо с Верой Фигнер, ну, на худой конец, хотя бы с какой-нибудь приятельницей Веры Фигнер?» (Майнов 1922: 156). См. также письмо М.И. Цветаевой Б.Л. Пастернаку от 5 октября 1927 г. (Цветаева 2004: 396, 656) о Е.П. Дурново (матери ее мужа С.Я. Эфрона), бывшей членом «Земли и воли» и дружившей с Перовской и Желябовым; последнее, по-видимому, семейная легенда, но в данном случае это не имеет значения, она важна для Цветаевой, так же как для Ахматовой еще и в 1960-е гг. была важна легенда о шубе для Веры Фигнер. См. в воспоминаниях поэтессы Е.Г. Полонской о своей матери: «...она вспомнила обыск, который делали у нее и ее подруги Дины, когда они жили на Фонтанке в 1880 году <...> когда по всему Питеру искали народовольцев» [Полонская 2008: 356]. Возможно, что самое раннее упоминание об интересующей нас теме содержится в письме Б.М. Эйхенбаума к родителям, написанном 4 декабря 1905 г., где он передает матери просьбу своего двоюродного брата, историка русской литературы М.К. Лемке, «чтобы мамахен написала все, что она помнит о Корниловском кружке и о Перовской» [Кертис 2004: 250], о чем сам Эйхенбаум мог узнать в детстве из рассказов матери. Здесь имеется в виду кружок «чайковцев», образовавшийся в 1871 г., активными членами которого были три сестры Корниловы, дочери владельца известного фарфорового завода, Вера (1848–1873, умерла от туберкулеза), Любовь (1852–1892), Александра (1853–1930). См. упомянутые выше воспоминания последней, впервые напечатанные в 1926 г., «Перовская и кружок чайковцев».

андельштам Н. 1999: 290]. Имеется в виду журнал «Каторга и ссылка» (1921–1935), орган Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

«компрессированности» времени у Мандельштама см.: [Шиндин 2008: 223, 224]. О пространственных и временных смещениях и объединениях, которые «очень естественны и непринужденны у Мандельштама», о том, что средством совмещения «прошлого и настоящего, про-

странств и времен <...> является память», см.: [Левин 1995: 82, 90].

¹⁴⁰ [Мандельштам 1987: 79].

¹⁴¹ [Кирсанова 1997: 52, 54].

¹⁴² Екатерина Дмитриевна Кускова (1869–1958) – публицистка, мемуаристка, окончила гимназию и фельдшерские курсы в Саратове, в 1890-е гг. – социал-демократка, неоднократно высылалась, была под гласным надзором полиции. В 1905 г. заочно избрана в состав ЦК конституционно-демократической партии, но от вступления в партию отказалась. Участвовала в кооперативном движении. Активный деятель Всероссийского комитета помощи голодающим (1921), в июне 1922 г. выслана за границу.

¹⁴³ [Кускова 1957: 154].

¹⁴⁴ Михаил Михайлович Богословский (1867–1929) – ученик Ключевского, преподавал в Московском университете, на Высших женских курсах В.И. Герье и в Московской духовной академии, член Академии наук с 1921 г.

¹⁴⁵ [Богословский 1989: 389].

¹⁴⁶ [Полонская 2008: 356].

¹⁴⁷ [Ахматова 1990, 1: 260].

¹⁴⁸ [Мандельштам 2009–2011, 2: 354].

¹⁴⁹ См.: [Морозов А. 2006: 278].

¹⁵⁰ Здесь уместно напомнить, что Савинков в революционной среде считался едва ли не денди: «Он очень отличался от других революционеров. Тщательно, даже франтовски одевался» [Зензинов 1953: 134].

¹⁵¹ [Мандельштам 2009–2011, 2: 65].

¹⁵² [Там же: 217].

¹⁵³ [Мандельштам 2009–2011, 1: 162–163]. Точности ради напомним, что плед, как знак эстетства, появляется в стихотворении Блока «Встречной» (1908): «А муж твой носит томик Уайльда, / Шотландский плэд, цветной жилет... / Твой муж – презрительный эстет» [Блок 1960–1963, 3: 164]. Ср. с описанием поэта В.Н. Маккавейского (1893–1920) в очерке «Киев», как «последнего киевского сноба, который ходил по Крещатику <...> в лаковых туфлях-лодочках и с клетчатым пледом»

[Мандельштам 2009–2011, 3: 72]. Во фрагменте, оставшемся в рукописи, Маккавейский назван сумасшедшим дэнди, см.: [Там же: 632]. Сходный стилизованный образ самого Мандельштама с пледом возникает в «Петербургских зимах» (1928) Г.В. Иванова: «Осенью 1910 года из третьего класса заграничного поезда вышел молодой человек. Никто его не встречал, багажа у него не было <...> Одет путешественник был странно. Широкая потрепанная крылатка, альпийская шапочка, ярко-рыжие башмаки, нечищенные и стоптанные. Через левую руку был перекинут клетчатый плед, в правой он держал бутерброд... <...> В потерянном в Эйдкунене чемодане кроме зубной щетки и Бергсона, была еще растрепанная тетрадка со стихами» [Иванов 1994, 3: 84]. Подтекст этого описания обнаруживается в первых фразах романа «Идиот»: «В конце ноября, в оттепель, часов в девять утра, поезд Петербургско-Варшавской железной дороги на всех парах подходил к Петербургу <...> В одном из вагонов третьего класса» ехал главный герой романа. «На нем был довольно широкий и толстый плащ без рукавов и с огромным капюшоном, точь-в-точь как употребляют часто дорожные, по зимам, где-нибудь далеко за границей, в Швейцарии или, например, в Северной Италии, не рассчитывая, конечно, при этом и на такие концы по дороге, как от Эйдкунена до Петербурга <...> Обладатель плаща с капюшоном был молодой человек <...> В руках его болтался тощий узелок из старого, полинялого фуляра, заключавший, кажется, всё его дорожное достояние. На ногах его были толстоподшвенные башмаки с штиблетами, – всё не по-русски» [Достоевский 1972–1990, 8: 5, 6].

¹⁵⁴ [Мандельштам 2009–2011, 2: 243].

¹⁵⁵ См.: [Мандельштам 2009–2011, 2: 241].

¹⁵⁶ [Там же: 90].

¹⁵⁷ [Левин и др. 2001: 284].

¹⁵⁸ См.: [Иванов-Разумник 2004: 436].

¹⁵⁹ «...Намек на воронежский съезд народников 1879 г.» [Гаспаров 2001: 251].

Список сокращений

РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы.
ЦГИА СПб. – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

Библиография

- Афанасьева 1924а – *Афанасьева А.А.* Воспоминания о прошлом // Революционное юношество. Из прошлого социал-демократических учащихся и рабочей молодежи. Сб. 1. Из истории революционного движения учащихся среднеучебных заведений Петербурга 1905–1917 гг. Л., 1924. С. 92–103.
- Афанасьева 1924б – *Афанасьева А.А.* Из дневника гимназистки // Революционное юношество. Из прошлого социал-демократических учащихся и рабочей молодежи. Сб. 1: Из истории революционного движения учащихся среднеучебных заведений Петербурга 1905–1917 гг. Л., 1924. С. 104–111.
- Ахматова 1990 – *Ахматова А.А.* Соч.: В 2 т. М., 1990.
- Ахматова 1996 – *Ахматова А.А.* Записные книжки. (1958–1966). М.; Torino, 1996.
- Блок 1960–1963 – *Блок А.А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960–1963.
- Богословский 1989 – *Богословский М.М.* Москва в 1870–1890-х годах // Московская старина. Воспоминания москвичей прошлого столетия. М., 1989. С. 387–425.
- Высылка вместо расстрела 2005 – *Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ. 1921–1923.* М., 2005.
- Гаспаров 2001 – *Гаспаров М.Л.* О русской поэзии. Анализы. Интерпретации. Характеристики. СПб., 2001.
- Гинзбург 2002 – *Гинзбург Л.Я.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002.
- Городницкий 1995 – *Городницкий Р.А.* Б.В. Савинков и судебно-следственная комиссия по делу Азефа // Минувшее:

- Исторический альманах. [Вып.] 18. М.; СПб., 1995. С. 198–242.
- Городницкий 1998 – *Городницкий Р.А.* Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911. М., 1998.
- Городницкий 1999 – *Городницкий Р.А.* Г.А. Гершуни – «крестный отец» эсеровского терроризма // Евреи и русская революция: Материалы и исследования. М.; Иерусалим, 1999.
- Готхарт 1997 – *Готхарт Н.* Двенадцать встреч с Анной Ахматовой / Вступ. ст., публ. и коммент. Н. Гончаровой // Вопр. лит. 1997. № 2. С. 261–323.
- Гудков, Дубин 2009 – *Гудков Л.Д., Дубин Б.В.* Интеллигенция. Заметки о литературно-политических иллюзиях. СПб., 2009.
- Двинятина, Мец 2010 – *Двинятина Т.М., Мец А.Г.* Материалы О.Э. Мандельштама в собраниях Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 гг. СПб., 2010. С. 5–24.
- Дейч 1918 – *Дейч Л.Г.* Военные во время первой нашей революции (Письмо в редакцию) // Былое. 1918. № 12. Кн. 6. Июнь. С. 215–221.
- Дианин 1926 – *Дианин С.А.* Революционная молодежь в Петербурге. 1897–1917 гг. (Исторический очерк). По воспоминаниям и архивным данным с приложением прокламаций, нелегальных ученических журналов и архивных документов. Л., 1926.
- Достоевский 1972–1990 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
- Дмитрий Усов 2010 – Дмитрий Усов в начале 1920-х годов (по письмам к М.А. Зенкевичу) / Публ. Т.Ф. Нешумовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 гг. СПб., 2010. С. 496–527.
- Заславский 1924 – [*Заславский Д.О.*] Некролог: Владимир Абрамович Канторович (1886–1923) // Былое. 1924. № 23. С. 307–309.
- Зензинов 1953 – *Зензинов В.М.* Пережитое. Нью-Йорк, 1953.
- Иванов 1994 – *Иванов Г.В.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1994.

- Иванов-Разумник 2004 – *Иванов-Разумник Р.И.* Андрей Белый [1915] // Русская литература XX века. 1890–1910. М., 2004. С. 413–442.
- Каблуков 1990 – Мандельштам в записях дневника и переписке С.П. Каблукова // Мандельштам О.Э. Камень. Л., 1990. С. 241–261.
- Канторович 1924 – *Канторович В.А.* Федор Линде // Былое. 1924. № 24. С. 221–251.
- Карпович 1957 – *Карпович М.М.* Мое знакомство с Мандельштамом // Новый Журнал. 1957. № 49. С. 258–261.
- Кертис 2004 – *Кертис Дж.* Борис Эйхенбаум: его семья, страна и русская литература. СПб., 2004.
- Кирсанова 1997 – *Кирсанова Р.М.* Московский «Латинский квартал» // Родина. 1997. № 12. С. 51–54.
- Козьмин 1991 – Писатели современной эпохи: Биобиблиографический словарь русских писателей XX века. Т. 1 / Под ред. Б.П. Козьмина. 2-е изд. [репринтное]. М., 1991.
- Колосов 1924 – [*Колосов Е.Е.*] Памяти Николая Сергеевича Тютчева // Былое. 1924. № 24. С. 284–288.
- Корнилова-Мороз 1986 – *Корнилова-Мороз А.И.* Перовская и кружок чайковцев // Революционеры 1870-х годов: Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. Л., 1986. С. 56–85.
- Краснов 2006 – *Краснов П.Н.* Атаман. Воспоминания. М., 2006.
- Кускова 1957 – *Кускова Е.Д.* Давно минувшее // Новый Журнал. 1957. № 49. С. 145–170.
- Левин 1991 – *Левин Ю.И.* Заметки о поэтике О. Мандельштама // Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исследования и материалы. М., 1991. С. 350–371.
- Левин 1995 – *Левин Ю.И.* Заметки о «крымско-эллинских» стихах О. Мандельштама / Мандельштам и античность: Сб. статей. М., 1995. С. 77–103.
- Левин 1998 – *Левин Ю.И.* Избр. тр. Поэтика. Семантика. М., 1998.
- Левин и др. 2001 – *Левин Ю.И., Сегал Д.М., Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В.* Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // Смерть и бессмертие поэта: Материалы междунар. науч. конф. М., 2001. С. 282–316.

- Левинтон 1977 – *Левинтон Г.А.* «На каменных отрогах Пиэрии...» Мандельштама. (Материалы к анализу) // *Russian Literature*. 1977. V. 2. April. P. 123–170.
- Леонов 1997 – *Леонов М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 годах. М., 1997.
- Лубянка 2003 – Лубянка. Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991: Справочник. М., 2003.
- Майнов 1922 – *Майнов И.И.* (Саратовец) На закате народовольчества (Памяти В.Я. Богучарского) // *Былое*. 1922. № 20. С. 135–162.
- Мандельштам 1987 – *Мандельштам О.Э.* Слово и культура. М., 1987.
- Мандельштам 1990 – *Мандельштам О.Э.* Соч.: В 2 т. М., 1990.
- Мандельштам 1993–1997 – *Мандельштам О.Э.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1997.
- Мандельштам 2009–2011 – *Мандельштам О.Э.* Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2009–2011.
- Мандельштам Н. 1987 – *Мандельштам Н.Я.* Книга третья. Р., 1987.
- Мандельштам Н. 1990 – *Мандельштам Н.Я.* Вторая книга. М., 1990.
- Мандельштам Н. 1999 – *Мандельштам Н.Я.* Воспоминания. М., 1999.
- Меньщиков 1925 – *Меньщиков Л.П.* Охрана и революция: К истории тайных политических организаций в России. Ч. 1: Годы реакции. 1885–1898. М., 1925.
- Мец 2005 – *Мец А.Г.* Осип Мандельштам и его время. Анализ текстов. СПб., 2005.
- Мец 2006 – *Мец А.Г.* Вступ. ст. и прим. // *О.Э. Мандельштам. О природе слова* // *Русская литература*. 2006. № 4. С. 138–151.
- Милюков 1991 – *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991.
- Морозов А. 1988 – *Морозов А.А.* История – биография – образ // *Даугава*. 1988. № 2. С. 101–104.
- Морозов А. 2006 – *Морозов А.А.* Прим. // *Мандельштам О.Э. Шум времени*. М., 2006.
- Морозов К. 2005а – *Морозов К.Н.* Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостоя-

- ние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М., 2005.
- Морозов К. 2005б – *Морозов К.Н.* Комм. // Сын «вольного штурмана» и тринадцатый «смертник» процесса с.-р. 1922 г.: Документы и материалы из личного архива В.Н. Рихтера. М., 2005.
- Нерлер 2010 – *Нерлер П.М.* Слово и «дело» Осипа Мандельштама: Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. М., 2010.
- Неслуховская 1924 – *Неслуховская Т.К.* Воспоминания гимназистки // Революционное юношество. Из прошлого социал-демократической учащейся и рабочей молодежи. Сб. 1: Из истории революционного движения учащихся среднеучебных заведений Петербурга 1905–1917 гг. Л., 1924. С. 52–61.
- Николаевский 1991 – *Николаевский Б.Н.* История одного предателя: Террористы и политическая полиция. М., 1991.
- Памяти Гершуни 1908 – Памяти Григория Андреевича Гершуни. Р., 1908.
- Памятная книжка социалиста-революционера 1911 – Памятная книжка социалиста-революционера. Вып. 1. [Париж], 1911.
- Партия социалистов-революционеров 1996 – Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы. Т. 1: 1900–1907. М., 1996.
- Переписка Ал. Алтаева 1991 – Переписка Ал. Алтаева с Н.Я. Берковским / Вступ. ст., публ. и коммент. М.А. Кузьменко. Псков, 1991.
- Полонская 2008 – *Полонская Е.Г.* Города и встречи / Вступ. ст., послесл., сост, подгот. текста и коммент. Б.Я. Фрезинского. М., 2008.
- Пушкин 1956–1958 – *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1956–1958.
- Ронен 2011 – *Ронен О.* Луч // Звезда. 2011. № 9. С. 218–228.
- Савинков 1990 – *Савинков Б.В.* Воспоминания террориста. Л., 1990.
- Святополк-Мирский 1991 – *Святополк-Мирский Д.С.* О.Э. Мандельштам. «Шум времени» // Литературное обозрение. 1991. № 1. С. 57–58.

- Слетов 1917 – *Слетов С.Н.* К истории возникновения партии социалистов-революционеров. Пг., 1917.
- Спиридович 1918 – *Спиридович А.И.* Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886–1916. Пг., 1918.
- Степанов 2008 – *Степанов С.А.* Политические партии России: история и современность. М., 2008.
- Таганцев 1919 – *Таганцев Н.С.* Пережитое. Учреждение Государственной Думы в 1905–1906 гг. Пг., 1919.
- Тарсис 1930 – *Тарсис В.Я.* Современные русские писатели. Л., 1930.
- Тименчик 1984 – *Тименчик Р.Д.* Неопубликованные прозаические заметки Анны Ахматовой // Известия АН. Серия литературы и языка. 1984. Т. 43. № 1. С. 65–76.
- Тименчик 1997 – *Тименчик Р.Д.* Комм. // Пяст В.А. Встречи. М., 1997.
- Тоддес 1991 – *Тоддес Е.А.* Поэтическая идеология // Литературное обозрение. 1991. № 3. С. 30–43.
- Троицкий 1978 – *Троицкий Н.А.* Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882. М., 1978.
- Усов 2011 – *Усов Д.С.* «Мы сведены почти на нет...»: В 2 т. / Сост., вступ. ст., подгот. текста, коммент. Т.Ф. Нешумовой. М., 2011.
- Фигнер 1933 – *Фигнер В.Н.* Избранные произведения: В 3 т. М., 1933.
- Ходасевич 1997 – *Ходасевич В.Ф.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1997.
- Цветаева 2004 – *Марина Цветаева.* Борис Пастернак. Души начинают видеть: Письма 1922–1936 годов. М., 2004.
- Чарушин 1973 – *Чарушин Н.А.* О далеком прошлом. М., 1973.
- Чернов 2004 – *Чернов В.М.* Перед бурей: Воспоминания. Минск, 2004.
- Чернов 2007 – *Чернов В.М.* В партии социалистов-революционеров: Воспоминания о восьми лидерах. СПб., 2007.
- Чуковская 1997 – *Чуковская Л.К.* Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Т. 2. М., 1997.
- Шиндин 2008 – *Шиндин С.Г.* Время [из статей для Мандельштамовской энциклопедии] // Вопр. лит. 2008. № 6. С. 221–228.

- Шруба 2004 – *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917. М., 2004.
- Эйгер-Мошковская 1990 – *Эйгер-Мошковская Ю.Я.* Надеждой бились юные сердца // Ленинградская панорама. 1990. № 11. С. 32–35.
- Эренбург 1962–1967 – *Эренбург И.Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1962–1967.
- Яковлев 1924 – *Яковлев Н.В.* К истории петербургского средне-школьного движения 1904–1909 годов: Из воспоминаний реалиста // Революционное юношество. Из прошлого социал-демократической учащейся и рабочей молодежи. Сб. 1: Из истории революционного движения учащихся среднеучебных заведений Петербурга 1905–1917 гг. Л., 1924. С. 9–51.
- Янсен 1993 – *Янсен М.* Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993.

Леонид Видгоф

ВОКРУГ ПОЭТА:
«ГРАЖДАНИН ПУСЛОВСКИЙ»,
«АЛЕКСАНДР ГЕРЦОВИЧ,
ЕВРЕЙСКИЙ МУЗЫКАНТ»
И «ДОКТОР ГЕРЦБЕРГ»

В данной работе речь идет о людях, которые так или иначе оказались на жизненном пути Осипа Мандельштама. Первого из перечисленных в заголовке статьи он, видимо, не только не знал, но и никогда не видел, хотя сыграл очень важную роль в его судьбе; «еврейского музыканта» и «доктора Герцберга» мы находим в мандельштамовских произведениях¹.

В 1918 г., в самом конце июня или начале июля, произошёл конфликт между Мандельштамом и Яковом Блюмкиным, тогда левым эсером и сотрудником ЧК. История столкновения поэта и чекиста отразилась в «Петербургских зимах» Георгия Иванова, в мемуарах Н.Я. Мандельштам, в показаниях Ф.Э. Дзержинского. Детали разнятся, но в главном сюжет события ясен: в одном из московских поэтических кафе (или в каком-то ином месте, где собрались поэты и «поклонники») Блюмкин, будучи в подпитии, стал демонстрировать собеседникам то ли ордера на арест, то ли списки арестованных, то ли какие-то иные чекистские бумаги — с объяснениями, кого из этих людей стоило бы «пустить в расход», «шлепнуть», а кого, может быть, и пощадить. Блюмкин показывал, что жизнь многих людей находится в его руках: как он решит, так и будет. (Я. Леонтьев указывает, что эту демонстрацию надо считать, вероятно, «очередным блефом Блюмкина», поскольку его тогдашняя должность в ЧК «не имела прямого отношения

к расстрелам»². Блюмкин занимался в ВЧК организацией контрразведки в целях борьбы с противниками режима.) В частности, Блюмкин, судя по приводимым ниже показаниям Ф. Дзержинского, упомянул о некоем литераторе Пусловском. Мандельштам – хотя он, предположительно, не был знаком ни с Пусловским, ни с другими людьми, о власти над которыми заявил Блюмкин, – выхватил, не думая о последствиях (а они могли быть для него, очевидно, очень нелегкими), бумаги из рук чекиста и порвал их. На этом поэт не успокоился, а при посредстве своей знакомой, писательницы Ларисы Рейснер, обратился к ее тогдашнему мужу, известному большевику Федору Раскольникову, за помощью; Мандельштам и Раскольников поставили Дзержинского в известность насчет хмельных излияний работника его учреждения. Уже после подавления вооруженного выступления левых эсеров против заключения Брестского мира Ф. Дзержинский давал показания в связи с обстоятельствами убийства германского посла Мирбаха Блюмкиным и Н. Андреевым: «За несколько дней, может быть за неделю, до покушения я получил от Раскольникова и Мандельштама (в Петрограде работает у Луначарского) сведения, что этот тип³ в разговорах позволяет себе говорить такие вещи: “Жизнь людей в моих руках, подпишу бумажку – через два часа нет человеческой жизни. Вот у меня сидит гражданин Пусловский, поэт, большая культурная ценность, подпишу ему смертный приговор”, но если собеседнику нужна эта жизнь, он ее “оставит” и т. д. Когда Мандельштам, возмущенный, запротестовал, Блюмкин стал ему угрожать, что, если он кому-нибудь скажет о нем, он будет мстить всеми силами. Эти сведения я тотчас же передал Александровичу⁴, чтобы он взял от ЦК⁵ объяснение и сведения о Блюмкине, чтобы предать его суду. В тот же день на собрании комиссии было решено по моему предложению нашу контрразведку распустить и Блюмкина пока оставить без должности»⁶.

Поступок Мандельштама был импульсивным, но вполне оправданным. Пускай «прямого отношения к расстрелам» должность Блюмкина в ЧК не имела, но косвен-

ные возможности такого рода у работника этого ведомства, вероятно, были. И, в любом случае, Мандельштам вряд ли разбирался в структуре карательного органа и конкретных обязанностях его служащих – он узнал о людях, которым грозила гибель, и постарался их спасти.

Кто такой загадочный Пусловский, упомянутый, по словам Дзержинского, Блюмкиным? (Заметим, что это единственное имя, которое, говоря о приходе к нему Мандельштама и Раскольникову, Дзержинский приводит в своих показаниях.) Автор данной работы смог выяснить об этом человеке следующее. По сведениям из «Польского биографического словаря», Францишек Ксаверий Пусловский – польский аристократ, офицер, поэт, любитель искусства. Родился в 1875 г. под Парижем. Был подданным России, но в восемнадцать лет сменил российское гражданство на австрийское. Служил в австрийской кавалерии, затем изучал право, штудировал в Берлине философию и историю искусств. Первая мировая война застала его в родном имении Чарковы (*“Wojna 1914 r. zastała P-ego w rodzinnym majątku Czarkowach nad Nidą”*). Там у него базировались легионеры Ю. Пилсудского, сторонники отделения Польши от России и образования независимого польского государства. Имение было занято российскими войсками, Пусловского арестовали и через некоторое время привезли в Москву, где он был определен на жительство до конца войны. Живя в Москве, был, в частности, секретарем консула США и главой художественной комиссии польского театра. Общался с польскими деятелями науки и культуры, был знаком с князем Феликсом Юсуповым, одним из убийц Г. Распутина. В 1918-м был арестован, приговорен к смертной казни. Освобожден Ф. Дзержинским по настоянию наркоминдела Г. Чичерина. (Дата освобождения в «Польском биографическом словаре» не указана, говорится только о 1918 г.) В этом же году вернулся в Польшу, служил, был видным общественным деятелем, прожил еще пятьдесят лет и умер в девяносто три года в Кракове в 1968 г.⁷

Первым опубликованным произведением Пусловского, согласно цитируемому словарю, была поэма о люб-

ви (1899); в 1909 г. выходит его книга “Castrum Doloris”, в 1910-м – “Wigilia” и “Carmen Saeculare, Dożynki w Czarkowach” («дожинки» – праздник урожая). В Москве, в период высылки Пусловского, вышел “Śpiewnik Bogorodzki” (1916) – сборник, составленный из стихотворений нескольких поэтов (“śpiewnik” – песенник); в книгу были включены стихи Пусловского, и он написал предисловие к ней. (Сборник был переиздан в Польше.) На протяжении своей долгой жизни Пусловский много переводил – с французского, английского, немецкого, русского и других языков. В 1961 г. в Париже был опубликован сборник с его оригинальными стихами и переводами.

Мы находим еще одно подтверждение тому, что Пусловский был заключен в революционной Москве под стражу, в газете «Заря России» (бывшее «Утро России»), в номере от 29 июня 1918 г.: «Арестованный в гостинице “Элит” австрийский подданный граф Ксаверий Пусловский, известный польский писатель, уже более двух недель находится в заключении в Бутырской тюрьме. Никакого обвинения ему не предъявлено»⁸.

Почему арестовали Пусловского? В чем его обвиняли? Был ли он действительно приговорен к расстрелу? По какой причине о нем хлопотал Чичерин? Это остается неясным. Вполне вероятно, что Пусловский мог подозреваться в шпионаже: польский шляхтич и «австрияк» был, очевидно, подозрительной фигурой. Не случайно, видимо, Блюмкин, в пересказе Дзержинского, говорил: «Вот у меня (курсив мой. – Л. В.) сидит гражданин Пусловский...»: ведь занимался Блюмкин организацией контрразведки. Очень интересно и следующее обстоятельство: Пусловский, по газетному свидетельству, был арестован в гостинице «Элит»; но именно в этой гостинице проживали незадолго до убийства германского посла Я. Блюмкин и Н. Андреев (согласно показаниям арестованного в связи с левозэсеровским выступлением Петра Зайцева). Более того, П. Зайцев сообщает о том, что встретил у этой гостиницы, за несколько дней до покушения, Мандельштама в компании Блюмкина и анархиста Юрия Дубмана, причем именно Блюмкин

познакомил Зайцева с поэтом. «Мне его представил Блюмкин поэтом Мандельштамом. <...> Завязался общий разговор. Между прочим Блюмкин отозвал в сторону анархиста Юрия и стал ему что-то говорить. Я расслышал только следующие слова: “Мандельштам может проболтаться – он дурак, скажи ему...”». «Никакого комментария к сказанному Зайцев, увы, не сделал», – сообщает публикатор показаний Зайцева, автор статьи о Блюмкине и Мандельштаме Я. Леонтьев⁹. По всей вероятности, эта встреча произошла еще до столкновения поэта и чекиста. (Гостиница «Элит» находилась в Петровских линиях; при ней, между прочим, также существовало литературное кафе.)

Жил ли тогда Пусловский в гостинице «Элит»? А если жил, не мог ли случиться в гостинице между Блюмкиным и польским графом австрийского подданства инцидент, приведший к аресту последнего?

Очевидно, личность Пусловского заслуживает дополнительного изучения.

Вполне вероятно, таким образом, что вмешательство Мандельштама могло сыграть свою роль в деле Пусловского и способствовать его освобождению. Узнал ли польский поэт, что, когда ему грозил возможный расстрел, о нем хлопотал некий поэт Мандельштам? Вряд ли; впрочем, нельзя исключить, что ему об этом и было сообщено (тем же Дзержинским, например). Не найдется ли в архиве Пусловского (если таковой имеется) какое-либо упоминание о Мандельштаме?

О прототипе известного стихотворения Осипа Мандельштама «Жил Александр Герцович...» (1931) известно немного. Александр Герцевич Беккерман был врачом и любителем музыки, проживал в той же коммунальной квартире 3 дома № 10 в московском Старосадском переулке, где жил брат поэта Александр Эмильевич Мандельштам. Комнаты Беккермана и А.Э. Мандельштама соседствовали; таким образом, бывая и живя в комнате брата, Осип Мандельштам мог неоднократно слышать музыку в исполнении Беккермана. Основные сведения о Беккермане содержатся в воспоминаниях Р.Л. Сегал: «Среди

многочисленных жильцов нашей квартиры было два брата, оба – музыканты: Григорий и Саша Беккерманы. Саша был старшим, он не стал профессиональным музыкантом потом, хотя, по-моему, играл лучше младшего. Он стал врачом-гинекологом, работал в платной клинике. <...> У них была небольшая комната, почти всю ее занимал колоссальный рояль. Я очень любила сидеть на маленькой скамейке и слушать, как Саша играет Шопена, Шуберта, Листа...»¹⁰

В качестве врача Беккерман упомянут в справочнике «Вся Москва» с указанием телефона и места его работы: «Беккерман Ал-др Герц., врач-урол., Старосадский п., д. 10, кв. 3. т. 4-80-76 (Клин. 2-го МГУ)»¹¹. По свидетельству С.И. Липкина, в стихотворении «Жил Александр Герцович...» была еще одна строфа, которую О. М. исключил: «Он музыку приперчивал, / Как жаркое харчо, / Ах, Александр Герцович, / Чего же вам еще?» «Между тем, – замечает С. Липкин, – строфа говорит о характерной подробности быта. Музыканты из консерватории направлялись по короткому Газетному переулку до Тверской, в ресторан “Арагви”, помещавшийся тогда не там, где теперь, а в доме, отодвинутом во двор новопостроенного здания, брали одно лишь харчо, на второе блюдо денег им не хватало, но жаркое, острое харчо им наливали щедро, полную тарелку...»¹²

(Исключенная строфа не связана напрямую с Б., она имела отношение в первую очередь к его брату-музыканту Григорию. Видимо, это могло послужить одной из причин ее удаления.)

Вот практически и все, что было известно о враче-музыканте до недавнего времени.

Нам удалось найти некоторые данные, которые расширяют объем знаний об этом человеке.

Как указано в процитированном выше справочнике «Вся Москва» на 1929 г., А. Беккерман работал в клинике 2-го МГУ. Второй Московский государственный университет существовал с 1918 по 1930 г. С октября 1927 г. по 10 апреля 1930 г. А.Г. Беккерман был сверхштатным ординатором университетской урологической клиники.

К октябрю 1927 г., ко времени поступления в ординатуру, он имел полуторагодовой стаж работы в качестве врача. В апреле 1930 г. из 2-го Московского государственного университета был выделен медицинский факультет и преобразован во 2-й Московский государственный медицинский институт. 10 апреля 1930 г., за 8 дней до реорганизации 2-го МГУ, А.Г. Беккерман закончил ординатуру. Но в Москве существовал с 1930 г. и 1-й Московский медицинский институт. Именно там, в урологической клинике 1-го ММИ, и работал А.Г. Беккерман во второй половине 1930-х гг., когда его статьи публиковались в журнале «Урология»: в 1937 г., в томе 14, № 2 – «Цистография как объективный симптом энуреза» (с. 55–57); в 1938 г., в томе 15 журнала, в № 2 – «Уросфинктеродинамометрия при энурезе» (с. 46–49); в 1939 г., в томе 16, № 4 – «Патогенез и объективная диагностика ночного недержания мочи» (с. 69–71). Последняя работа имеет подзаголовок «Выводы из диссертации на степень кандидата медицинских наук». Директором урологической клиники, в которой работал А.Г. Беккерман, был профессор, заслуженный деятель науки Р.М. Фронштейн. Он же был в то время ответственным редактором журнала «Урология». [В настоящее время урологическая клиника Первого московского государственного медицинского университета (МГМУ) им. И.М. Сеченова – университет создан на базе 1-го Московского медицинского института – носит имя Р.М. Фронштейна.]

А.Г. Беккерман принимал участие в работе Московского общества урологов. В «Отчете о деятельности общества урологов в Москве за 1936 и 1937 гг.», помещенном в томе 15 (№ 2) журнала «Урология» (с. 107–110), его имя встречается 4 раза: три раза он демонстрировал больных, а в 1937 г. сделал доклад «Уросфинктеродинамометрия при энурезе» (как указано выше, его работа на эту тему была опубликована в следующем, 1938-м году).

А 2-й Московский медицинский институт получил в 1946 г. имя Сталина; затем, в 1957-м, стал именоваться 2-й Московский государственный медицинский институт им. Н.И. Пирогова.

Ныне это Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова (РНИМУ).

В архиве РНИМУ сохранилась учетная карточка учившегося когда-то сверхштатно в ординатуре 2-го МГУ А.Г. Беккермана¹³. Согласно архивным данным, А.Г. Беккерман родился 17 декабря 1903 г. Таким образом, ко времени написания Мандельштамом стихотворения «Жил Александр Герцович» (27 марта 1931) А.Г. Беккерману шел 28-й год. Поэт был старше врача-музыканта примерно на 12 лет.

11 февраля 1959 г. А.Г. Беккерман получил в архиве 2-го Московского государственного медицинского института им. Н.И. Пирогова справку, подтверждавшую, что он в 1927–1930 гг. учился в ординатуре урологической клиники (в справке указано, что это была клиника «2 МГМИ», что неточно, поскольку, как выше было сказано, медицинский факультет был выделен из 2-го МГУ только в 1930 г.). Справка была дана для предоставления в Собес, в архиве осталась копия.

Итак, мы можем установить с определенной степенью точности даты жизни А.Г. Беккермана: 17.12.1903 – не ранее 11.02.1959.

В первой главе мандельштамовского «Путешествия в Армению» (1931–1932), главе «Севан», назван, среди прочих обитателей «Севанского острова», врач Герцберг: «Доктор Герцберг откровенно скучал на острове армянских матерей. Он казался мне бледной тенью ибсеновской проблемы или актером МХАТа на даче.

Дети показывали ему свои узкие язычки, высовывая их на секунду ломтиками медвежьего мяса...»¹⁴.

В тексте «Путешествия в Армению» в не менее авторитетном издании, подготовленном А.А. Морозовым и С.В. Василенко, первое из процитированных предложений звучит несколько иначе: «Доктор Герцберг откровенно скучал на острове армянских *матерей* (курсив мой. – Л. В.)»¹⁵. Никак не претендуя на определение того, как текстологически «правильно», заметим, что вариант с «матерями» выглядит по крайней мере вполне логично: Мандельштам

пишет в этой же главе о том, что «не менее семидесяти процентов населения острова составляли дети», рассказывает об их проделках и описывает заболевших детей так: «Один за другим жестковолосые драчливые дети никли в спелом жару на руки женщин, как подушки»¹⁶.

В записных книжках к «Путешествию в Армению» мы узнаем, что упомянутый медик – из Москвы: «Доктор Герцберг – москвич, мнительный неврастеник, один из лучших интеллигентов москвошвейной эпохи, каких мне приходилось встречать»¹⁷.

Есть основания полагать, что Мандельштам описывает (с симпатией, хотя и не без иронии) доктора, которого мы встречаем на страницах справочников «Вся Москва». Так, во «Всей Москве» на 1927 г. встречается врач «Герцберг Рахмиэль Харит»¹⁸. Указаны его адрес («Гороховская, 20, пом. 2»; может быть, это опечатка в справочнике и должно было быть «ком. 2»?) и профессиональная деятельность: «Дом отд. им. Свердлова и Объедин. Моск. Санат.». В разделе II этого же справочника обнаруживаются и дополнительные сведения о месте второй службы Герцберга. В «Объединение Моск. Санаторий (ОМС)» входил ряд перечисленных в справочнике оздоровительных заведений в Подмоскovie. В рамках объединения имелись секции; интересующий нас врач был помощником заведующего секции домов отдыха¹⁹.

Присутствует тот же «Герцберг Рахмиэль Харит., врач» и во «Всей Москве» на 1928 г. – правда, почему-то без указания места работы.

Отметим, что никакого другого врача Герцберга в справочниках «Вся Москва» на 1927–1930 гг. нет (а Мандельштам называет доктора «москвичом»). Есть упоминание о врачах Герценбергах: в справочнике на 1929 г. имеются данные о патологоанатоме Герценберг Елене Яковлевне; обнаруживается и хирург «Герценберг Роб. Лаз.», работавший в «Центр. показ. зубн. амбул.», причем домашний адрес и телефон у хирурга Герценберга был такой же, как у Елены Яковлевны. Встречаются в справочниках и Герцберги, но не врачи.

Материалы фонда Р.Х. Герцберга в архиве Российской академии наук позволяют изложить его биографию. Он родился в 1892 г. в Одессе, изучал медицину в Германии (Мюнхен), участвовал в качестве врача в Первой мировой войне (в армии России), затем, во время Гражданской войны, был врачом в Красной армии. В 1923–1928 гг. руководил опытно-показательным домом отдыха «Банза», потом работал в Институте невропсихиатрической профилактики и в психиатрических больницах. С 1941 по 1944 г. служил в специализированных госпиталях. Стал до войны кандидатом, а в 1949 г. доктором медицинских наук; в этом же году был уволен из Института психиатрии Академии наук СССР во время кампании по борьбе с «космополитами». Вышел на пенсию, но продолжал научную и консультативную работу. Умер в 1968 г.²⁰

Как известно, «в бывших монастырских помещениях на острове (на озере Севан. – Л. В.) был устроен профсоюзный дом отдыха...»²¹. Так что пребывание там доктора Герцберга соответствовало, во всяком случае, его профессиональному статусу (недавнему).

Вышеприведенные данные представляют, так или иначе, определенный интерес. Но личность этого человека за ними не просматривается.

«Дом отдыха им. Свердлова», где работал доктор Р.Х. Герцберг, находился у станции Долгопрудная, по Савеловской дороге, в селе Виноградово. (Другое название дома отдыха – «Банза», по фамилии дореволюционной владелицы имения.) В недавно опубликованных Н.А. Громовой дневниках Ольги Бессарабовой создан выразительный портрет этого попавшего на страницы «Путешествия в Армению» врача. О.А. Бессарабова – сестра Бориса Бессарабова, чей образ отразился в поэме М.И. Цветаевой «Егорушка». В 1923 г. она поступила на работу в санаторий «Долгие пруды» (в ее дневнике указан и адрес: Савеловская ж<елезная> д<орога>. Станция Хлебниково. Санаторий «Долгие пруды»)²². Костно-туберкулезный санаторий помещался в той же самой усадьбе Виноградово, где располагался упомянутый в справоч-

нике «Вся Москва» на 1927 г. в связи с Р.Х. Герцбергом «дом отдыха им. Свердлова».

Каким виделся доктор Герцберг Ольге Бессарабовой?

«Как только сошла я с лесенки вагона на весеннюю солнечную и грязную платформу, подошел ко мне доктор Герцберг (из Дома отдыха). Дорога в санаторий через лес. Европейски образованный человек, живой и интереснейший собеседник. <...> Красива и умна его голова, чудесный голос, стремительная походка»²³. Написав о низком культурном уровне и унылой жизни медицинского персонала («Так и в санатории, так и в Доме отдыха»), автор дневника возвращается к описанию Герцберга: «Доктор Поленский (наш) и доктор Герцберг (в Доме отдыха) совсем другого полета, но они недостижимо далеки от сотрудников. Доктор Герцберг, как стрела, залетевшая в болото Долгих Прудов. Огненная, а по сплетням о нем, отравленная. Но на это не похоже. Просто он неизмеримо другого, более высокого уровня человек. И ему, вероятно, трудно здесь. Если и не трудно, то вряд ли приятно. Несколько интригует седина этого молодого человека. Весь он – воплощенная “эвритмия” (наука о жесте, движении) Андрея Белого. Глуховатый, очень красивый голос, великолепной лепки голова, лицо, руки. Очень умен. В нем есть стремительность прямой линии. Я хотела бы знать, кто и что он за человек, но от него самого, а не от лягушек в болоте, куда залетела эта стрела. “Стрела в ночи” – почему-то хочется сказать»²⁴.

Ольга Бессарабова была, несомненно, увлечена доктором. 26 января 1925 г. она суммирует свои впечатления от этого человека, причем нумеруя их (цитируем избранные пункты): «Мне больно. И отвести внимание от этой боли может и тень чужого человека – в конце коридора. Даже в халате я узнала стройный силуэт с серебряным коstrom на голове – как у Качалова в роли Набоба (Гамсуна) – брата доктора Рахмиэля из Долгих Прудов. Что же вспомнится об этой стреле в ночи?

<...>

2) лекция его в Доме отдыха. Голос, тонкое, живое, одухотворенное лицо, красота, легкий, четкий ритм движе-

ний. Только у Андрея Белого я видела такую связь движений с мыслью и словом.

<...>

5) после полуторачасовой скучной мочалы лектора о строительстве нового быта в Доме отдыха в 10 минут сказал все, что было нужно. Умно, блестяще по простоте и полноте.

6) Первый разговор в вагоне о Доме отдыха. Он сказал мне свое настоящее имя – Рахмиэль. А я не знала и как его зовут все – Михаилом Осиповичем.

<...>

9) Дорога из Москвы в Долгие Пруды – в вагоне – поздно вечером. О его работе, о нем, о коммунизме, о католическом монастыре, обо мне.

<...>

Он, как стрела, залетевшая в болото Долгих Прудов, стрела в ночи. “Сложная кривая” его прямой. Стрела, летящая мимо»²⁵.

И, наконец, запись от 10 июля 1925 г.: «Затихла вся, тосковала о чужестранце Рахмиэле»²⁶.

Сопоставим то, что мы узнаем из дневника О. Бесарабовой, с мандельштамовским текстом. «Ибсеновская проблема» – очевидно, речь идет о конфликте одинокой яркой личности и косной среды; доктор видится поэту стоящим особняком в «москвошвейной эпохе». В этом противостоянии (романтический индивидуализм сильной личности) Мандельштам, возможно, видел и нечто старомодное. В письме В.В. Гиппиусу от 14 (27) апреля 1908 г. семнадцатилетний Мандельштам заявляет: «Я прошел 15<-ти> лет через очистительный огонь Ибсена – и хотя не удержался на “религии воли”, но стал окончательно на почву религиозного индивидуализма и антиобщественности»²⁷. Но в «Шуме времени» (1923–1924) Мандельштам характеризует (говоря о театре Комиссаржевской, в которой «нашел свое выражение протестантский дух русской интеллигенции») пьесы Ибсена иначе, не без усмешки: «Из маленькой Норвегии пришла к нам эта комнатная драма. Фотографы. Приват-доценты. Ассессоры. Смешная

трагедия потерянной рукописи. Аптекарю из Христиании удалось сманить грозу в профессорский курятник и поднять до высот трагедии зловеще-вежливые препирательства Гедды и Брака»²⁸. А красивый голос и выверенность жестов московского доктора могли вызвать ироническое замечание об «актере МХАТа на даче» (МХАТ, как известно, Мандельштам недолюбливал). Интересно, что и О. Бессарабова увидела в притягивавшем ее враче нечто «мхатовское» – он ей напоминает Качалова в роли героя пьесы Гамсуна «У жизни в лапах» (поставлена в 1911 г.). Не забудем, что играл Василий Качалов и ибсеновского Бранда. Премьера «Бранда» в МХТ состоялась в конце 1906 г.; выпущена была и открытка с портретом Качалова в этой роли. (В конце XIX – начале XX в. в МХТ был поставлен целый ряд пьес Г. Ибсена: «Гедда Габлер», «Доктор Штокман», «Дикая утка», «Привидения» и др.)

В архивном фонде Р.Х. Герцберга имеется и несколько его фотографий. К сожалению, снимков конца 1920 – начала 1930-х гг. (Мандельштам был на Севане летом 1930 г.) в фонде нет. Однако есть фотографии, сделанные во время Великой Отечественной войны и более поздние. На них запечатлен седой человек с выразительным, обращающим на себя внимание лицом. Действительно, во внешности врача есть нечто «актерское».

Позволим себе также высказать одно предположение. Лицо у доктора Герцберга на упомянутых выше фотографиях бритое: ни усов, ни бороды. Возможно, такой была его внешность и тогда, когда его видел Мандельштам. Если это так, еще и поэтому доктор в доме отдыха мог напомнить «актера... на даче»: артисты обычно не носили усов и бород, что не могло не выделять их в то время, когда очень распространенной чертой мужской внешности было наличие усов или бороды, или того и другого вместе (не забудем и бакенбарды): выражение «бритое актерское лицо» было распространенной характеристикой. См. примеры на эту тему в комментариях Ю.К. Щеглова к романам Ильфа и Петрова. Среди цитат, приведенных в книге Щеглова, одна обладает подозрительным сходством с ман-

дельштамовской фразой: «Парижский доктор Латонн, без бороды и усов, напоминал актера на отдыхе» (из романа Мопассана «Монт-Ориоль»)²⁹. Ю. Щеглов приводит фразу из романа Мопассана в таком переводе; на самом деле предложения из «Монт-Ориоля» и «Путешествия в Армению» еще более близки. Парижский доктор “ressemblait à un acteur en villégiature”. “Villégiature” – жизнь на даче, на курорте; дача, курорт; дачная, курортная жизнь; “être en villégiature” – быть на даче, на курорте.

Дневник Ольги Бессарабовой и архивные материалы позволяют нам кое-что понять в загадочной характеристике доктора Герцберга, которую Мандельштам оставил в «Путешествии в Армению»³⁰.

¹ Автор хотел бы с понятным удовлетворением отметить то обстоятельство, что его статья помещена в сборнике, публикуемом по итогам Шестых Мандельштамовских чтений в Варшаве: первая часть предлагаемой вниманию читателей работы имеет прямое отношение к теме «Осип Мандельштам и Польша».

² Леонтьев Я.В. Человек, застреливший императорского посла: К истории взаимоотношений Блюмкина и Мандельштама // «Сохрани мою речь...». Записки Мандельштамовского общества. Вып. 4. Полутом 2. М., 2008. С. 136.

³ Я. Блюмкин.

⁴ В.А. Александрович входил в коллегия ВЧК от партии левых эсеров.

⁵ От ЦК левых эсеров.

⁶ Красная книга ВЧК: В 2 т. 2-е изд. М., 1989. Т. 1. С. 257.

⁷ Polski Siownik Biograficzny. T. XXIX/2. Zeszyt 121. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdansk; Jydu, 1986. С. 418–421.

⁸ Заря России. 1918. № 54. 29 (16) июня. Заметка «Аресты». О том, что ему вроде бы встречалось имя некоего Пусловского на страницах «Утра России», автору статьи сообщил Д.И. Зубарев.

⁹ Леонтьев Я.В. Указ. соч. С. 135.

- ¹⁰ *Сегал Р.Л.* Из воспоминаний // «Сохрани мою речь...»: Сб. Мандельштамовского общества. М., 1993. № 2. С. 27–28.
- ¹¹ «Вся Москва» на 1929 г. Раздел «Алфавитный указатель лиц, упомянутых в справочнике». С. 225.
- ¹² *Липкин С.И.* Угль, пылающий огнем // Липкин С.И. Квадрига. М., 1997. С. 393–394.
- ¹³ Личные карточки сотрудников периода 1929–1948 гг., карточка № 458.
- ¹⁴ *Мандельштам О.Э.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 308.
- ¹⁵ *Мандельштам О.Э.* Шум времени. М., 2002. С. 180.
- ¹⁶ *Мандельштам О.Э.* Собр. соч. Т. 2. С. 306, 309.
- ¹⁷ Там же. С. 393.
- ¹⁸ Раздел «Адреса лиц, упомянутых в Справочнике». С. 284.
- ¹⁹ См.: «Вся Москва» на 1927 год. Раздел II. С. 109.
- ²⁰ См.: Архив РАН. Ф. 1586.
- ²¹ *Морозов А.А.* Примечания // Мандельштам О.Э. Шум времени. С. 288.
- ²² См.: Марина Цветаева – Борис Бессарабов. Хроника 1921 года в документах. Дневники Ольги Бессарабовой. 1916–1925 / Вступ. ст., подгот. текста, сост. Н.А. Громовой; Коммент. Н.А. Громовой, Г.П. Мельник, В.И. Холкина. М., 2010. С. 541.
- ²³ Там же. Запись в дневнике от 1 апреля 1924 года. С. 615–616.
- ²⁴ Там же. С. 616–617.
- ²⁵ Там же. С. 626–627.
- ²⁶ Там же. С. 638.
- ²⁷ *Мандельштам О.Э.* Собр. соч. М., 1997. Т. 4. С. 12.
- ²⁸ *Мандельштам О.Э.* Собр. соч. Т. 2. С. 385–386.
- ²⁹ *Щеглов Ю.К.* Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. СПб., 2009. С. 126–127.
- ³⁰ Автор статьи выражает благодарность Н.А. Громовой и Г.П. Мельник за помощь в уточнении некоторых подробностей, имеющих отношение к Р.Х. Герцбергу.

Леонид Кацис

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ
В «ВЕЧЕРНЕЙ КРАСНОЙ ГАЗЕТЕ»
1925–1929 гг.: ОТ ЕВРЕЙСКОГО ТЕАТРА
ДО АНОНИМНЫХ АННОТАЦИЙ

В биографии Осипа Мандельштама есть период, который, с одной стороны, представляется замечательно документированным многочисленными письмами поэта к Н.Я. Мандельштам, некоторым количеством внутренних издательских рецензий и т. п., а с другой – этот временной промежуток практически не откомментирован. Достаточно обратить внимание на комментарий к переписке О. М. и Н.Я. Мандельштам в четырехтомном «Собрании сочинений» и в вышедшем через 15 лет так называемом «Полном собрании сочинений» Мандельштама в трех томах под редакцией А. Меца¹, чтобы увидеть, что никаких существенных подвижек в этом вопросе не произошло². Более того, в трехтомнике комментарии к издательским аннотациям О. Мандельштама даются практически по первопубликациям 1988 и 1991 гг.³

Между тем это период активной работы поэта в «Красной газете»⁴, выходившей в Ленинграде, где Мандельштам тогда жил. В этой газете появились очень значимые и известные тексты: «Киев», «Березиль», «Московский еврейский театр», «Жак родился и умер». Именно на страницах КГВ зародился грандиозный «уленшпигелевский» скандал, который привел к созданию «Четвертой прозы».

Разумеется, можно сказать, что эти статьи и очерки, рецензии и споры о качестве художественного перевода,

многочисленные переводы разного рода иностранной литературы, внутрииздательская деятельность Мандельштама, его часто служебные предисловия к книгам и т. п. уступают по важности стихам или «Разговору о Данте». Однако в случае Мандельштама именно период 1925–1929 гг. дает возможность увидеть место и роль собственно биографических обстоятельств в становлении поздних стихов 1931 г. и последующих за «Четвертой прозой» 1929 г. текстов.

Наконец, даже просто общефилологическая задача воссоздания «Трудов и дней» поэта и простого комментирования его переписки заставляет отнести к периоду 1925–1929 гг. с максимальным вниманием.

В настоящей работе центром рассмотрения окажется вечерний выпуск «Красной газеты» и потому, что в ней находится целый ряд известных подписанных текстов поэта, и потому, что многие факты его жизни и деятельности, отраженные в письмах этого периода, касаются КГВ, и потому, как мы попытаемся показать, что в этой газете публиковались упоминавшиеся в письмах аннотации на книги современных зарубежных писателей, и потому, что исследователями были пропущены важнейшие тексты, касающиеся Мандельштама и опубликованные на этих же страницах.

И еще одна деталь. Многие сюжеты КГВ перекрестно или параллельно рассматривались и на страницах известного ленинградского журнала «Жизнь искусства» и его еженедельных приложений – театральных программ, где, однако, встречаются и вполне значимые для нас тексты.

Наконец, известные тексты Мандельштама из КГВ, за единственным исключением «Жак родился и умер», касаются очень непродолжительной поездки поэта в Киев в конце весны 1926 г. Четыре текста «Киев» 1 и 2, «Березиль» и очерк о Московском государственном еврейском театре плотно связаны между собой, являя части ненаписанной, по свидетельству Н.Я. Мандельштам в переписке с Л. Гинзбург, книги о Киеве.

И здесь надежным подспорьем в понимании всей важности ленинградских газетных выступлений О. Мандельштама оказывается небольшой киевский журнал «Театр. Музыка. Кино», в котором мы встретим не только имя Мандельштама в библиографических списках, цитаты из его стихов и т. д., но и статьи Х. Токаря, который жестко полемизировал именно с КГВ и ее важным театральным рецензентом А. Кугелем. Кугель был противником режиссера Московского государственного еврейского театра А. Грановского, за которого, судя по письму О. Мандельштама к Н.Я. Мандельштам, вступался поэт.

В свою очередь, эта история была рассказана Осипом Мандельштамом в том же самом письме к жене в связи с попыткой привлечь поэта к защите брата Е.Э. Мандельштама и Ленинградского отделения Московского общества драматических писателей и композиторов (МОДПиК), членом которого был и О. Мандельштам.

Но и это, оказывается, не все. Главной проблемой МОДПиКа, равно как и соперничавшего с ним Драмсоюза под руководством, в числе прочего, А. Кугеля, была проблема тотального плагиата уже в советское время членов обеих институций с хорошей дореволюционной историей.

Нетрудно видеть, что целый ряд проблем, которые до нас так или иначе рассматривались исследователями в отдельности (не говоря уже о тех, которые были пропущены нашими предшественниками), образуют плотный и единый поток жизни и деятельности Осипа Мандельштама. Поэтому единственным кажущимся нам разумным путем первичного представления всех этих материалов является их хронологическое описание. При этом каждый материал будет кратко охарактеризован, ибо ряд атрибуций потребует специального исследования, это же касается и аналитической работы с критическими статьями о поэте, которые прошли мимо внимания ученых. Однако только с их учетом (а среди них есть и такие, где имя поэта не называется открыто) может быть восстановлен реальный литературно-политический контекст 1925–1929 гг., связанный с Мандельштамом.

Таким образом, в настоящей работе сплошное чтение КГВ за 1925–1929 гг. сопровождается «подсветкой» из киевского и ленинградского театральных журналов. Это создает соответствующую аналитическую оптику, не всегда привычную в традиционном литературоведении. Хотя в качестве предшественника здесь нельзя не упомянуть монографию Л. Флейшмана «Пастернак в 1930-е годы» (1984) или ее дополненное издание «Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов» (2005), где советская пресса была прочитана на фоне «Социалистического вестника» или «Бюллетеня оппозиции большевиков-ленинцев». Наша работа пока не охватывает столь широкий круг источников, однако воспринимает имеющийся методологический опыт.

В идеале, разумеется, к нашему контексту должны быть подключены одесские и харьковские органы печати этого же времени и соответствующие повременные издания Москвы и Ленинграда, некоторые из которых мы здесь ниже упомянем. Но это дело будущего.

Однако при всей непривычности внешней формы предлагаемого исследования полученные результаты, как кажется, должны оправдать понятные трудности восприятия представляемого материала.

Есть и еще одно обстоятельство, которое обычно не учитывается исследователями из-за традиционного недоверия к Г. Иванову. Речь на сей раз идет не о «Петербургских зимах», которые в последнее время несколько поправили свой имидж, а о рецензии Г. Иванова на первый (1955) однотомник О. Мандельштама, подготовленный Г. Струве и Б. Филипповым. Эта резко критическая статья широко известна рассказом о мифической дочери Мандельштама «Липочке», но для нас она интересна совсем другим. Это редкий случай относительно подробного описания и оценки именно деятельности Мандельштама в советское время (1923–1929), появившийся еще до создания классических книг Н.Я. Мандельштам и других основополагающих мемуаров и монографий, где, однако, этому эпизоду уделялось не слишком много внимания.

Поэтому мы считаем необходимым привести здесь несколько абзацев этой статьи, которые, как нам кажется, дают достаточно адекватное представление как раз о той стороне жизни и деятельности Мандельштама, которой посвящена эта работа⁵.

Г. Иванов писал: «После окончания гражданской войны картина меняется. За пять лет (1923–1928) Мандельштамом было издано и переиздано десять книг стихов и прозы. К этому надо прибавить восемь книг переводов, ряд книг, вышедших под его редакцией, длинный список журналов и газет, печатавших Мандельштама. <...> В нашу последнюю встречу осенью 1922 года в Москве я лично наблюдал, как вырос престиж Мандельштама. С одной стороны, тот же Брюсов теперь льстиво ухаживал за “Осипом Эмильевичем”. С другой – писательская молодежь ловила каждое его слово и стремилась учиться у него. <...> Показательна в этом отношении приводимая Г. Струве справка об обвинении Мандельштама в каком-то “плагиате”. Его протест поместила “сама” “Литературная газета”. Вступились за него “одиннадцать видных писателей”, в их числе даже рапповцы – Фадеев и Авербах».

В дальнейшем мы увидим, что при всей малой осведомленности Г. Иванова в истории с «Уленшпигелем», при незнании с «Четвертой прозой», не говоря уже о переписке с писательскими организациями и Н.Я. Мандельштам по этому поводу, а может быть именно благодаря этому, Г. Иванов увидел ту черточку всей этой истории, на которую исследователи и мемуаристы особого внимания не обращали.

Цитируем далее: «Начиная с 1922 года и в течение последующих лет Мандельштам занимал на московском “Олимпе” одно из центральных мест, почетных в лучшем смысле этого слова. Конечно, он не мог конкурировать с официальными любимцами вроде Маяковского. Зато его имя ставилось как равное рядом с Пастернаком и Хлебниковым. Сопоставляли такие имена и ценили их люди, как-никак составлявшие *fine fleur* тогдашнего передового искусства. И это был, надо признать, относительно очень

высокий уровень. По сравнению с только что насильственно оборвавшимся “серебряным веком” он, конечно, был довольно низким. Но если учесть то, что, начавшись после НЭПа, продолжается по сей день, – это были просто Афины».

Наша работа будет касаться именно этого периода, который, как мы видим, участник событий и изнутри и потом уже со слов приезжавших из СССР коллег представлял себе именно так, как представлял. Наша же задача состоит в том, чтобы понять, какая доля истины содержится в этих свидетельствах. Хотя сейчас нас будут интересовать события лишь последних четырех лет, из описанных мемуаристом, 1925–1929 гг.

Первые сведения о своей деятельности как рецензента О. Мандельштам сообщил жене в письме от 2 февраля 1926 г.

О.Э. Мандельштам к Н.Я. Мандельштам 02.02.1926 г.: «Вот, Надик, дела: Ленгиз – разворошенный муравейник. Тенденция – не то сжать, не то уничтожить. <...> Рецензии еще есть, но книги посылаются на утверждение в Москву. Первая партия уже послана. <...> Получил 3 книги на рецензию. <...> В “Прибое” все абсолютно спокойно. Они переписывают, я правлю. Обещают не задерживать».

Тон этого письма свидетельствует о том, что подобная работа была для поэта обычной формой заработка. Поэтому сведения из данного письма необходимо включить в общий поток аналогичной работы О. Мандельштама.

К этому времени О. Мандельштам написал в середине 1924 г. предисловие к книге А. Эрмана «Скипетр», хотя книга вышла в 1925 г.; в октябре–ноябре 1924 г. из известных нам рецензий и предисловий имеются следующие: «Тудиш» Л. Сент-Огана (книга с предисловием О. Мандельштама вышла в апреле (?) 1925 г.); «Призраки на болоте» К.Г. Штробля (рец.) и рецензия на ту же книгу, написанная на бланке политического редактора; в начале 1925 г. в ГИЗе вышла в свет книга Ж. Ромена «Кромдейр-старый» в переводе и с предисловием О. Мандельштама. Судя по всему, с учетом сроков подготовки книги к изданию текст

должен был быть написан не позже ноября 1925 г. Тогда же появилась в ГИЗе и книга Ж. Ромена «Обормоты» с предисловием О. Мандельштама. То же издательство выпустило книгу переводов Мандельштама из М. Бартеля «Завоеюем мир», а 18 июля 1925 г. в журнале «Ленинград» под псевдонимом Колобов была опубликована рецензия на «Кулисы французской печати». При этом сама книга, уже с предисловием К. Радека, вышла в свет в «Ленгизе» в марте 1926 г. Наконец, самым ранним из следующих известных нам рецензий, предисловий либо внутренних рецензий О. Мандельштама оказывается анонимное (и атрибутированное поэту Д. Сегалом) предисловие к книге Б. Лекаша «Радан Великолепный», вышедшей с датой 1927 г., но в реальности в самом конце 1926 г.⁶

Кроме того, известно довольно большое количество внутренних рецензий, датированных 1926–1927 гг., чаще всего по времени выхода в свет книг в подлиннике или уже в СССР в переводе. В этом списке есть и «Ленотгиз», и «Прибой» и т. д.

Таким образом, можно считать установленным, что в 1924–1927 гг. О. Мандельштам активнейшим образом участвовал в редакционно-издательской деятельности, которая, однако, не слишком часто выходила на поверхность.

В открытке к отцу от 16.12.1925 г. О. Мандельштам писал, что «Госиздат на время или навсегда лопнул», 18 или 19 декабря он сообщал Э.В. Мандельштаму о том, что «целый месяц мы сидели забытые Госиздатом – без всяких получек, без твердой работы – и с предубеждением, что на будущее рассчитывать нельзя. Вчера получили телеграмму Горлина: ближайший месяц опять обеспечен. Спасибо Выготскому, удивительно внимательный человек на страже моих интересов». В письме к Н.Я. Мандельштам от 02.02.1926 г. поэт сообщал, что в «Прибое» все в порядке, а 03.02.1926 г. возможно заключение договоров с ГИЗом и «Сеятелем». Наконец, 05.02.1926 г. О. Мандельштам писал в Ялту жене: «Деда – ангел. Ходит для меня в “Прибой” и на почту. Рецензии есть, но денег за них не сразу выдают: они выписываются и накапливаются». А вот в письме от

07/08.02.1926 г. встречаются две интересующие нас темы: «Женя над ухом бубнит по телефону... МОДПИК цветет!», а далее – о работе с переводом Е.Я. Мандельштам, делах с Горлиным, окончании работы с «Прибоем» и о надеждах на будущее с ГИЗом. Так в письмах О. Мандельштама пересеклись две темы: издательская и МОДПНК.

Проблема же писания О. Мандельштамом внутренних рецензий на бланках политической редактуры может найти свое объяснение из, например, следующего письма поэта жене от 09–10.02.1926 г.:

О.Э. Мандельштам к Н.Я. Мандельштам 09–10.02.1926 г.: «Горлин поручил мне писать рецензии (на утверждение) для *Москвы*».

Как мы говорили в самом начале этой работы, мы не будем выделять в отдельные хронологические блоки те различные события, скандалы и происшествия, которые находят свое отражение в письмах О. Мандельштама, касающихся издательско-редакционных проблем. Более того, в большинстве случаев они вообще не комментируются в тех собраниях сочинений, где есть соответствующие разделы. Мы имеем в виду названные 4-томное собрание под редакцией П. Нерлера и 3-томник под редакцией А. Меца⁷. В дальнейшем изложении мы будем использовать весь наличный материал, дополняя его сведениями, которые можно почерпнуть из КГВ, «Жизни искусства» или киевского «Театра. Музыки. Кино». Мы не исключаем, что такого рода или иные сведения можно было бы обнаружить в других печатных источниках либо архивах, однако, на наш взгляд, представленный материал может дать направления такого поиска, что само по себе бесполезно. Кроме всего прочего, кажущиеся разнородными сведения и события могут, как мы попытаемся показать, не только оказывать серьезное влияние на конкретные события в жизни, творчестве или общественно-редакционной активности О. Мандельштама, но и влиять друг на друга, создавая репутацию поэта в литературно-политических кругах. Наконец, только такой комплексный подход даст возможность адекватно прокомментировать письма поэта, что ценно и само по себе.

Именно в рамках предложенного подхода мы отмечаем, что между письмами О. Мандельштама к жене от 10–12 и 18.02.1926 г. в печати все чаще стали появляться статьи о конкуренции двух организаций, занимавшихся сбором авторских вознаграждений. Так, в «Жизни искусства» за 15.02.1926 г. появляется статья «Долго ли еще?» о конкуренции ЛОДПиКа с МОДПиКом. В дальнейшем эта тема будет постоянно переплетаться и с дискуссией о качестве переводов с иностранных языков, в которой примет участие О. Мандельштам; а отражаться обе дискуссии будут в одних и тех же письмах поэта вперемежку.

Продолжаем следовать за мандельштамовскими взаимоотношениями с политредактурой. В следующем письме от 18.02.1926 г. О. Мандельштам пишет уже о встрече с реальным политическим редактором из Москвы.

О.Э. Мандельштам к Н. Я. Мандельштам 18.02.1926 г.: «Надик, у меня в Гизе хороший поворот. Приехал Вольфсон. Сначала положил резолюцию на договор, минуя Москву. Потом с Горлиным решил все-таки оформить в Москве (это займет 10 дней), а пока я получаю маленькую легкую книгу французскую о судах и судьях – 6 листов по 35 рублей».

А через 4 дня сообщает о работе над рецензиями для «Прибоя» с указанием гонорара.

О.Э. Мандельштам к Н.Я. Мандельштам 22.02.1926 г.: «Хочешь, малыш, о делах? Я заключил договорок с Горлиным на 4–4¹/₂ листа: 210 р. Страшно легко. Прибой выписывает 200 – остальные в марте. Рецензии дают – 30 р. в неделю. Книга стихов зарезана. Детский договор отвергнут. Не люблю Маршака! Большая книга в Гизе будет в начале марта. Как видишь, неплохо. Да еще забыл: взял курьезную редактуру в “Прибое”: по 15 р. лист – 6 листов».

За этим следует сообщение от 28.02.1926 г. о приводе в «Прибой» коллеги по переводческой галере Б. Лившица для знакомства с издателями.

О.Э. Мандельштам к Н.Я. Мандельштам 01.03.1926 г.: «Завтра поведу Бена знакомить в “Прибой»».

И тут же 05.03.1926 г. сообщение об общении с московским политредактором.

О.Э. Мандельштам к Н.Я. Мандельштам 05.03.1926 г.: «Подробности дел: в Гизе ломают голову, как дать мне работу. Вольфсон (политредактор из Москвы) на будущей неделе предлагает съездить с ним в Москву, извиняясь, что едет в жестком вагоне: “Мы для вас что-нибудь придумаем”. В “Прибое” и “Сеятеле” очень много шансов».

Нетрудно видеть, что одна небольшая рецензия для издательства равна по стоимости или гонорару переводу целого листа иностранного текста. Поэтому кажущиеся мелкими или неважными тексты рецензий и аннотаций на самом деле играли существенную роль в жизни поэта. Подробнее все это будет описано Мандельштамом в «Потоках халтуры» и переписке с И. Ионовым уже в 1928–1929 гг.

В следующем письме история с московским политредактором продолжается.

О.Э. Мандельштам к Н.Я. Мандельштам 11–12.03.1926 г.: «Прибой с конца апреля гарантирует постоянную работу, как раньше в Гизе. А Горлин советует мне съездить с Вольфсоном в Москву протолкнуть одну из книг. Это очень верное дело. <...> И Горлин, и Грюнберг вышлют мне книги и подпишут договор без меня. <...> Завтра утром я иду к Горлину инструктироваться для Москвы и условиться с моим спутником».

Однако, на наш взгляд, только официальными бумагами издательств дело не ограничилось. В вечернем выпуске «Красной газеты» 02.04.1926 г. появилась колонка «Новости иностранной литературы», где среди трех других имен мы встретили знакомое нам имя – Бернар Лекаш и упоминание его романа о семье Раданских. Понятно, что это и есть будущий «Радан Великолепный», который в переводе и с предисловием О. Мандельштама выйдет в самом конце 1926 г. Сам же французский роман с библейским названием «Яков», опубликованный во Франции в конце 1925 г., явно не мог появиться в СССР под таким заглавием. Однако автор газетной аннотации советского названия еще знать не мог. Между тем сравнение текста аннотации

с атрибутированным Осипу Мандельштаму предисловием к переведенному им же роману показывает, что это тексты одного и того же автора⁸.

Таким образом, возникает вопрос о том, не является ли вся колонка «Новинок зарубежной литературы» аннотациями одного и того же автора. Тем более что одной колонкой дело не ограничивается. Поэтому у нас возникает возможность сравнить аннотации к другим книгам из подобных колонок с предисловиями или рецензиями, подписанными Мандельштамом, а кроме того, сравнить аннотации на непереведенные книги тех авторов, которые нам известны из списка разного рода текстов Мандельштама.

Вот полный список первой известной нам колонки: Гаран Бердстэд, Бернар Лекаш, Л. Дюртен.

А уже в следующей колонке «Новинок иностранной литературы» КГВ 08.04.1926 г. мы находим имя Бланко Ибаньеса, которого Мандельштам и переводил, и упоминал в своих текстах: «Бласко Ибаньес; Л. Виндер; Макс Юбильхер».

Одновременно с этим к 15.04.1926 г. обостряется скандал между Драмсоюзом и МОДПиКом, в связи с чем в № 10 «Жизни искусства» от 15.04.1926 г. появляется «Письмо в редакцию» в ответ на скандал вокруг Драмсоюза и МОДПиКа, отраженный в номере от 08.03.1926 г.

Через неделю после этого в киевском «Театре. Музыке. Кино» за 20–27 апреля появляются материалы и о переезде «Березиля» в Харьков, и о том, что спектакли театра будут иметь место до 03.05.1926 г. А в следующем номере (27 апреля – 4 мая) сообщается о проводах «Березиля» в Харьков. Как известно, этот эпизод отразился в черновиках к очерку о Московском государственном еврейском театре, который вышел в свет в августе 1926 г. после очерков о Киеве и о театре Березиль. А сам Мандельштам писал в сохранившихся черновиках, что не успел к началу действия, однако встречу Курбаса и Михоэлса он описал. Не исключено, что просто по материалам указанного журнала. В упомянутом номере журнала сообщается и о скором начале гастролей Московского еврейского теа-

тра. При этом в письмах О. Мандельштама к жене разговор о поездке в Киев и встрече там идет вместе и попеременно с уже указанными темами. Так, в хронике жизни О. Мандельштама пересекаются уже три темы, связанные с КГВ: издательская и переводческая, проблемы МОДПиКа и судьба Е.Э. Мандельштама и, наконец, проблемы театра Грановского–Михоэлса⁹.

Впервые тема поездки Н.Я. Мандельштам в Киев возникает в письме в Ялту от 12.02.1926 г., где речь идет о том, чтобы отложить эту идею на месяц. В письме от 12.02.1926 г. выясняется, что доктор не против, но советовал бы отложить поездку до конца весны, рекомендуя провести это время года в Ялте. Таким образом, поездка в Киев сама собой отложилась на май, совпав с гастролями Московского государственного еврейского театра. И в этом же самом письме находим рассказ о Вольфсоне, политредакторе из Москвы: «В Ленгизе мне очень идут навстречу. Между прочим, для контроля над редсектором здесь назначен из Москвы Вольфсон, старый “дядя-одесит”, с которым у нас приязнь. Это важная шишка. Я затащил его к Горлину, и кое-что он мне устроил».

Это очередной пример того, как постоянно переплетаются в письмах Мандельштама интересующие нас темы. И в конце концов в письме от 14 февраля Мандельштам четко пишет, что встретится с Н.Я. Мандельштам в апреле: «А на апрель детку мою в Киев!» Так сомкнулись еще две линии переписки: здоровье Н.Я. Мандельштам и поездка в бывшую и будущую столицу Украины. А 26.02.1926 г. назначается даже день 1 мая (который супруги считали «своим») для встречи в Киеве. Эта же дата повторяется и в письме от 28.02.1926 г.

А пока продолжают выходить колонки «Новостей иностранной литературы» КГВ 29.04.1926 г.

Это книги Марселя Ролана, Андрея Струга и, что для нас наиболее интересно, книга Поуса «Боги мистера Таскера». Забавно, что 30.09.1926 г. аннотация на эту книгу появилась еще раз, но за подписью «Д.», что позволяет получить еще один важный элемент сравнения для буду-

щей подробной атрибуции интересующих нас анонимных аннотаций.

Дело в том, что чуть позже КГВ вновь обратится к этой же книге, а мы получим возможность сравнить обе аннотации – неподписную и подписанную «Д.».

Это для нас наиболее интересно. Ведь абсолютно все аннотации на иностранные новинки, которые, по нашему мнению, связаны с О. Мандельштамом, неподписные. В то же самое время встречаются в КГВ, хотя и нечасто, подписные колонки (проблему возможной принадлежности О. Мандельштаму колонок иностранной литературы или кратких советских рецензий с подписью «М.» мы оставим до специальной работы).

Изредка попадаются комбинированные колонки, сочетающие книги на тех языках, которые Мандельштам мог читать в подлиннике, с книгами на польском и чешском языках, которые явно рецензировались кем-то другим. Поэтому в колонке «Новости литературы» (а не «Новости иностранной литературы») в КГВ от 05.05.1926 г. находим не только книги Чапека или Токашевского о Достоевском, аннотации к которым не могут принадлежать Мандельштаму, или вполне вероятный для него А. Шницлер с «Женой судьбы», но и довольно острое сообщение о «Рваче» И. Эренбурга, который намеревалась в отрывках печатать КГВ. У этого романа были большие проблемы с цензурой, он так и не был опубликован в КГВ, а вышел через год в Одессе в сокращенном виде. Однако аннотация на «Рвача» привлекает наше внимание из-за того, что эта ситуация нашла свое прямое отражение в письме О. Мандельштама к жене от 19.02.1926 г., т. е. за три месяца до появления газетной заметки: «Зашел в комнатку к Федину и Груздеву. Они как раз заполняли бланки с предложениями книг: я мельком прочел: “один из лучших современных поэтов”. Стараются! В числе других пробуют протащить “Рвача” Эренбурга. Надик! Надоело мне это проталкивание и протаскивание! Эти няньки и спасители-охранители! Мне грустно, деточка моя».

Разумеется, гарантировать авторство аннотации на «Рвача» в данных условиях трудно, хотя она являет собой

ценное дополнение к комментарию к цитируемому письму, в то время как заметка о Шницлере вполне вписывается в общий контекст интересующих нас аннотаций, которые могли бы принадлежать О. Мандельштаму. При этом заметим, что подобной смеси советской книги по-русски, литературоведческой о Достоевском по-польски, чешского романа и немецкой книги в одной общей колонке, не отделяющей иностранную неперевоенную литературу от советской, мы, кажется, больше не встречали. Поэтому с некоторой долей риска мы можем предположить, что О. Мандельштам имел отношение к первой и последней аннотациям. Вот этот список по порядку. «Новости литературы»: «Рвач» И. Эренбурга (!); «Какатит» С. Чапек; «Новое о Достоевском» Токашевского; «Жена судьи» А. Шницлера. А соответствующая колонка «Новостей иностранной литературы» была опубликована на той же странице. И она вполне соответствовала стилю интересующих нас анонимных колонок.

В связи с тем, что мы говорим здесь о широком мандельштамовском контексте публикаций в КГВ, нельзя пройти мимо заметки «Толлер о нашем театре» (1926) и последующей статьи А. Пиотровского. Как известно, О. Мандельштам не только опубликовал анонимный перевод «Человека-массы» этого драматурга в 1923 г., но и посвятил ему статью «Революционер в театре». В свою очередь, А. Пиотровский опубликовал тогда же свой подписной перевод этой же пьесы. Поэтому элементов конкуренции, не говоря уже просто о внимании поэта к имени своего бывшего героя, на страницах столь заметной для поэта газеты исключать не стоит. Однако все это было бы просто малозначимыми предположениями, если бы приезд Э. Толлера в СССР, а его публикация была связана именно с соответствующим визитом, был единственным поводом к его упоминанию в мандельштамовском контексте. Ведь именно проблема борьбы с «толлеровщиной» стала основной темой статьи о «Березиле» в КГВ, а это уже заставляет учитывать эту публикацию в данном контексте. Если публикация Толлера и о Толлере может быть связана

со статьей о Березиле 1926 г., то тема плагиата, выраженная в форме обсуждения собственности на те или иные носильные вещи, которая одновременно возникает на страницах КГВ, явно предшествует знаменитому обвинению Горнфельда, брошенному Мандельштаму после истории с переводом «Тиля Уленшпигеля», которую Горнфельд сравнил с кражей пальто и на которую Мандельштам ответил в «Четвертой прозе» примером с обвинением с якобы украденной шубой.

Впрочем, отголоски «Человека-массы» Толлера найдут свое место и в «Четвертой прозе», посвященной, как известно, проблеме обвинения уже Мандельштама Горнфельдом в плагиате как раз с использованием подобной «образности» и «терминологии». Поэтому включение еще одной линии – споров о плагиате в деятельности МОДПика и Драмсоюза – в историю работы О. Мандельштама в КГВ оказывается обязательным.

Интересно, что дискуссию эту в КГВ начал Корней Чуковский, которого трудно заподозрить в неприязни к Мандельштаму, да и началась вся эта дискуссия еще на страницах «Известий», где Чуковский выразил возмущение тем, что некий композитор использовал его текст, присвоив себе авторство «либретто».

В статье «Маэстро» К. Чуковский писал в № 107 КГВ за 1926 г. так: «Так *похитители лодок перекрашивают чужую шаланду в другие цвета и пишут на ней новое название*».

Впрочем, наш маэстро осторожен и опытен. Он всегда «работает» с оглядкой. Он хитроумно написал на этих нотах:

– Муз. Ар.

Что такое ар, я не знаю, Арап? Архиерей? Арестант?

Говорят, будто это должно означать аранжировка Б.И. Фомина.

Но в таком случае это легенда. Ибо механически снизить какую-нибудь вещь на полтона не значит аранжировать ее. И если к тому же не указано имя автора, которого вы аранжируете, не указано заглавие вещи, которую вы аранжируете, то естественно думать, что вы аранжирова-

ли свое сочинение, например отрывок собственной оперы. Фомин и намекает на это, указывая тут же, что “Тантянская рысь” есть вставной номер к его оперетте.

Возможна ли такая двусмысленность в таком щекотливом деле? *Либо это ваш платок, либо это не ваш платок, а ранжировать чужие платки таким образом, что метка на них как будто ваша, а как будто не ваша – не следует* (курсив наш. – Л. К.)». Тема Чуковского продолжилась в КГВ от 14.05.1926 г. В 112-м номере в статье: Мигрифа. «Музыкальные арапы (Еще о наших “маэстро”» читаем: «“М.О.Д.П.И.К.” и “Ленингр. О-во драм. пис. и музык. композ.”, кроме основных своих *функций* по охране материальных – авторских прав, включили в круг своей деятельности широкие задачи общественного и культурно-просветительного характера, и в их руках, безусловно, сосредоточены возможности решительного воздействия на своих членов, забывших, что воровство, даже при “отсутствии литературной конвенции” – остается воровством».

Имеется в виду отсутствие в тогдашнем СССР конвенции по авторским правам. Собственно говоря, именно о справке по этому поводу Мандельштам писал в одном из писем этого времени.

Тема плагиата продолжалась в КГВ от 20.05.1926 г.: в № 107 в заметке «Вор у вора дубинку украл», в номере от 24 мая в статье О. Яковлева «Музыкальная арапия», где речь шла все о том же – о воровстве друг у друга композиторами и авторами подтекстовок не только их собственных произведений, но и перепечаток под разными именами «авторов» так называемых обработок американских или немецких пьес, которые выходили в МОДПиКе или Драмсоюзе под видом изданий авторов.

26.05.1926 г. в КГВ в известной нам рубрике «Новости иностранной литературы» появились неподписанные аннотации на книги Дж. Голсуорси и Луи Эмона. А назавтра, 27 мая, в № 123 КГВ уже публиковала первый из двух очерков – «Киев». Второй появился 03.06.1926 г. в № 129.

Это были киевские очерки, где существенное место занимали отголоски гастролей Московского государствен-

ного еврейского театра и других московских театров вкупе с негритянской опереттой и Театром зверей Дурова.

Как известно, Мандельштам во время гастролей Еврейского театра и в момент проводов «Березиля» в Харьков находился в Киеве. А 07.05.1926 г. опубликовал в «Киевском пролетарии» свой первый очерк о «Березиле», который вышел и в русском и в украинском варианте этой газеты. Тем более значимо, что в киевском журнале «Театр. Музыка. Кино» (1926. № 24. 4–11 мая) после статьи Х. Токаря (чье имя нам еще встретится) о заслугах Курбаса и «Березиля» на с. 4–5 следует статья Б. Розенцвейга «Алло, Курбас (Вокзальное)», начинающаяся эпиграфом из Мандельштама:

Плывите же вместе к грядущим зорям,
Актер и рабочий – вам Нельзя отдохнуть.

[*Ср. Харьков и Одесса 1922 г.!*
(*Актер и рабочий* + «Дом актера»)]
О. Мандельштам

А продолжается статья гимном Курбасу, ставящим его в один ряд с теми, кто в этот момент гастролирует в Киеве (Таиров, Грановский, Мейерхольд), и включающим его в один ряд с лидерами европейской режиссуры: «Этот человек с акварельной улыбкой и упрямым лбом мыслителя, от которого веет ласковым, каминным теплом (камин незаходящей мысли!), вырос на наших глазах в первоклассного режиссера, чуть ли не европейского калибра.

Не бойтесь этого слова: Рейнгардт, Жемье, Антуан, Иесснер, Эрвин Пискатор, Мейерхольд, Грановский, Таиров и... Курбас. Для меня лично та “пропасть”, которую так неловко образует это многоточие, уже давно стянута и засыпана биением настоящей творческой работы».

И чуть ниже на с. 5 – статья Х. Токаря «3-й приезд ГОСЕТА» с характерным упоминанием «Привала комедиантов». Вообще, надо отметить, что петербургские кабарежные термины и названия Х. Токарь использовал не единожды, в чем мы еще убедимся.

Итак, « – Снова привал еврейских комедиантов в нашем городе. Стало уже необходимостью по весне принимать у себя этих гостей. <...> Госет имеет своего массового рецензента.

В любом еврейском рабочем клубе, в мастерской или на фабрике, в Детском доме, или на Педагогических курсах вы всегда увидите жест Госета, услышите его песенку, заметите подражание ему.

В истории еврейского театра никто не укажет периода, когда бы театр вот так “ввязался” бы в жизнь масс. Очень просто, ибо никто до Госета театральной культуры вообще не создал.

Еврейский театр создавался только тогда, когда революция ворвалась своим очистительным вихрем в гущу народных масс. Вот здесь театр нашел ярчайший клад красок, неисчерпаемый источник движений, ритма и экстаза».

За время, пока в Киеве идут гастроли ГОСЕТа, в КГВ в № 201 от 12.05.1926 г. выходит аннотация на книгу Ж. Дюамеля «Письма к моему другу-патагонцу» издания Ленотгиза, которую, как известно, перевел О. Мандельштам.

А в Киеве в ту же неделю в журнале «Театр. Музыка. Кино» (1926. № 25. 11–18 мая) с обложкой, изображающей портрет А. Грановского, известный нам Хаим Токарь под криптонимом Х. Т. публикует статью «Как Киев провожал “Березиль”». Именно в ней находится описание проводов «Березиля» в Харьков, на которых братались Михоэльс и Курбас. До сегодняшнего дня мы знали об этом только из черновиков очерка О. Мандельштама.

А вот «подлинник»: «“Березиль” был не только ярким национальным, но и интернациональным явлением.

Много было ярких моментов на этих торжественных проводах.

Представители двух культур – еврейской и украинской – Терещенко (от украинских литераторов) и Лурье (от еврейских) на разных языках говорили одно и то же о “дорогом для них ‘Березиле’”.

Огромного подъема достигло торжество, когда братским поцелуем обменялись заслуженный артист Республики, премьер Московского государственного еврейского театра Михоэльс и народный артист Украины Курбас. Долго несмолкаемой овацией трудовая публика “Березиля” ответила на эту братскую встречу.

– “Мы не единоутробны, но зато единокровные братья. Мы рождены разными национальными культурами, но зачаты мы одним вихрем новой жизни, который пронесся в Октябре. Я горячо приветствую моих братьев” – с огромным пафосом произнес Михоэльс».

Нетрудно видеть, что текст черновика Мандельштама является легкой литературной обработкой этого текста. Делать это пришлось из-за того, что Мандельштам, по его собственным словам, опоздал к началу действия и застал лишь его конец. А вот как все это выглядело у Мандельштама: «На днях в Киеве встретились два замечательных театра: украинский “Березиль” и Еврейский камерный из Москвы. Великий еврейский актер Михоэльс на проводах “Березиля”, уезжающего в Харьков, сказал, обращаясь к украинскому режиссеру Лесю Курбасу “Мы братья по крови”... Таинственные слова, которыми сказано больше, чем о мирном сотрудничестве и сожительстве народов».

Также нетрудно видеть, как в ненапечатанном отрывке очерка выявляются черты мандельштамовского стиля, упругого и четкого, явно разнящиеся с описанием вечера Х. Токарем. Однако очерк о Московском государственном еврейском театре будет напечатан лишь в августе перед летне-осенними гастролями ГОСЕТа. Интересно, что в заготовках к этому тексту сохранились черточки именно майских обстоятельств киевских гастролей, которые проходили в достаточно напряженной обстановке. По крайней мере, нигде, кроме указанного журнала, нам не удалось обнаружить сколько-нибудь развернутых рецензий на киевские гастроли именно 1926 г. Ранее мы касались этих проблем в специальных работах, поэтому здесь не возвращаемся к ним¹⁰.

Куда интереснее тот факт, что в самый момент гастролей в «Театре. Музыке. Кино» (1926. № 27. 25–31 мая) на с. 4–5 появляется яркий псевдонимный текст «Михоэлс», подписанный «Н. Эль».

О связи этого текста с другими текстами О. Мандельштама киевского цикла, опубликованными в Киеве и Ленинграде, равно как и о его соотношении с этюдами о Шкловском и Яхонтове 1927 (?) г.¹¹, мы будем говорить в специальной работе, пока же лишь выскажем идею о возможной его принадлежности поэту.

Буквально через несколько дней после появления киевского «Михоэлса» в КГВ 03.06.1926 г. (№ 129) появляется *Киев (II) О. Мандельштама*. А примерно через две недели после него КГВ 17.06.1926 г. в № 140 публикует очерк Мандельштама «Березиль».

Но жизнь течет своим чередом, и дискуссии о плагиате в ленинградских организациях, связанных с авторскими правами, продолжают. На сей раз это недельное программное приложение к «Жизни искусства» «Театр и зрелища», где в статье «Нед Рейд на диспуте о плагиате (В ленигр. Об-ве драм. писателей)» (01.06.1926 г., № 22) читаем: «Началось все тихо и мирно.

– Мы не будем говорить о личностях. Мы будем говорить о том, является ли кража воровством, а воровство кражей, и вообще – что такое аранжировка. <...> Аранжировка – на языке этих авторов – это обычная транспонировка (переложение в другую тональность) или прибавка к вещи 2-3 бесхитростных и бессмысленных тактов. В результате подобной работы перед фамилией нового “автора” становится заезженное “арр” (не указывая даже с кого и с чего) и дело этим ограничивается.

Как будто – по выражению одного из ораторов –

– *Если вы надели мои брюки и сели в них лужу, так это брюки уже не мои.*

Диспут был долгий, бурный и, как говорится, “прошел с большим успехом”.

Но за шумливой перебранкой заколдованного круга “авторов” показалась грустная действительность. Она по-

казала, что пора перейти к *серьезной борьбе с плагиатом*, что пора прочистить и проветрить общество драм. и муз. писателей».

Похоже, что здесь мы впервые встречаемся с терминологией, которая отразилась в мандельштамовском стихотворении 1931 г. «Еще далеко мне до патриарха...» с его «языком трамвайной перебранки». Причем недостающий «трамвай» все в том же контексте дискуссии о плагиате находится в знакомой нам «Музыкальной арапии»: «Итак, одно из двух – отдайте мне мои деньги.

И они отдали мне мои деньги так же поспешно, как *трамвайный дебютант* отдает носовой платок, за выуживанием которого его ущемили в чужом кармане. Ибо в такой позиции (разницы, по существу, не было) спорить не приходится».

Таким образом, строки «меня еще ругают за глаза на языке трамвайных перебранок, в которых нет ни смысла, ни аза...» явно восходят к интересующей нас дискуссии, которая продолжалась на страницах КГВ с разной интенсивностью вплоть до конца 1929 г., когда выяснилось, что МОДПиК и Драмсоюз все же закрывают за уже известные нам дела. Впрочем, в тогдашней печати описывались и перерасходы административных средств, и растраты и т. д. Подробности этих событий см. в письме к Н.Я. Мандельштам из Москвы в Киев от 24.02.1930 г.¹²

Напомним еще раз, что стихотворение «Еще далеко мне до патриарха...» написано уже после «Уленшпигелевского» скандала и после «Четвертой прозы», в которой отразилась все та же терминология.

Но вернемся к основному сюжету, сохраняя хронологию событий и публикаций.

И тут на страницах КГВ 2 июля 1926 г. появляется Московский государственный еврейский театр, но в несколько неожиданном контексте – в заметке «Крах Госета», касающейся, как нетрудно догадаться, киевских гастролей: «Получены сведения о финансовом крахе гастролирующего сейчас в провинции государственного еврейского театра.

Работники не получают зарплату уже с марта месяца. Спектакли проходят при полном отсутствии сборов, ввиду чего администрация предложила местному организовать коллектив, на что труппа ответила отказом. Театр обратился в ЦК Всерабиса дать возможность труппе вернуться обратно в Москву».

Эту историю подробно описал в своей книге о ГОСЕТе В.В. Иванов¹³.

Пока же, буквально назавтра, О. Мандельштам публикует в КГВ 03.07.1926 г. на с. 2 свою известную статью о катастрофическом качестве переводов с иностранных языков «Жак родился и умер». Не исключено, что это начало и всей будущей «горнфельдовской истории» с пальто и шубами. Поэтому не так уж удивительно, что А. Горнфельд использовал в 1929–1930 гг. терминологию старой дискуссии о примитивном плагиате модпиковского типа в своих куда более серьезных и опасных нападках на Мандельштама, который, как мы увидим далее, был его раздражителем не только в деле перевода, но и в политической сфере.

Пока же КГВ 13.07.1926 г. в № 161 печатает ответ на статью О. Мандельштама «Жак родился и умер» статью Инн. Оксенова под названием «Мертворожденный Жак», где читаем: «Но все эти и немногие другие жемчужины западной литературы приходится находить среди таких конюшенных залежей всякой завали, беспросветного и наглого убожества, механизированного бесстыдства, мещанства и лицемерия, – что вполне понятен истошный вопль О. Мандельштама об опасности, надвинувшейся на наш книжный рынок.

Нужно воздвигать какие-то барьеры, спешно строить плотины против этого бумажного потопа? Серьезные советские издательства давно построили эти плотины. Кому приходилось работать в отделах иностранной литературы наших крупных (советских) издательств, те знают, какое испытание проходит каждая книга, назначаемая к переводу, на каких точнейших весах взвешиваются ее идеологические и художественные достоинства и недостатки. Роль так называемого “внутреннего рецензента” – крайне

почетная и ответственная роль. И если из сотни прокритикованных книг найдется одна, вполне и безусловно заслуживающая перевода, – рецензент чувствует удовлетворение. Ведь “лучше меньше, да лучше”. Лучше дать одну книгу, способную органически войти в нашу литературу полноправной сестрой, чем отравлять читателя трупным ядом мертворожденного шпенглеризма и импортной порнографии».

Нечасто встречал Мандельштам такую открытую поддержку. Не забудем, что и «горнфельдовская история» началась с «истощного крика» Мандельштама в «Известиях», – «Потоки халтуры», где без труда можно обнаружить те же самые мысли, что и в двух названных статьях.

А борьба с «обычным плагиатом» продолжалась, и КГВ сообщала 12.07.26 г. № 160 в статье под уже привычным заголовком «Борьба с плагиатом»: «Ленинградское отделение Московского общества драматических писателей и композиторов приступило к проведению широкой общественной кампании по борьбе с плагиатом и очищению рядов общества от всякого рода псевдоавторов.

Для руководства всей технической работой бюро эстрадной секции выделило ответственную тройку, а для разрешения спорных и сомнительных вопросов общее собрание эстрадных авторов избрало экспертную комиссию». КГВ вторила «Жизнь искусства» в № 27 от 03.07.1926 г. (с. 20), публикуя статью Сим. Дрейдена «В защиту авторского права».

И тут произошло важное событие, которое, как и многие описанные здесь, наслаивались на бесконечную дискуссию о плагиате. Именно в ее рамках и писал Мандельштам некую неизвестную нам записку по авторскому праву, которая упоминается в письме к Н.Я. Мандельштам...

Но 07.07.1926 г., когда КГВ в № 156 печатает некролог Акиму Волинскому, написанный В. Боцяновским, в каждодневную текучку врывается история. Понятно, что о кончине столь видного театрального деятеля пишет и «Жизнь искусства» в № 28 от 10.07.1926 г., одновременно

сообщая об организации МОДПиКом «Тройки для определения плагиата».

Через три дня в КГВ от 13.07.1926 г. вновь появляется рубрика «Новости иностранной литературы» с аннотациями книг А. Поппа, В. Фергюссона, О. Этчегауйзен, а киевский журнал «Театр. Музыка. Кино» в № 34 (1926. 3–20 июля) реагирует на цитированный выше выпад КГВ против ГОСЕТа статьей «Желтая манера»: «Нам в Киеве пришлось наблюдать, при каком повышенном интересе зрителей проходили спектакли Госета. С каждым годом этот интерес все больше и больше возрастает. Госет в его последний приезд в Киев работал в тяжелых условиях. Режим экономии, наличие в городе еще 2-х московских театров и одного из них такого значительного, как театра Мейерхольда, наконец, неблагоприятная погода – ливни. И все же за 40 спектаклей взято 35 000 руб. Это ли свидетельство – “отсутствия сборов”».

<...> Все это не помешало нашему информатору низывать на своем “сенсационном пере” дикую клевету. Эта клевета возмутила киевский Посредрабис, который отправил своему центру и редакции “Вечерней Красной газеты”... телеграмму. Посредрабис Шлосберга.

Ларчик просто открывается. В чьих-то интересах сорвать спектакли Госета, которые должны состояться в Ленинграде. Этот город имеет большое значение для Госета, ибо тут впервые были сделаны его шаги.

Теперь Госет признанная высокохудожественная единица и фактор крупного политического значения в еврейской среде, что недавно признано Наркомпросом РСФСР.

Рыцарям же построчного гонорара нужно только одно: “поклеветать, авось что-нибудь останется”.

Мы уверены, что Госет и в Ленинграде будет пользоваться тем же успехом и вниманием, какое имел всюду на Украине. Недаром еврейские рабочие здесь на Украине преподнесли ему самый лучший подарок – Красное знамя».

Этот ответ стоит сопоставить с мандельштамовским описанием ситуации в первом очерке «Киев», где речь идет

о целом театральном столпотворении в Киеве, когда туда приехал ГОСЕТ и когда из города, как мы помним, уезжал «Березиль». Похоже, что очерк Мандельштама, опубликованный в той же КГВ еще в конце мая, оказался вписан в совершенно не предусмотренный автором контекст борьбы с театром Грановского. В свою очередь, ответ киевских товарищей в журнале, как мы видели, не чуждом Мандельштаму, языком канцелярской прозы описывал то же самое театральное столпотворение.

В Ленинграде же борьба, на сей раз с халтурными переводами, продолжалась. Содержание статьи Б. Лавренева «Мародеры литературы» (КГВ, 16.07.1926 г.) касалось качества переводов, выполненных людьми, плохо знающими и русский, и иностранные языки.

А в интересующей нас рубрике № 167 КГВ от 20.07.1926 г. продолжали печататься анонимные «Новости иностранной литературы». На сей раз о романе Оскара Бротена «Волчье логово».

Но интересные для нас материалы в КГВ касались не только Осипа, но и Евгения Мандельштама. В КГВ 27.07.1926 г. (№ 173) на с. 4, сообщая о новом бюро МОДПиКа, упомянула и брата поэта: «В связи с отъездом на летнее время ряда членов правления Московского о-ва драмписателей и композиторов, о-во сконструировало на лето временное бюро в составе Б. Лавренева, И. Садофьева, С. Воскресенского, В. Галичникова, И. Безруких, М. Жижмора и *Е. Мандельштама*».

Этот факт не может быть упомянут в переписке О. Мандельштама, так как, похоже, в это время супруги Мандельштамы жили в Красном селе и в переписке не нуждались.

И рядом с сообщением об избрании Е.Э. Мандельштама появилась заметка из «Новостей иностранной литературы» о романе «Осман-омолаживатель» Марселя Ролана.

Эта небольшая заметка интересна для нас тем, что она, будучи обычной для аннотаций интересующего нас типа кратких – 20-, реже 30-строчных – текстов, имеет единственный более объемный аналог, размер которого

сопоставим с обычной внутрииздательской рецензией. В свое время мы его упомянем, пока же отметим, что многие короткие аннотации имеют разрывы в виде немотивированных многоточий. Их невозможно отнести к просто интонационным знакам. Нам представляется, что это признак сокращений, которые делались в редакции газеты при наборе колонок из предоставленных объемных внутренних рецензий.

Не комментируя, отмечаем параллельные хроникальные заметки в «Жизни искусства» № 30, 27.07.1926. В. Л. «Драмсоюз и авторское право» и традиционное продолжение общей дискуссии в КГВ 31.07.1926 г. С. 4. Аргус. «Дела арапские» о плагиате в Драмсоюзе и соответствующий ответ от Эстрадбюро Драмсоюза. «О плагиаторах» в ответ Аргусу, что в МОДПиКе еще хуже.

И вот, к приезду ГОСЕТа в Ленинград КГВ 10.08.1926 г. в № 184 публикует хорошо известную статью О. Мандельштама «Московский государственный еврейский театр».

Нам не раз приходилось писать о ней, но здесь отметим два обстоятельства. Е.Д. Толстая давно обратила внимание на то, что описание игры Михоэльса в этом тексте восходит к статьям Акима Волынского о еврейском театре, которые (равно как и его «Гиперборейский гимн») были связаны с возникновением театра «Габима» на древнееврейском языке. В данной работе мы сознательно пропустили подробную хронику сообщений о «Габиме» в КГВ и в последний 1926 г. ее пребывания в СССР, и в начале триумфальных гастролей в Европе. Однако следы текстов Волынского в очерке Мандельштама явно связаны с впечатлением от смерти их автора. Кроме того, в наших более ранних работах мы отмечали, что ряд моментов в этом очерке восходит к киевским театральным текстам Андрея Соболя 1919 г. Однако и Андрей Соболев покончил с собой 08.06.1926 г., т. е. практически во время гастролей ГОСЕТа в Киеве. А упоминавшийся нами текст Н. Эль «Михоэлс» вышел в номере «Театра. Музыки. Кино» не позже 25 мая 1926 г. Не предвосхищая сейчас результаты атрибуции

этого текста, заметим, что его автор (кто бы он ни был) явно учитывал некоторые черты еврейского актера, указанные Волынским, однако не педалировал их. В то время как обсуждения вопроса о том, легко ли Грановскому собрать своих актеров из старых бадхенов и других типичных евреев с улицы и создать театр, в киевском очерке не было вообще¹⁴. Поэтому и следов старых текстов Соболя здесь нет и быть не может¹⁵. Однако при попытке атрибуции указанного текста Мандельштаму два трагических события, произошедших после его публикации, придется учитывать обязательно.

Вскоре, 19.08.1926 г., открылись гастролы ГОСЕТа. В печати появились многочисленные заметки, рецензии, интервью с Михоэльсом, Грановским, Альтманом и т. д. Все это подробно отражала КГВ. Не отставала и «Жизнь искусства», посвящая гастролям ГОСЕТа целые номера. И именно в этот плотнейший контекст попал очерк Мандельштама о Михоэлсе и Грановском.

В рамках данной статьи мы не будем специально касаться дискуссии между Грановским и А. Кугелем о том, был ли до Грановского настоящий еврейский театр, или обсуждать вопрос о том, отражал ли режиссерский ритм Грановского ритм тысячелетней еврейской истории. Напомним, что в очерке Н. Эль «Михоэлс» жест актера все это отражал. Но хронологически тот текст, как бы то ни было, явно отвечал на предотъездные интервью лидера «Габимы» Цемаха, который утверждал, что именно его Еврейский театр на древнееврейском языке, а не «театр на еврейском языке», как называли идиш (как гласил манифест Грановского), отражает тысячелетия еврейской истории. И именно отсутствие этих «тысячелетий» у Грановского ставил ему в вину в КГВ Александр Кугель, реагируя на манифест Грановского в «Жизни искусства» «Мы идем».

Вскоре после окончания гастролей ГОСЕТ стали обвинять на страницах «Жизни искусства» в организации покупной рекламной кампании и хвалебных рецензий (*Воскресенский* С. О фирме, эстетстве, мистике, а также о

базарной рекламе // Жизнь искусства. 1926. № 38. 21 сент. С. 3), и в этот же самый день на страницах КГВ продолжилась публикация «Новостей иностранной литературы», где упоминались имена В. Стефенсона, В. Ирвина, С. Бюнса, М. Кордэ, а вскоре вслед за этим последовала колонка «Новости иностранной литературы. (Ближайшие издания Ленотгиза)» – Ф. Треллер, Альфредо Пансин, С. Миллин.

Однако ближе к концу ленинградских гастролей ГОСЕТа в КГВ начали появляться и резко критические рецензии. Так, 11.09.1926 г. В.Б. (Боцяновский) раскритиковал «Ночь на старом рынке». А делалось это все на фоне восторженного описания гастролей за границей (куда пытались в это самое время не пускать ГОСЕТ!) «Габимы».

До сих пор мы просто, по тем или иным причинам и признакам, предполагали, что автором анонимных аннотаций «Новостей иностранной литературы» в КГВ (в основном на книги «Ленотгиза» или Гиза, либо на не переведенные еще книги) является Осип Мандельштам¹⁶. Но письмо О. Мандельштама к Н. Мандельштам от 01.10.1926 г. резко меняет взгляд на ситуацию. В нем поэт четко называет и область своих занятий, и источники книг, и газету, куда все это пишется: «Миша Слонимский зав. в “Прибое”. С 15 октября! Уже этого достаточно! Мы спасены! Давидка – редактор журнала иностранной литературы при Красной газете! Портфель туго набит книгами от “Прибоя” на исключительно выгодных условиях. Я взялся им писать рецензии для газеты – по 30 р. с книги – 10–20 строчек».

В параллель к этому стоит вспомнить и более позднее «Потоки халтуры», где читаем: «Никто не поверит, каким способом подбираются у нас книги для переводов. В ЛенГИЗе широко практиковалась выписка книг из-за границы. Они отсеивались сознательно в несколько приемов. Во-первых, агенты-заготовщики за границей давали приблизительно нужные присылки. Затем опытные рецензенты прочитывали десятки и сотни книг, причем рецензии на книги, даже никогда не увидевшие печати, были сплошь и рядом грамотнее, литературнее, содержательнее, нежели

те, что печатаются в толстых журналах. На 40–50 проработанных таким образом книг намечались 3–4 вещи – кандидатки к переводу. И только тогда уже, по соглашению с идеологическим руководством, одна или две книги сдавались в работу».

Эти слова Мандельштама из статьи 1929 г., которая практически не комментируется, с удивительной точностью совпадают с «Мертворожденным Жаком» Инн. Оксенова. Но Оксенов как раз и реагировал на ситуацию конца июня – начала июля 1926 г., когда Мандельштам активно работал с «Ленотгизом» и писал, как мы полагаем, тем самые подписные внутренние рецензии (которые печатаются в его собраниях сочинений) и те аннотации, которые мы описываем здесь.

«От рецензента, работающего внутри издательства, пишущего для “внутреннего употребления”, зависит судьба книги. Он может ее убить или протолкнуть. Каждая рецензия должна быть *написана так, чтобы ее не стыдно было напечатать*, чтобы автор за нее полностью отвечал. Нередко эти отзывы сводятся к бездушным канцелярским отпискам. *Их нельзя опубликовывать, до того они бывают мелочны, позорны или бессодержательны*. Рецензенты – такие же случайные клиенты, как и переводчики».

Нетрудно видеть, что и непубликовавшиеся внутренние рецензии Мандельштама и его, как мы думаем, краткие аннотации к этой категории не относятся. В отличие от криптонимных рецензий в КГВ, интересующие нас анонимные аннотации – изящные микроэссе. В них, опять же в отличие от названных, нет и следа использования 10–15 строк цитат из аннотируемых текстов. А сами микроэссе практически всегда заканчиваются изящным заключительным пуантом. Кроме того, некоторые аннотации, например на Бернара Лекаша, с изменением пары слов входят в предисловие. А, например, аннотация на американский еврейский эмигрантский роман из «Новостей иностранной литературы» поразительно близка, стилистически и содержательно, к предисловию к переводу на русский язык другого подобного романа Розы Коген

(пер. Н.Я. Мандельштам), предисловие к которому написал О.Э. Мандельштам. Более того, аннотация на какой-нибудь роман Рене Марана «Джума» отсылает к предыдущему сочинению гонкуровского лауреата 1922 г. «Батуала», который упоминался в очерке 1923 г. «Ньюэн Ай-Как. В гостях у коминтерщика». Либо количество сочинений так называемых унанимистов, которых О. Мандельштам переводил и о которых писал, с учетом наших аннотаций увеличивается почти до полного состава группы. Пересечения и отсылки могут быть самыми разными.

Но вернемся к ГОСЕТу и продолжим нашу комментированную хронику.

Примерно через месяц после обвинений в купленных рецензиях ГОСЕТ публикует 09.10.1926 г. в «Жизни искусства» в № 45 на с. 22 ответное «Письмо в редакцию МГОСЕТА». Буквально в тот же день О.Э. Мандельштам в письме к Н.Я. Мандельштам 09–10.10.1926 г. пишет сразу о трех темах, которые мы здесь рассматриваем: ГОСЕТ и МОДПнК вкупе с ГИЗом: «В Гизе мне показалось, что редактор саботирует мою работу, т. е. попросту выживает меня. Эти идиоты-чиновники говорили со мной какими-то недомолвками <...> а на поверку оказалось, что они все-го-навсего просят не торопить, не “нервировать” их с деньгами. Ты знаешь, как я до глупости мнителен. Я заразил даже Горлина, который советовал мне съездить в Москву. Маршак, заметив мое волнение, выяснил эту чепуху. Работа идет полным ходом.

<...> Евгений Эмильевич тащил меня (тоже эти дни) в Москву: помогать на каком-то собрании Модника (перевыборы). Я чуть не согласился, дед метал громы, чтоб я ехал в Москву. Полный идиотизм! Понимаешь, как это кстати? Повторение истории с Грановским».

В следующей декаде продолжается полемика в «Жизни искусства» о ГОСЕТе (№ 46. 19.10.1926. С. 24. С. Воскресенский. «Письма в редакцию», опять про саморекламу ГОСЕТА). Далее публикуются статьи А. Кугеля, который готов предпочесть ГОСЕТу любые еврейские театры, а в это время сам готовится открыть Ленинградский

еврейский театр. Дело, правда, заканчивается пшиком и судебным процессом над аферистами, введенными Кугеля в заблуждение. И т. д.

Все это вызывает острую реакцию знакомого нам «Театра. Музыки. Кино», где в № 49 19–25 октября 1926 г. уже из Киева Х. Токарь выступает по поводу гастролей ГОСЕТа в Ленинграде в статье, публикующейся в двух номерах «Ученые петербургские евреи заговорили»: «Что такое “ученый еврей”». Это та прослойка дореволюционной еврейской среды, которая, добившись дипломов, по своему собственному почину, стала непрошенными ходатаями по “еврейским делам”. В обстановке бесправия эти господа обивали пороги царских сатрапов, бывали принимаемы в салонах русской либеральной буржуазии. Хорошо изучив искусство пресмыкательства перед сильными мира того, они были достаточно ненавистны сознательной еврейской трудовой массе.

Пролетарская революция вымела их вместе с теми, кому они служили за рубежами нашей страны, но следы этих господ у нас остались. Беспомощные что-либо сделать по линии общеполитической, они время от времени пробуют сказать свое слово в культурной работе. <...> Вся эта культурная работа идет на языке, которым пользуется 99 проц. где-либо живущих евреев, на языке, который презрительно называется всей реакционной сионистско-ассимиляторской буржуазией “жаргоном”.

В числе прочих культурных факторов родился Госет – явление исключительной художественно-культурной ценности. Высокая театральная культура Госет’а признается даже нашими классовыми врагами. Но “ученые петербургские евреи” недовольны и вполне правы; тут не пахнет их духом, тут нет ни ассимиляторского пресмыкательства, ни националистической самовлюбленности. Госет, встреченный всей партийно-советской рабочей печатью Ленинграда дружелюбно, нашел в лице “ученых евреев” суровых “критиков”. Маститого (по идеологии враждебного нам) театального критика А. Кугеля взорвало от заявления художественного руководителя Госет’а А. Грановского...»

Забавно, что не забывает Х. Токарь употребить в своей статье и слово «фармацевты», столь знакомое всем по «Бродячей собаке». И это не случайно, ведь, как мы помним, сам приезд еврейского театра в Киев Токарь называл «привалом еврейских комедиантов».

Возвращаясь к аннотациям, заметим, что после письма О. Мандельштама к Н. Мандельштам о сотрудничестве с «Прибоем» и КГВ соответствующие аннотации для названного издательства, которые появляются после даты написания письма, с большой долей вероятности можно отнести к мандельштамовским. Но ведь мы видели, что сотрудничал он не только с «Прибоем», но и с ГИЗом или «Леонотгизом». Выходили его работы и в «Книжных новинках» и т. д. Поэтому дальнейшая атрибуционная работа не должна исключать и не «прибойные» аннотации, особенно когда речь идет о писателях, к творчеству которых Мандельштам обращался до и после этого, таких как, например, Вильдрак, чья книга «Прибой» отрецензирована в № 273 КГВ 18.11.1926 г. на с. 6 (в составе колонки: Шарль Вильдрак «Открытия» («Прибой»); «Книжные новинки» Джером К. Джером «Антони Джон»), мы имеем возможность сопоставить ее с другими упоминаниями этого автора либо со стилистикой мандельштамовского перевода его книг. Кроме всего прочего, на будущее остается задача поиска возможных переводов тех сочинений, которые здесь названы, на предмет учета предисловий, рецензий на них и т. д., в том числе с целью определения возможного мандельштамовского авторства, как в случае с Бернаром Лекашем.

Но вот через три дня после этой публикации в № 276 КГВ 21.11.1926 г. появляется и пропущенная библиографами очевидно мандельштамовская, хотя и неподписанная, публикация: Дюамель. «Письма к патагонцу». Как известно, эта книга была целиком переведена Мандельштамом, ей посвящена одна из анонимных аннотаций, а в «Жизни искусства» появилась хвалебная рецензия на этот перевод. Затем вновь 10.12.1926 г., с. 5. «Новые книги». Анри Пулайл («Прибой»); Мишель Кордэ «В Триконии».

«Книжные новинки»; Андрэ Жид. «Фальшивомонетчики». «Академия», где встречаем, как видим, книгу «Прибой». И следующая публикация КГВ 14.12.1926 г., № 299, с. 4. «Новости иностранной литературы». Жан Туссель, вновь «Прибой».

На этом известные нам на сегодня (с учетом заведомой неполноты тех двух комплектов КГВ, с которыми мы работали) колонки «Новостей иностранной литературы» заканчиваются. Важные статьи о Мандельштаме типа «О тяжести недоброй» Н.Я. Берковского, опубликованной в мае 1928 г., мы здесь говорить не будем, так как это выходит за хронологические рамки нашей работы¹⁷. Да и за время полупостоянного пребывания О. Мандельштама в Ленинграде в 1925–1927 гг. Хотя именно на этой странице единственный раз были отрекламированы «Стихотворения» О. Мандельштама.

Однако здесь нельзя не упомянуть сообщение «Жизни искусства» от 21.05.1927 г. «В МОДПИКЕ» с упоминанием поездки тов. Мандельштама (Е. Э.) в Москву для отчета о деятельности ленинградского МОДПИКа, и двух скандальных публикаций в КГВ 30 ноября – 8 декабря 1928 г., связанных с обвинением Р. Кугелем Б. Лившица в изготовлении, если не покупке, халтурных переводов. Имелась в виду книга Ж. Жироду «Сюзанн островитянин». Тогда дело закончилось перебранкой между Лившицем и Р. Кугелем.

Нам представляется, что это важнейший эпизод, обусловивший конфликт Лившица и И. Ионова, который в итоге привел и к началу всей истории с А. Горнфельдом, вылившейся в «Четвертую прозу». Этот эпизод необходимо включать в комментарий к письму О. Мандельштама к Ионову от 16.02.1926 г., ставшему основой «Потоков халтуры».

Таким образом, заканчивается история практически постоянного сотрудничества О. Мандельштама с КГВ. А мы не просто получаем возможность проследить достаточно трудный и не всегда творческий период в жизни Осипа Мандельштама, впрочем, давший в итоге «Еги-

петскую марку» и «Четвертую прозу», но и приобретаем основания для включения анонимных рецензий, опубликованных в это время в КГВ, в их плотный политико-издательский контекст, связанный, к тому же, и с биографией Осипа Мандельштама. К тому же мы можем убедиться, что не самая привычная информация Г. Иванова о советской деятельности О. Мандельштама была в известном смысле адекватной.

При этом необходимая специальная атрибуционная работа, как с указанными здесь, так и с другими газетными текстами, может теперь основываться на адекватной историко-литературной почве. Именно таким первым подготовительным шагом к будущей атрибуции анонимных текстов из КГВ и является наша работа. В свою очередь, кажущиеся ненужными подробности биографии и сугубо прикладной деятельности поэта найдут впоследствии свое отражение и в таких стихах, как «Еще далеко мне до патриарха...», что и само по себе может оправдать погружение в представленные здесь не всегда поэтические материи.

¹ Оценку невеселых итогов этого эднционного *чего?* начиная с 2009–2011 гг. см.: *Кацис Л.* Книговедческие заметки. Три разговора о текстологии, комментариях и составлении «Полного Мандельштама» // Книжное обозрение. 2011. № 20 (2318). С. 16–17.

² Письма О. Мандельштама к Н.Я. Мандельштам интересующего нас периода представлены: *Мандельштам О.Э.* Собр. соч.: В 4 т. / Сост. П. Нерлера, Ю. Фрейдина, С. Василенко и др. М., 1997. Т. 4, а также: *Он же.* Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. / Под ред. А. Меца. М., 2011. Т. 3. Так как все письма в обоих изданиях публикуются в хронологическом порядке, а издание А. Меца использует текстологию предыдущего издания, мы указываем лишь дату написания письма, не давая подробных ссылок в каждом отдельном случае.

³ Наиболее полное собрание подобного рода текстов находится в указанных изданиях, хотя и в несколько разной компо-

новке. Поэтому и в этом случае мы даем лишь даты источников, не ссылаясь каждый раз на оба указанных издания.

⁴ В дальнейшем вечерний выпуск «Красной газеты» будет обозначаться КГВ.

⁵ Публикация всей полемики в «Новом журнале» 1955–1956 гг. между Г. Ивановым, с одной стороны, и Г. Струве и Б. Филипповым – с другой, наряду с подробным анализом синхронного контекста и роли во всей истории Р. Гуля, см. в новейшей монографии: *Нерлер П.* Осип Мандельштам и Америка. 2-е изд., испр. и доп. М., 2012. По этому изданию мы и приводим цитаты из Г. Иванова.

⁶ В 2004 г. эта книга с предисловием О. Мандельштама и атрибуцией Д. Сегала из “*Slavica Hierolymitana*” была переиздана в Москве. Однако дополнения Д. Сегала касались лишь биографии французского романиста.

⁷ Достаточно обратить внимание на место этой работы в кратких хрониках жизни и деятельности О. Мандельштама, приложенных к этим изданиям. Впрочем, наверное, не стоит удивляться этому, ведь, похоже, с середины 1960-х гг. серьезного источниковедческого исследования прессы 1920-х гг. в связи с Мандельштамом не проводилось вообще, а в давние времена шел поиск куда более значимых и объемных оригинальных текстов Мандельштама. При этом изучение повременной печати, например, Д. Сегалом, при исследовании проблемы «Поэт и история» ограничилось пока самым началом 1920-х гг., а О. Лекманов искал в своих работах, скорее, газетные подтексты стихов и прозы поэта 1930-х гг., а не роль и место О. Мандельштама в этих изданиях. Таким образом, наш подход оказывается третьим типом работы с газетными источниками, а все указанные исследования позволяют с уверенностью говорить о том, что изучение газетных источников жизни и творчества поэта окажется одним из наиболее плодотворных.

⁸ Этой рецензии, ее дополнительной атрибуции, французским источникам Мандельштама и причинам, по которым предисловие к «Радану Великолепному» осталось анонимным, мы посвятили специальную работу, которая выйдет в материалах международной русско-французской кон-

ференции по истории компаративистики, прошедшей в ИМЛИ – РГГУ в октябре 2011 г.: *Кацис Л.* Роман Б. Лекаша «Радан великолепный» в переводе О. Мандельштама и русско-немецко-французский контекст (к проблеме сравнительного описания русско-еврейской и франко-еврейской литературы) (в печати).

- ⁹ Подробнее об этом сюжете мы говорим в статье «Осип Мандельштам. Соломон Михоэлс. Александр Кугель», которая публикуется в материалах Восьмых Михоэлсовских чтений (М., 2011).
- ¹⁰ В добавление к сказанному в нашей статье “Russian Jew Osip Mandelstam and Jewish Kiev” (East European Jewish Affairs. 2010. Vol. 40. № 2. August. P. 159–172) и в готовящейся публикации в Михоэлсовских чтениях без специального анализа укажем, что в театральной концепции Мандельштама и новый идишский еврейский театр, и новый украинский «Березиль» – оба понимались как театры революционные, поэтому они и были одной крови, поэтому-то подобный термин и превышает простую «дружбу народов».
- ¹¹ *Мандельштам О.* <Виктор Шкловский>, Яхонтов // Мандельштам О. Собр. соч.: В 4 т. М., 1993. Т. 2: Стихи и проза 1921–1929. С. 459–460. В данном хронологическом собрании эти тексты идут в непосредственной близости к Киеву, Михоэлсу, Бернару Лекашу и т. д., образуя адекватный контекст. В собрании под редакцией А. Меца эти тексты расположены в разных разделах, в зависимости от того, какие из них составитель считал важными и неважными для поэта, и поэтому там они достаточно труднонаходимы.
- ¹² Столь поздняя хронология дискуссии о плагиате в любых ее проявлениях и внимание к ней О. Мандельштама позволяют считать предположение о связи событий 1926–1930 гг. со стихотворением «Еще далеко мне до патриарха...» и его «языком трамвайной перебранки», подтвержденным и при этом связанным еще и с письмом Л. Авербаха к Л. Кагановичу и П. Постышеву от 01.09.1931 г., где речь идет о возможном предоставлении квартир как членам комсомола, так и некоторым из «ряда видных попутчиков, предоставление жилой площади которым имеет политическое

значение», где, в числе прочего, сошлись Бабель, Павленко и Мандельштам. См.: «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938: Документы / Сост. Д. Бабиченко. М., 1997. С. 113.

¹³ См.: *Иванов В.* ГОСЕТ: политика и искусство 1919–1928. М., 2007. С. 331–439. (Гл. 10. «Казнить нельзя помиловать».)

¹⁴ См.: *Толстая Е.* Аким Волинский и еврейский театр // Солнечное сплетение. № 16–17. Имеются в виду статьи: *Волинский А.* Еврейский театр. Ст. 1-я. Ипокрит // Жизнь искусства. 1923. № 7; *Он же.* Еврейский театр. Ст. 2-я. Походный ковчег // Там же. № 8.

¹⁵ О Соболе см.: *Кацис Л.* Осип Мандельштам: мускус иудейства. М., 2002. С. 355–370. (Очерк «“Михоэльс” и киевская театральная критика Андрея Соболя», там же сопутствующие материалы.)

¹⁶ Аналитическая публикация всех аннотаций из КГВ с соответствующей атрибуцией будет осуществлена нами в 6-м выпуске сборника в «Сохрани мою речь...». Поэтому здесь мы не приводим подробных текстовых и иных сопоставлений анонимных текстов с текстами О. Мандельштама и другими материалами, а исходим из того, что наиболее значимые для нас тексты являются мандельштамовскими. В этом случае вся ответственность за столь серьезные заявления ложится на автора данной статьи.

¹⁷ Доклад на эту тему «“О тяжести недоброй”: Н.Я. Берковский в 1928 г. между О. Мандельштамом и Б. Пастернаком» был сделан нами на «Мусатовских чтениях» в Великом Новгороде в октябре 2011 г., посвященных Мандельштаму и Пастернаку; наша статья на эту тему: *Кацис Л.Ф.* К проблеме чтения и восприятия критической статьи в газете, книге, посмертном сборнике: Берковский. Мандельштам. Пастернак // Вестник РГГУ. Сер. «Журналистика. Литературная критика». 2012. № 13. С. 107–116.

Полина Поберезкина

МАНДЕЛЬШТАМ И КИЕВСКАЯ ПЕЧАТЬ

Предварительные заметки

Киевляне читали и выписывали столичные издания, а потому имя Осипа Мандельштама знали и до его приезда в Киев, и до появления его произведений в киевской печати. Однако сотрудничество поэта с киевскими издателями началось, по ахматовскому слову, с «невстречи». Перелистывая февральский номер журнала «Аполлон» за 1913 г., читатель мог остановить взор на статье Мандельштама «О собеседнике», ознакомиться с театральным «Письмом из Киева» Евгения Кузьмина и затем в отделе хроники увидеть рецензию Николая Гумилева на киевскую «Антологию современной поэзии» – с возмущенным восклицанием: «Как можно было помещать г. Животова, если не нашлось места для Георгия Чулкова, Зенкевича, Мандельштама, Лившица!»¹ Замечание учли, и стихотворение «Из ому́та злого и вязкого...» было включено в 3-й том «Чтеца-декламатора», вышедший в том же году². А через двенадцать лет история повторилась.

Писатель, критик и ученый Михаил Могиланский рецензировал изданную в 1925 г. под редакцией Бориса Якубского «Антологию русской поэзии в украинских переводах»: «[Н]е тому, що нас не задовольняє “вибір, в антології поданий”, а тому, що коли не знаходимо в ній зовсім, – не будемо дуже заглиблюватися в минуле, Ап. Григор’єва, Апухтина, Вл. Соловйова, Случевского, Мережковского, Хв. Сологуба, Вяч. Іванова, О. Мандельштама,

Вел. Хлебнікова та знаходимо лише по одному віршові Буніна, Ін. Анненського, А. Белого, М. Кузміна, Г. Ахматової, Клюєва і ще багатьох видатних поетів, а разом з тим гонитьба за зайцем громадянської поезії заводить до антології зовсім незначних поетів (як напр., Е. Тарасова, О. Боровиковського і т. п.), – чи потрібно ще доводити безпідставність впевненості редактора, що накреслити загальний шлях розвитку рос. поезії йому “таки вдалося”?»³

Досадное упущение составителя можно было проигнорировать, если бы не два обстоятельства. Якубский тесно общался с группой киевских неоклассиков, лично знавших и высоко ценивших Мандельштама. В том же 1925 г. он писал во вступительной статье к сборнику стихов Валерия Брюсова в украинских переводах: «Майстерність Брюсова давно утворила в російській поезії “брюсівську школу”. З цієї школи вийшли Гумільов, Елліс, Ахматова, Мандельштам та багато інших»⁴. Но в декабре 1928 г. Якубский напечатал откровенно доносительскую реплику: «[Т]ака одна з найкращих та найміцніших емоційно речей Еллана, як “Повстання”, так само писана в віршовому ритмові коли не просто символістів (Тичини), то тоді так званих у російській поезії – акмеїстів – тієї течії, що вона поперемогала символістів. Ось на вихват зразок одної реакційної речі акмеїста Мандельштама:

В Петербурге мы сойдемся снова,
Словно солнце мы похоронили в нем,
И блаженное, бессмысленное слово
В первый раз произнесем...

(О. Мандельштам. Стихотворения.
ГИЗ. 1928. Стор. 99)

Діалектика форми не могла бути переможена від Еллана; але він, узявши останні “формальні” досягнення, вклав у них такий міцний, зовсім неподібний до реакційних символізма та акмеїзма, зміст, таку силу революційного вислову, таку енергію слова, що музика, мелодія (не ритм) – справді бринять якимось по-іншому, в іншому темпові»⁵.

Упоминание о Мандельштаме в статье к третьей годовщине смерти украинского пролетарского поэта Василя Эллана (Блакитного), да еще с дважды повторенной характеристикой «реакционный», было совсем не обязательным. Однако после 1925 г., когда Якубский, поработав секретарем, а затем став проректором Киевского университета, получил долгожданную должность профессора (впоследствии он заведовал кафедрой русской литературы), мемуаристы описывают его как напуганного, ни во что не вмешивавшегося, превратившегося на службе в «живой труп»⁶. К концу 1920-х гг. выпады против неоклассиков постепенно превращались в политическую травлю, и Якубский, по-видимому, печатно отрекался от литературных предпочтений своих друзей.

Киевские неоклассики были, вероятно, наиболее заинтересованными читателями и последователями Мандельштама в украинской поэзии⁷. Павел Филипович и Михаил Драй-Хмара, по свидетельству дочери последнего, познакомились с Мандельштамом во время Первой мировой в Петрограде: «Пригадується один вечір, коли П. Филипович (тоді поет Зорев) і Осип Мандельштам зайшли до М. Драй-Хмари почитати вірші, поговорити, випити чаю. Дружина Михайла Панасовича гралася своїм шлюбним перстеном, на це звернувши увагу російський поет і зауважив їй: “Не играйте со своей судьбой”. Ці слова О. Мандельштама чомусь особливо запам’яталися їй на все життя (зі слів дружини Драй-Хмари)»⁸. Филипович опублікував в 1916 г. рецензію на «Камень»⁹, а Микола Зеров назвав мандельштамовський збірник першим в ретроспективному списку акмеистических впливів: «Не минув “неокласиків” і російський акмеїзм: “Камень” О. Мандельштама, “Вечер” і “Четки” Ахматової, маніфест Городецького, як і Гумільовські огляди російської поезії в “Аполлоні” безперечно сприймалися їми. Стаття В. Жирмунського про поетів “преодолевших символизм” (“Р<усская> Мысль” 1916) спалася з їх власним вибором межі обома течіями»¹⁰. Критика отмечала влияние Мандельштама на Максима Рыльского и Филиповича: «Рильський ніяк не виб’ється з-під

впливу Аненського (не кажучи вже про постійне джерело його творчості – Пушкіна), інколи Мандельштама. Філіпович так само тягне свою нитку від Мандельштама, або Аненського¹¹. [В] процесі утворення нових художніх напрямків і досягнень ролю ферменту відігравали впливи російські (Блока, Гумільова, Мандельштама – на Рильського, Єсеніна – на Сосюру, Пастернака – з одного боку, на Бажана, з другого – на Доленга, Хлебнікова й Петнікова – на Доленга, почасти й на Йогансена, Маяковського – на Семенка й Шкурупія і т. п.)...»¹²

Не только Филинович и Драй-Хмара, но и другие киевские литераторы (в частности, Могилянский и Дейч) видели Мандельштама в Петрограде¹³. Однако известные нам выступления Мандельштама в киевской печати, за исключением антологического опыта, напрямую связаны с его личными приездами. Достаточно вспомнить, что свой первый и без преувеличения судьбоносный визит в Киев поэт осуществил по линии прессы.

В архивном фонде Бюро печати при Совнаркоме Украины (БУП)¹⁴ в Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины хранится телеграмма временно исполнявшего обязанности заведующего Харьковским отделением Евгения Ловчиновского от 24 марта 1919 г.: «Киев / БУП. Люксембургу / Мандельштам выедет <в> Киев 30 или 31, он занят устройством экрана, в чем встретились затруднения, которые успешно преодолеваем. Передача дела Мандельштамом кому-нибудь вредно отразится <на> результатах его, что, конечно, не желательно. Решаюсь задержать его здесь <на> три-четыре дня»¹⁵.

Речь идет об «информации населения проекционным фонарем», о чем Ловчиновский писал в БУП двумя днями ранее. Был ли установлен экран, нам неизвестно, однако привлек Мандельштама к данному делу, вероятно, Владимир Нарбут – в том же фонде сохранилось недатированное командировочное удостоверение: «Предъявителю сего тов. НАРБУТУ члену Коллегии Литературно-Агитационного Отдела при Временном Рабоче-Крестьянском

Правительстве Украины поручается войти в переговоры с представителем Укцентраг о предоставлении витрин для информации населения путем вывешивания световых плакатов»¹⁶. Нарбут эвакуировался в Киев¹⁷, Мандельштам остался в Харькове, и 26 марта 1919 г. Ловчиновский снова телеграфировал: «Киев / БУП. Люксембургу, Нарбуту / Мандельштам хочет взять <с> собой <в> Киев две-три видные литературные силы. Полагаю, что если Литературно-Агитационный отдел будет существовать и работать, то привлечение таких нужных товарищей надо признать желательным. Срочно сообщите свое распоряжение <по> этому вопросу»¹⁸. Как известно, Мандельштам приехал с Рюриком Ивневым. Задержка всего на несколько дней значительно осложняла отъезд из Харькова, поскольку вышел приказ комиссара службы движения Правобережной железной дороги о том, что с 1 апреля 1919 г. «прекращено пассажирское движение на всех участках дороги»¹⁹. 2 апреля заведующий Бюро печати Владимир Люксембург телеграфировал Ловчиновскому из Киева в Харьков: «Мандельштама нет»²⁰, – и мы можем осторожно предположить, что поэт приехал в апреле 1919 г. одним из поездов, организованных для эвакуации большевистских чиновников (так, например, 3 апреля прибыл в Киев нарком А.Г. Шлихтер, 6 апреля – нарком Б.И. Магидов). Последний отголосок сотрудничества Мандельштама с харьковским отделением Бюро печати датирован 18 апреля 1919 г.: «Киев / БУП. Ловчиновскому / <...> Выясните <с> Люксембургом вопрос <о> сотруднице агитотдела Тенцер, теперь явившейся <с> требованием уплаты <за> март, апрель, ссылается <на> Мандельштама <...> / Шатуновский»²¹.

Публикации Мандельштама в киевских изданиях осуществились во многом благодаря его новым знакомствам. Так, редактором ежегодника «Гермес» был Владимир Маккавейский, с еженедельником «Жизнь» сотрудничал Александр Дейч, в газете «Красная Армия» работал Лев Длигач. С напечатанной там заметкой «По красноармейским рукописям» связан не отмеченный в коммен-

тариях анекдот. Единственное произведение, оцененное Мандельштамом положительно, – рассказ «Выдержка», подписанный криптонимом «С. Д-ло», расшифровать который мы не имеем возможности, – напечатано на той же газетной полосе, прямо над рецензией. Однако редактор не согласовал два материала между собой, и с одобрением цитируемые Мандельштамом фрагменты²² отсутствуют в газетной публикации рассказа, сокращенные то ли редактором, то ли самим автором.

Появление имени Мандельштама на страницах киевской периодики носило эпизодический характер, и, возможно, только газета «Пролетарская правда» и примыкавшие к ней издания демонстрировали стойкий интерес к его творчеству. Начиная с января 1922 г. в «Пролетарской правде» регулярно печатались сообщения о новых книгах поэта и сборниках с его участием, анонсы его выступлений и вечеров с чтением его стихов: «Издательством “Петрополис” издается книга новых стихов Осипа Мандельштама (находящегося в настоящее время в Тифлисе) под названием “Три стана” (так!). В Берлине печатается книга того же автора “Камень”»²³.

«Книгоиздательством “Время” сдана в печать первая книга литературно-художественного альманаха. В первой книге принимают участие М. Волошин, О. Мандельштам, И. Эренбург, Ю. Слезкин, Д. Стонов, Н. Шебуев, А. Густинский и др.»²⁴.

«Проездом в Петроград в Кневе остановился известный русский поэт Осип Мандельштам. Во вторник, 7-го марта, им будет прочитана в философской академии лекция на тему: “Акмеизм или классицизм?”. (Внутренний эллинизм в русской литературе. В. Розанов, И. Анненский, А. Блок, лжесимволисты, акмеисты, имажинисты. Выход из акмеизма к классицизму.) После лекции поэтом будут прочтены собственные стихотворения. Начало лекции в 6 ч. вечера, Пушкинская 12»²⁵.

«Во вторник, 7 марта, в киевской философской академии поэтом О. Мандельштамом (так!) была прочитана лекция на тему: “Акмеизм или классицизм”. Лектор

утверждает за русской поэзией для будущего значение, подобное древнеклассической – для прошлого. Так называемую эпоху символизма в русской литературе тов. Мандельштам называет лжесимволизмом, и видит в акмеистической школе русской поэзии – ростки здорового будущего. Лектору оппонировали из публики, не согласные с оценкой Андрея Белого. После лекции О. Мандельштамом был прочитан ряд своих стихотворений»²⁶.

«Киевским Обгосиздатом утверждено новое издательство “Искусство и книга”. Издательство приступает в ближайшие дни к изданию еженедельного литературно-художественного и театрального журнала. К участию в журнале привлечены местные и столичные литературные силы; между прочими: поэты О. Мандельштам, Мих. Гартевельд, реж. Конст. Бережной, Г.Н. Поляк, Красный, П. Герман и др.»²⁷.

«В четверг 17 августа в клубе “Совработник” предполагается устройство вечера поэзии и музыки, и художественного чтения при участии актеров драмстудии клуба, поэтов Марии Альперин, Николая Лядова, Н. Бернера, Льва Длигача, Ольги Прессман <,> молодых музыкантов и композиторов. На вечере будут демонстрироваться четыре основные современные поэтические школы: символисты, футуристы, акмеисты и имажинисты, в лице их крупнейших представителей; будут читаны стихи Блока, Белого, Ахматовой, Мандельштама, Маяковского, Каменского, Хлебникова, Мариенгофа, Есенина и Кусикова. Музыкальная часть будет посвящена современным композиторам. Вступительное слово прочтет О.Н. Блиц»²⁸.

«Сегодня в клубе “Совработник” (Крещатик, 1) состоится “Вечер молодых”. В вечере участвуют поэты: Мария Альперин, Николай Бернер, Лев Длигач, Николай Лядов, Ольга Прессман. <...> Стихи Блока, Белого, Ахматовой, Гумилева, Мандельштама, Маяковского, Каменского, Кусикова, Есенина прочтут артисты драматической студии при клубе “Совработник”. Вступительное слово О. Блица (Е. Пиляя). Начало в 9 с половиной час<ов> вечера. Билеты у входа с 6 час<ов> веч<ера>»²⁹.

«Вечер состоится в субботу, 7 октября, в зале клуба Совработников. В программу вошли наиболее значительные произведения русских и иностранных поэтов. Из иностранной поэзии взяты стихи Верхарна и Уота Уитмена. Русская поэзия будет представлена стихами Брюсова, Мандельштама, Орешина, Есенина, Мариенгофа, Маяковского и друг<их>. Пролетарская поэзия – стихами Александровского, Казина, Тихонова, Герасимова, Артамонова и др.»³⁰.

«1-го октября начинает выходить в Москве новый ежемесячный журнал “Гостиница для путешествующих в прекрасном”. Основная группа участников поэзии – Есенин, Мариенгоф, Мандельштам, Савкин, Ивнев, Эрдман; философия – Шпет; живопись и скульптура – Кузнецов, Котеловская и др.; театр – Таиров и Соколов»³¹.

«Издательством “Кольцо” выпущена в свет первая книжка “Альманах Кольцо”. В альманахе помещены: рассказ Ивана <Ш>мелева “В чужой крови”, стихи Мандельштама “Флоренция”, рассказ Бориса Зайцева “Гибель” и др.»³².

«Мандельштам, совершив путешествие по 18 и 19-му векам, приходит к выводу, что нужно возвратиться к рационализму 18-го столетия. “Столь осмеянный, наивный материализм, схематический разум, друг целесообразности еще послужит человечеству”»³³.

«В Париже вышли: 1) Антология современной поэзии, составленная поэтом Голем. Помещены переводы с тридцати европейских, азиатских, африканских языков. Из русских: Блок, В. Иванов, Сологуб, Брюсов, Белый, Кузьмин, Ахматова, Мандельштам, Маяковский. Есенин, Клюев, Шершеневич, Цветаева, Эренбург»³⁴.

«Приехавший в Киев из Москвы поэт Осип Мандельштам, по приглашению бюро секции работников печати, выступит в субботу, 5-го декабря (так!), с чтением последних своих стихов в Доме Печати (Крещатик, 25)»³⁵.

«Вечер поэта Мандельштама. Начало в 9 с пол<овиной> ч<асов> веч<ера>»³⁶.

«Литературную страницу» газеты вели Осип Блиц и Соломон Пакентрейгер; активно участвовал в редактиро-

вании Рафаил Скоморовский, еще в 1919 г. выступивший с мадригалом Мандельштаму³⁷, а в 1923 г. напечатавший стихотворение «Пусть каждый день горяч и озабочен...» с эпиграфом из «Дома Актера»³⁸. В «Пролетарской правде» публиковали свои стихи, статьи и рецензии Николай Бернер, Николай Лядов, Лев Длигач, Николай Ушаков, Илья Бачелис, Борис Розенцвейг. С августа по октябрь 1922 г. этот же коллектив выпускал еженедельную газету «Понедельник», где в рецензиях Лядова и Исаака Ямпольского упоминался Мандельштам: «И не странно ли, что даже возрождение классической традиции стремятся поставить в связь с революцией? В ней ищет оправдания своему археологизму Мандельштам, пьяный античным вином, весь в созерцании давно умерших миров»³⁹.

«Но не участникам сборника (“Лирический круг”. — П. Б.) создать то классическое искусство, о котором они мечтают. Об этом говорит нам художественная часть сборника. Почти все имена знакомы нам, это — А. Ахматова, В. Ходасевич, С. Соловьев, С. Парнок, А. Глоба, Ю. Верховский, О. Мандельштам и др. Характерно, что и за несколько лет до войны, когда, по словам А. Эфроса, уже чувствовалась ломка всего мира, они были ведь не с футуристами, выразителями этой ломки в искусстве. И в будущем, когда опять явятся нарушители канона, новые писатели, они отнесутся к ним, верно, очень и очень подозрительно. В их классицизме нет того синтеза всех достижений последнего времени, о котором они говорят»⁴⁰.

О тяготении ряда сотрудников «Пролетарской правды» к акмеизму красноречиво свидетельствует явление: «На юге России под знаком “Алтаир” объединилась группа поэтов-акмеистов и неоклассиков, в которую вошли: Александр Миних, Евгений Нежинцев, Николай Нольден, Петр Рыжеей, Рафаил Скомаровский и Николай Ушаков. Готовятся к изданию: Алтаир I, Алтаир II — “Петербургская Муза”»⁴¹. В списке участников этой несостоявшейся литературной группы обращает на себя внимание псевдоним «Нольден», принадлежавший уроженцу Варшавы и жителю Киева Юрию Меньшикову, ставшему в

эмиграции Трубецким. Материалы его следственного дела в Отраслевом государственном архиве Службы безопасности Украины недвусмысленно разоблачают его псевдомемуары о встречах с русскими поэтами в Петрограде в начале 1920-х гг.: Меньшиков не был там в эти годы, но с 1925-го активно сотрудничал с НКВД⁴². Вполне возможно, однако, что он видел Мандельштама в Киеве.

В октябре 1923 г. в «Пролетарской правде» увидела свет большая статья Бориса Розенцвейга: «Основным критерием в психологии современного поэтического творчества надо считать основополагающий факт – крушение Пушкина. <...>

Поэзия Пушкина из категории логической, неотъемлемой, составляющей сущность любого поэта на протяжении Пушкин – Блок, стала теперь категорией исторической, еще являющейся источником преклонения, но уже все меньше, и меньше вдохновляющей. <...>

Мандельштам – последний из дома Пушкиных, полный правный хранитель сосуда с медом классической мудрости.

Еще не так давно это было бы величайшей похвалой – теперь это звучит почти как приговор. Дело в том, что все, сказанное выше, надо целиком отнести и к тем поэтам, которые в конечном счете светят заемным светом Пушкинской кометы. Из таких немногих подлинно-большой поэт – Мандельштам.

В нем есть все, что он мог без подражательности заимствовать из переходящих запасов Пушкинской сокровищницы: и легчайшая образность, и умение расценивать слова на вес, и особый подход к скрытой в слове мелодии, и в то же время какая-то строгая монументальность каждой его вещи.

Формально, эта книга по сравнению с предыдущей – большое достижение. Если там еще многое было от пестроты акмеистских* принципов, от некоторой упрощенности

* Акмеизм (иначе – адамизм) – в общих чертах – литературное течение – круто повернувшее от абстракций символизма в сторону живого человека⁴³.

графики, если там игра чувства напоминала примитивное контрастирование черного с белым, своего рода поэтическое домино – здесь палитра утончилась в большой степени и приобрела какую-то особую яркость и впечатляемость.

Я изучил науку расставанья
В простоволосых жалобах ночных.
Жуют волы и длится ожиданье,
Последний час вигилий городских,
И чту обряд той петушиной ночи,
Когда, подняв дорожной скорби груз,
Глядели вдаль заплаканные очи
И женский плач мешался с пеньем муз.

Изготовленные по утерянному рецепту вдохновенной классичности, эти строки не уступили бы ни одной пяди превосходства даже Овидию – столько в них конденсированного чувства, так круто и жестко в них завернута эта тяжесть разлуки и расставанья.

Если, вообще, поэзия – воспламеняющееся ремесло – здесь оно горит ярким, никогда не потухающим пламенем.

Или возьмите скульптурные строки о декабристах. В них нет патетической гражданственности известных Пушкинских стихов, в них нет и их значения, ибо лирика Мандельштама боится просторов исторических событий, – но по своей четкости, по смелости поэтического контура, они могли бы смело стоять на Сенатской площади:

– Тому свидетельство языческий сенат –
Сии дела не умирают!
Он раскурил чубук и распахнул халат,
А рядом в шахматы играют.
Честолюбивый сон он променял на сруб
В глухом урочище Сибири,
И вычурный чубук у ядовитых губ,
Сказавших правду в скорбном мире.

И какой исключительной тонкости, в которой уже чувствуется трагический закал современности, полны у Мандельштама такие строки:

Ну, что ж, попробуем: огромный, неуклюжий,
Скрипучий поворот руля.
Земля плывет! Мужайтесь, мужи!
Как плугом океан деля,
Мы будем помнить и в летеиской стуже,
Что десяти небес нам стоила земля.

Такова поэзия Мандельштама – поздний, но зрелый плод уходящего неоклассицизма, поэзия внуков пушкинской музыки. Поэтому, к ней, как и к поэзии Пушкина (сохраняя все пропорции), применимы одни и те же подходы – занавес одновременно опустится для одной, как и для другой. И не этим ли трагическим предчувствием исполнено у Мандельштама такое место:

Все перепуталось, и некому сказать,
Что, постепенно холодея,
Все перепуталось и сладко повторять
Россия, Лета, Лорелея.

Муза Мандельштама уже одной ногой вступила в полосу историзма и канонизации. И от этого ей не спастись всем арсеналом ее очарования, – с историей не кокетничают!»

6 января 1924 г. в «Пролетарской правде» был опубликован перевод Мандельштама из Огюста Барбье «Наполеоновская Франция»⁴⁴. В 1925 г. при газете издавался журнал «Факел», где в списке участников в апреле–мае значился Мандельштам – с пометой в скобках «Ленинград»⁴⁵, – но на страницах журнала его произведений нет.

После перехода «Пролетарской правды» на украинский язык в июне 1925 г. часть коллектива «Литературной страницы» переместилась в газету «Киевский пролетарий», выходившую в 1925–1931 гг. на русском языке. В этой га-

зете в мае 1926 г. были опубликованы статьи Мандельштама «Березиль»⁴⁶ и «Сухаревка»⁴⁷. Некоторая путаница с упомянутыми изданиями возникла при комментировании киевского письма Мандельштама к отцу от февраля 1929 г. «Маленькая русская газетка», как и предположили авторы примечаний, – скорее всего, «Вечерний Киев», напечатавший статью «Веер герцогини»⁴⁸ и хвалебный отклик Всеволода Чаговца: «“Египетская марка” занимает обособленное место в ряду литературных произведений последних лет. В этой книге нарушены многие традиции, обязательные для обычной прозы. Кажущаяся иррациональность обусловлена здесь отсутствием видимого сюжетного каркаса и большой философской и формальной сложностью вещи. В двух печатных листах, которые для этого глубокого и кропотливого мастера равны многотомному труду, сконденсирован и преодолён богатейший человеческий и творческий материал.

“Египетская марка” своими корнями переплетена с написанным ранее “Шумом времени”, но в ней все черты мандельштамовской прозы проявлены с еще большей классической честностью. С настойчивостью мужественного мастера Мандельштам доводит мысль до ослепительной выразительности. Здесь нет ни одной случайной запятой. Читатель осязает каждое слово и чувствует его тяжесть, как будто взвешивает его на ладони. Эту книгу можно читать несколько раз, и каждый раз она поразит вас какой-нибудь новой деталью. Единственно, что “Египетскую марку” нельзя отнести к категории тех читательных произведений, которые выгодны для чтения с эстрады. Если к этому присовокупить еще тот общепризнанный факт, что почти никто из писателей не владеет искусством чтеца, то придется признать, что аудитория, тепло принимавшая писателя, состояла из людей, более или менее искушенных в вопросах литературы.

После отрывков из “Египетской марки” Мандельштам прочел несколько стихотворений (“Век”, “1 января 1924 года” и др.).

Слушая эти стихи, с их глубоким, только Мандельштаму присущим дыханием, стараешься понять, почему этот поэт перешел на свою необычайную прозу. Прочитав “Египетскую марку”, или “Шум времени”, чувствуешь, что в этом переходе скрыт глубочайший смысл. Недаром в одной из бесед Мандельштам сказал: “Я чувствую кризис строфы, которая для меня является мирозерцанием”. Для поэта такого масштаба и глубины это – серьезный перелом»⁴⁹.

Кочующее по собраниям сочинений – вплоть до последнего⁵⁰ – утверждение комментаторов, что на русском языке в то время выходила «Пролетарская правда», не соответствует действительности. В 1929 г. «Пролетарська правда» – полностью украиноязычная газета, в чем можно убедиться, прочитав анонс, на который здесь же ссылаются авторы примечаний: «У суботу, в будинку Лікаря – вечір письменника О.Е. Мандельштама. У програмі вірші, прозаїчні уривки, відповіді на запитання. Вхід платний (50 коп.<,> для чл. Д. Л. – 25 коп.). Квітки продаються у будинку Лікаря»⁵¹.

Более детальный, но не учтенный в комментариях русскоязычный анонс появился днем раньше в газете «Киевский пролетарий»: «В субботу 26-го января в Доме врача состоится литературный вечер *Осипа Мандельштама*, автора книг “Камень”, “Tristia”, “Вторая книга”, “Шум времени”, “Египетская марка”. Писатель прочтет последние стихи и прозаические отрывки. В конце вечера ответы на записки. Плата за вход – 50 к., для членов Дома врача – 25 к. Билеты продаются в канцелярии Дома врача ул. Короленко № 45»⁵².

В более подробном комментарии нуждается, на наш взгляд, и фраза «по моей мысли киевские советско-литературные организации затеяли единственный на Украине русский журнал». Справедливое указание на выходившее в Харькове с 1927 г. «Красное слово» можно дополнить литературно-художественным журналом «Прибой», издававшимся в Одессе в 1928–1929 гг., однако больше всего вопросов вызывает появившаяся в примечаниях 2011 г. оценка «по-видимому, эта инициатива развития не получила». По нашему мнению, речь идет об альманахе Ассоциации рево-

люционных русских писателей «АРП» «Ветер Украины», хорошо известном в мандельштамоведении. Первая его книга увидела свет в Киеве в 1929 г., и в ней содержались анонс 2-й (октябрьской) книги и планы последующих, т. е. предполагалось регулярное периодическое издание. В редакцию входили знакомый Мандельштама Лев Длигач, Вера Смирнова и ответственный редактор Борис Турганов. В программной статье Ушакова со знанием дела описывалось участие Мандельштама в литературной жизни Киева⁵³. В статье Лядова цитировалось «Останься пеной, Афродита, / И слово, в музыку вернись»⁵⁴. По-видимому, личное участие Мандельштама в редактировании альманаха действительно не состоялось, как и другие киевские планы того года, перечеркнутые отъездом в Москву, однако «Ветер Украины» создавался в кругу его знакомых и читателей, и нельзя исключить, что с его подачи.

Рассуждением о киевских читателях Мандельштама и хотелось бы завершить наши предварительные заметки. Могилянський и Чаговец были старше его на поколение; Драй-Хмара, Зеров, Филипович, Дейч – сверстники; Ушаков, Скоморовский, Длигач принадлежали к следующему поколению. Таким образом, даже за то десятилетие, когда Мандельштам бывал в Киеве, он обрел три поколения читателей. Конечно, были среди киевлян и хулители – А. Селивановский, Е. Трощенко, был сексот и лжеемуарист Меньшиков (Трубецкой). Но был и Рыльский, участвовавший впоследствии в подготовке тома «Библиотеки поэта»⁵⁵, и, наконец, дети, которые, по ахматовским словам, «не оказались запроданы рябому черту» и среди которых нужно в первую очередь назвать автора поэмы «Осип Мандельштам» Леонида Киселева.

¹ Аполлон. 1913. № 2. С. 72.

² Чтец-декламатор. Т. 3. 3-е изд. Киев, 1913. С. 536–537.

³ *Могилянський Мих.* [Рец. на: Антологія російської поезії в українських перекладах. Вступна стаття й редакція Б. Якуб-

ського. Державне Видавництво України, 1925. Стор. 276, ц. 1 крб.] // Життя й революція. 1925. № 8. С. 83.

⁴ Якубський Б. Валерій Брюсов (1873–1924) // Валерій Брюсов. 1873–1924 / Ст. Ю. Каменєва та Б. Якубського; пер. М. Зерова, М. Рильського та П. Филиповича; заг. ред. Б. Якубського. Харків, 1925. С. 93–94.

⁵ Якубський Б. Перший класик нашої пролетарської літератури: (З приводу трьохліття з дня смерті Вас. Еллана 1925–4-XII–1928) // Літературна газета. 1928. № 24. 15 грудня. С. 2.

⁶ См.: Радько А.В. Борис Якубський у колі українських неокласиків // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету ім. Івана Огієнка. Філологічні науки. Вип. 19. Кам'янець-Подільський, 2009. С. 135–136.

⁷ См.: Соловей Е. Осип Мандельштам і київські неокласики // Вісник Львівського університету. Серія іноземні мови. 2011. Вип. 18. С. 60–66.

⁸ Ашер О. Передмова // Драй-Хмара М. Літературно-наукова спадщина. Київ, 2002. С. 24.

⁹ См.: Зорев П. Новинки русской поэзии // Саратовский вестник. 1916. 10 марта; републикация: Тименчик Р. Около акмеизма // Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана. М., 2010. С. 181–183.

¹⁰ Зеров М. Наші літературознавці і полемісти // Червоний шлях. 1926. № 4. С. 169.

¹¹ Савченко Я. Українська неокласика // Більшовик. 1923. № 206. 13 вересня. С. 5.

¹² Степняк М. Поети «Молодої Музи» // Червоний шлях. 1933. № 1. С. 149.

¹³ См.: Могиланский М.М. Кабаре «Бродячая собака»: Отрывки из повести о днях моей жизни / Публ. А. Сергеева // Минувшее: Исторический альманах. 12. М.; СПб., 1993. С. 172, 175; Дейч А. Арабески времени // Звезда. 1968. № 12. С. 203. Ср. также: Он же. Неживой поэт // Журнал журналов. 1916. № 13. С. 14 (современная перепечатка: Мандельштам О. Камень. Л., 1990. С. 226–227).

¹⁴ См. нашу статью: Побережкина П.Е. Литературные рекомендации Бюро украинской печати (1919 г.) // Кормановские

чтения: Статьи и материалы Межвуз. науч. конф. (Ижевск, апрель, 2010). Ижевск, 2010. Вып. 9. С. 247–255.

¹⁵ ЦГАВО Украины. Ф. 1738. Оп. 1. № 60. Л. 124.

¹⁶ Там же. Л. 66.

¹⁷ См. соответствующий документ: «№ 1142 20/III 19 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявитель сего СОТРУДНИК Лит. Агнт. Отдела Бюро Печати при Совнаркоме Украины тов. НАРБУТ с женой переезжает в КИЕВ вследствие эвакуации Бюро Печати при Совете Народных Комиссаров Украины в поезде Управления Делами Совнаркома.

Просьба оказывать тов. НАРБУТУ всяческое содействие.
За Заведующего Бюро Печати

Секретарь

Делопроизводитель

[На левом поле от руки:] Получил

Брук Нарбут» (Там же. Л. 105).

¹⁸ Там же. Л. 133.

¹⁹ Вести Совета Комиссаров Правобережной (Юго-Западных) жел. д. 1919. № 4. 15 апр. С. 3.

²⁰ ЦГАВО Украины. Ф. 1738. Оп. 1. № 60. Л. 169.

²¹ Там же. Л. 209.

²² «Курили много, курили до того, что свет от маленькой лампы казался сизым и умирающим. <...>

“Нет, братцы, что ни говорите, заметил. Зелев, а кровавое было время, по-моему, это была настоящая наша жизнь. А теперь что?”

Ну это романтика, пробасил Батрак: “разве теперь мы не боремся, разве некуда силы приложить. Ты вот сидишь, как колода, а почему? потому, что целый день сегодня боролся с еще большим бандитом, боролся с темнотой. С этим бандитом у нас теперь борьба; а надо будет – мы шашками умеем”» (*Мандельштам О. По красноармейским рукописям // Красная Армия. 1924. № 841. 13 янв. С. 3).*

²³ Новые издания // Пролетарская правда. 1922. № 1. 1 янв. С. 3.

²⁴ Книжные новости // Там же. № 50. 4 марта. С. 4.

²⁵ Лекция О. Мандельштама // Там же. № 51. 5 марта. С. 4.

- ²⁶ Лекция поэта О. Менделыштама (так!) // Там же. № 57. 14 марта. С. 4.
- ²⁷ Новое издательство // Там же. № 65. 24 марта. С. 2.
- ²⁸ «Вечер молодых» // Там же. № 182. 13 авг. С. 6.
- ²⁹ Там же. № 192. 26 авг. С. 3.
- ³⁰ Там же. № 224. 4 окт. С. 3.
- ³¹ «Гостиница для путешественников» // Там же. № 225. 5 окт. С. 5.
- ³² Издательство «Кольцо» // Там же. № 240. 21 окт. С. 5.
- ³³ *И.* [Рец. на: Гостиница для путешественников в прекрасном. № 1. Москва. 1922 г.] // Там же. № 290. 17 дек. С. 4.
- ³⁴ Книга за рубежом // Там же. № 293. 21 дек. С. 5.
- ³⁵ Вечер поэта О. Мандельштама // Там же. 1924. № 3. 4 янв. С. 6.
- ³⁶ Дом печати и просвещения // Там же. № 4. 5 янв. С. 4.
- ³⁷ См.: *Скоморовский Р.* «И только нам удел Дамокла...» // Дальние окна: Альманах. Киев, 1919. С. 32; републикация О. Лекманова: «Сохрани мою речь». Вып. 3. Ч. 2. М., 2000. С. 272, 274.
- ³⁸ Пролетарская правда. 1923. № 33. 11 февр. С. 5; републикация: «Сохрани мою речь...». Вып. 5. Ч. 2. М., 2011. С. 609.
- ³⁹ *Лядов Н.* Поэты перед лицом революции // Понедельник. 1922. № 2. 21 авг. С. 3.
- ⁴⁰ *Ямпольский И.* [Рец. на: Лирический круг. Страницы поэзии и критики. Вып. 1. Кн-во «Северные дни». М. 1922. Стр. 98] // Там же. № 5. 11 сент. С. 7.
- ⁴¹ «Алтаир» // Пролетарская правда. 1922. № 108. 17 мая. С. 4.
- ⁴² См.: ОГА СБУ. Ф. 6. № 67093 фп. Т. 542. «ВЕСНА». Следственные материалы на Нольдена-Меньшикова Юрия Павловича. См.: *Поберезкина П.* Дело Нольдена-Меньшикова // Авангард и остальное: Сб. ст. к 75-летию Александра Ефимовича Парниса. М., 2013. С. 477–483.
- ⁴³ *Розенцвейг Б.* Последний из дома Пушкиных: (О новой книге Мандельштама) // Пролетарская правда. 1923. № 229. 7 окт. С. 5.
- ⁴⁴ См.: *Мандельштам О.* Наполеоновская Франция: (Из Огюста Барбье) // Там же. № 5. 6 янв. С. 5.
- ⁴⁵ Факел. 1925. № 6, 7, 8. Апрель–май. 2-я с. обложки.
- ⁴⁶ См.: *Мандельштам О.* «Березіль» // Киевский пролетарий. 1926. № 102. 7 мая. С. 5.

- ⁴⁷ См.: *Мандельштам О.* Сухаревка: (Московский очерк) // Там же. № 110. 16 мая. С. 2.
- ⁴⁸ См.: *Мандельштам О.* Веер герцогини // Вечерний Киев. 1929. № 20. 25 янв. С. 2.
- ⁴⁹ *Ч<аговец В.>*. Вечер Осипа Мандельштама // Там же. № 23. 29 янв. С. 4.
- ⁵⁰ См.: *Мандельштам О.Э.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1999. Т. 4: Письма. С. 394; *Он же.* Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2011. Т. 3: Проза. Письма. С. 798.
- ⁵¹ Вечір Йосипа Мандельштама в будинку Лікаря // Пролетарська правда. 1929. № 20. 25 січня. С. 4.
- ⁵² Вечер О. Мандельштама в Доме врача // Киевский пролетарий. 1929. № 19. 24 янв. С. 4.
- ⁵³ *Н. У<шаков>*. Киев и его окрестности // Ветер Украины. Киев, 1929. Кн. 1. С. 122–124, 128.
- ⁵⁴ *Лядов Н.* Рождение украинской кинокультуры // Там же. С. 159.
- ⁵⁵ См. его письмо В.Н. Орлову 14 октября 1960 г.: *Рильський М.Т.* Зібрання творів: У 20 т. Київ, 1990. Т. 20: Листи (1957–1964). С. 183.

Борис Фрезинский

МАНДЕЛЬШТАМЫ И ЭРЕНБУРГИ

Герои этого исследования – две пары: Осип Эмильевич и Надежда Яковлевна Мандельштамы и Илья Григорьевич и Любовь Михайловна Эренбурги. Жены обоих писателей – киевлянки и одногодки, молодые художницы – были знакомы друг с другом и дружны еще до личного знакомства с будущими мужьями; и это обстоятельство по-своему влияло и на взаимоотношения самих писателей, а после гибели Мандельштама дружба Эренбургов с Надеждой Яковлевной была немаловажным фактором борьбы за воскрешение поэзии Мандельштама в СССР.

Ограничение объема статьи не позволяет воспользоваться всей имеющейся по этой теме информацией, и мы сосредоточимся лишь на узловых ее сюжетах.

Совпадения и расхождения в биографиях главных героев (1891–1914)

Мандельштам на две недели старше Эренбурга; они оба родились в благополучных, т. е. имеющих право жительства вне черты оседлости, еврейских семьях. Оба были первыми мальчиками в своих семьях, причем Мандельштам – старшим ребенком с пониманием традиционной значимости этого факта, а Эренбург – наоборот, младшим и потому избалованным. Оба (и это было сознательное

решение родителей) не получили еврейского образования: О. Э. учился в Тенишевском училище Петербурга, а И. Г. – в 1-й московской мужской гимназии. Оба учились посредственно, предпочитая лишь те предметы, что им были интересны. И оба, хотя в разной мере, были увлечены вихрем революционных событий 1905–1907 гг. Мандельштам (показателен его очерк «Кровавая мистерия 9-го января») с 1907 г. был связан с партией эсеров (через друга Б. Синани), что никак не помешало ему получить аттестат зрелости. Эренбург активно участвовал в событиях 1905 г., его старшие друзья Бухарин и Сокольников вовлекли его в РСДРП; почти год он пропускал занятия, не сдал экзаменов, был оставлен на второй год, все более погружался в подпольную работу, подвергался обыскам, ушел из гимназии, был арестован, сидел, высылался, был отпущен под залог за границу и в декабре 1908-го оказался в Париже.

Родители Мандельштама, обеспокоенные его революционными увлечениями, по окончании им училища в 1907 г. отправили его в Париж, что помогло ему отвлечься от политики. Сначала он учился в Сорбонне, потом в Гейдельберге; затем решил продолжить учебу в Петербурге. Но 3%-ная квота для евреев при посредственном аттестате не давала ему шансов стать студентом. Потому в 1911-м он крестился по протестантскому обряду и в 1911–1917 гг. был студентом историко-филологического факультета Императорского Петербургского университета, получив в 1917-м выходное свидетельство.

Эренбург приехал в Париж с законченными пятью классами гимназии, и все дальнейшее его образование получено самостоятельно (отсюда многочисленные пробелы в знаниях, особенно заметные в молодости; потом длительная жизнь за границей и неограниченный доступ к свободной литературе на разных языках существенно изменили его положение).

Теперь о литературе.

Мандельштам пишет стихи с 1907-го, в 1908-м – уже достойные внимания, в 1909-м посещает «Башню»

Вяч. Иванова, в 1910-м печатается в «Аполлоне», в 1911-м знакомится с Ахматовой и входит в Цех поэтов.

Эренбург начал писать стихи в 1909-м после издания в Париже сатирического журнала «Бывшие люди» и изгнания Лениным за это из большевистской группы. С 1910-го его стихи печатаются в питерских и московских изданиях; в том же году в Париже издает за свой счет книгу «Стихи», замеченную критикой в России (о ней писали Брюсов, с которым он переписывался, Волошин, с которым он вскоре подружился, Гумилев, Северянин, написавший стихи о его стихах, Кузмин, в предисловии к «Вечеру» Ахматовой заметивший: «Среди совсем молодых поэтов, разумеется, есть и другие, стремящиеся к тонкой и, мы бы сказали, хрупкой поэзии», и следом «других» назвавший: Эренбург, Мандельштам, Цветаева).

В 1911-м в Ницце у Эренбурга рождается дочь. В 1912-м в № 3 журнал Цеха поэтов «Гиперборей» печатает стихи Эренбурга и рецензию Мандельштама на его третью книгу «Одуванчики», которую рецензент противопоставил его первой книге: «Скромная, серьезная быль г. Эренбурга гораздо лучше и пленительнее его “сказок”»; отметив, что поэт «очень простыми средствами достигает подчас высокого впечатления беспомощности и покинутости», Мандельштам признался: «Приятно читать книгу поэта, взволнованного своей судьбой, и осязать небольшие, но крепкие корни неслучайных лирических настроений <...> Один из немногих г. Эренбург понял, что от поэта не требуется исключительных переживаний».

В заключение этого раздела отметим одновременный (1913–1915) интерес обоих поэтов к французской поэзии. Из современников – к Франсису Жамму: он отразился в варианте стихотворения Мандельштама «Аббат» («И, самый скромный современник, / Как жаворонок, Жамм поет»); у Эренбурга он проявился обстоятельнее – в переводах¹, в личном общении²; в посвященной ему книжке³; недолговечное влияние Жамма могло изменить его жизнь⁴. Из старых поэтов – к Франсуа Вийону (и вообще французским поэтам Средневековья). Мандельштам увлекся им раньше

Эренбурга, который, приступая в 1915-м к переводам, был знаком уже со статьей Мандельштама «Франсуа Виллон» в «Аполлоне» и с напечатанными там переводами Гумилева, равно как и с основными французскими трудами о Вийоне. В 1916-м книга переводов Эренбурга из Вийона вышла в Москве; ее экземпляр был отправлен из Парижа в Петроград с надписью «Поэту Мандельштаму. И. Эренбург. 1916»⁵.

По примеру «Гиперборея» Эренбург в 1914-м начал издавать поэтический журнал «Вечера»; в № 1 (май 1914) он писал: «Потребность издания журнала стихов давно назрела. Лишь прекрасное начинание петербургского Цеха Поэтов “Гиперборей” отчасти заполнило этот пробел»; из акмеистов в «Вечерах» успел напечататься (в № 2) лишь М. Зенкевич (№ 3 из-за войны не вышел). В ту пору Эренбург воспринимался столичными критиками как поэт, близкий акмеистам. К. Чуковский в статье «Цветущий посох»⁶, заметив, что акмеисты не музыканты, но каменщики, утверждал: «У акмеистов Эренбурга и Мандельштама много таких *каменных* стихов...»

Первая мировая война

Осенью 1914-го обоих поэтов освободили от службы в армии из-за слабого сердца (Мандельштам – в Петербурге, а Эренбурга, пытавшегося записаться добровольцем, – в Париже). Мандельштам потом в Варшаве стал добровольцем-санитаром, но ненадолго. Эренбургу же удалось (не сразу) стать корреспондентом русских газет на франко-германском фронте, где он увидел войну лицом к лицу, из окопов и госпиталей. И эти картины, наряду с варварством немецких разрушений во Франции, сценами пошлой скуки тыла, тоской солдатских госпиталей и тупыми фразами упорных русских крестьян, пригнанных помогать французской армии, наполнили его статьи, репортажи и многословные стихи («прозаизмы и истерика» – по самооценке 1935-го⁷). Его статьи и в московском

«Утре России» в 1915-м и в петроградских «Биржевых ведомостях» в 1916-м подвергались жестокой военной цензуре. Резкое неприятие войны Эренбургом легко читается в сохранившихся письмах Волошину и Савинкову, в его статьях и книге «Лик войны»⁸. Оно способствовало расхождению поэтических путей Эренбурга, резко ушедшего от акмеизма, и Мандельштама, с ним оставшегося. Это было полемически декларировано Эренбургом в 1918-м уже в России, когда он прочел стихи петроградских поэтов военных лет: «Во всех этих безукоризненных ямбах и хореях сколько величайшей неправды! Вот “оранжевые” и “синие” книги, и вот скуластые пермяки, которые прямо и честно ходят в штыки. А на Парнасе бряцают звонкими рифмами и размахивают хоругвями наспех придуманных лозунгов»⁹. Такие же упреки Эренбург обращал в статье «Война и французская поэзия» даже к лично ему знакомому и ценимому поэту: «Гийом Аполинер и другие “крайние” в своих ревью продолжают без знаков препинания и удручая наборщиков разнообразием шрифтов, печатать свой малопонятный бред. Их лексикон лишь обогатился десятком новых слов: “штыки”, “зуавы”, “митральезы”, “субмарины” и проч.»¹⁰. «Непоэтичная» поэтика стихов Эренбурга военных лет выражала его тогдашнее мироощущение, и он писал об этом 7 августа 1916 г. не признавшему его книгу «Стихи о канунах» Брюсову: «То, что Вам кажется отвратительным, отталкивающим – я чувствую как свое, подлинное, а значит, ни красивое, ни безобразное, а просто должное. Пишу я без рифмы и “размеров” не по “пониманию поэзии”, а лишь потому, что богатые рифмы или классический стих угнетают мой слух»¹¹. То, что Мандельштам на другом этаже осознания войны насыщал стихи погружением в контекст европейской истории, увеличивая плотность и смысловую нагрузку стиха, порождало тогда у Эренбурга поверхностное ощущение парнасского эстетизма, ухода от реалий мирового катаклизма. В свою очередь, Мандельштам, похоже, считал тогдашние стихи Эренбурга попросту слабыми (так же высказался потом о многих из них и сам автор¹²).

Сумерки свободы (1917–1938)

Личное знакомство с Мандельштамом состоялось у Эренбурга летом 1918 г. в Москве, куда он смог вернуться после Февральской революции, отменившей приговоры по политическим делам царских времен. В январе 1918-го в Москве вышла его яростно антибольшевистская книга стихов «Молитвы о России», разделившая читающую публику на горячих политических поклонников¹³ и столь же нетерпимых противников¹⁴. 24 мая 1918 г. в петроградской эсеровской газете «Знамя труда» Мандельштам напечатал стихи «Сумерки свободы». Эренбург услышал их в Москве в исполнении автора и описал в статье «Стилистическая ошибка», напечатанной также в эсеровской газете¹⁵. Мандельштам сначала появляется в ней инкогнито в «неком небезызвестном салоне», причем мы узнаем, что этот «безукоризненный эстет из “Аполлона” с жаром излагал свои большевистские идеи», а затем он перешел к стихам. «Здесь-то, – пишет Эренбург, – и произошло некоторое замешательство. Среди прочих стихотворений оказалась хвалебная ода Керенскому¹⁶. Герои поэта – большевики – в одном произведении презрительно именовались “октябрьскими жалкими временщиками”. Здесь, каюсь, и я удивился и даже полюбопытствовал:

- Когда вы написали это стихотворение?
- Зимой, в ноябре.
- Значит, вы с тех пор изволили переменить ваши убеждения?
- Нет! (сие с достоинством)
- А “временщики”?
- Это... Но это – стилистическая ошибка...»

Затем в статье речь идет о неанонимных поэтах, принявших большевизм (Блок, приглашающий слушать музыку революции, и т. д.), и среди них: «Мандельштам, изведав прелесть службы в каком-то комиссариате, гордо возглашает: как сладостно стоять ныне у государственного руля!» Заметим, что слово «руль» в этом и многих иных высказываниях Эренбурга неизменно отсылало к «Сумер-

кам свободы»; столь же воспаленно Эренбург воспринимал тогда позицию Белого, Есенина, Клюева, Маяковского, даже Кузмина. Перечисляя страшные события последнего времени («Октябрь и Брест, падающие с голоду люди и матросские утехы в Севастополе...»), не замечаемые теми, кто слушает музыку революции, Эренбург сказал: «Пишите, еще есть время, а кончится... Что ж, будете восхвалять другое... стилистическая ошибка». Свой выбор между красными и белыми Мандельштам сделал уже тогда, а Эренбург – двумя годами позже.

В октябре 1918-го Эренбургу пришлось бежать из Москвы на Украину, не желая быть взятым в заложники. В написанной в Киеве в конце года статье «На тонущем корабле»¹⁷ в списке поэтов, «очарованных катастрофой», куда входят те же Блок, Белый, Есенин, Маяковский, Каменский, Мандельштам уже нет. В феврале 1919-го Мандельштам бежит из Москвы, опасаясь, что начнут преследовать эсеров, и в конце марта – начале апреля оказывается в Киеве. Здесь он систематически общается с Эренбургом и участвует в литературной жизни (клуб ХЛАМ, Мастерская художественного слова)¹⁸. Его стихи из книги “*Tristia*” произвели огромное впечатление на Эренбурга, и он часто читал их своим друзьям¹⁹. В конце августа Мандельштам с братом Александром перебирается в Харьков, а затем в любимый Крым (Феодосия и Коктебель).

Пережив в Киеве смену четырех режимов (при каждом казалось, что предыдущие были лучше, и при каждом он находил свою нишу), Эренбург в октябре тоже двинулся через Харьков и Ростов в Крым к Волошину, куда прибыл в конце декабря. Здесь он не раз общался с Мандельштамом – и в Коктебеле, и в Феодосии.

Именно в Крыму 1920 г. Эренбург написал «портрет» Мандельштама²⁰, построенный на контрасте: «...бедный Мандельштам, который никогда не пьет сырой воды, и, проходя мимо участка-комиссариата, переходит на другую сторону, – один понял пафос событий. Мужички голосили, а маленький хлопотун петербургских и других кофеен, постигнув масштаба происходящего, величие истории

творимой, после Баха и готики, прославил безумие современности: “Ну что ж, попробуем: огромный, неуклюжий, / Скрипучий поворот руля”».

В 1920-м Мандельштам и Эренбург напечатали свои крымские стихи в феодосийском «Ковчеге»²¹. В Крыму Эренбург окончательно принял сторону красных, отдав должное мудрости Мандельштама, опередившего его на два года в понимании предстоящих стране перемен. Эренбург неоднократно цитировал «Сумерки свободы» (в стихах, в романе «Хулио Хуренито»²², в книге «Белый уголь, или Слезы Вертера»...) в контекстах, позволявших судить об эволюции его собственных взглядов. Строчки Мандельштама «Ну что ж, попробуем: огромный, неуклюжий / Скрипучий поворот руля» стали знаковыми в его текстах²³ вплоть до 1960-х гг.²⁴... В статье Эренбурга «Русская литература в 1922 году», напечатанной по-французски, содержится все то же противопоставление поэзии Москвы и Петрограда; среди питерских стихотворцев, однако, (по Эренбургу) «всего лишь два настоящих поэта – Анна Ахматова (Anno Domini, 1921) и Мандельштам (Tristia)»²⁵.

В Крыму Эренбург помогал освобождению арестованного белыми Мандельштама, который, освободившись, вместе с братом бежал морем в Батум. В том же сентябре 1920-го Эренбург повторил тот же путь, и уже 26 сентября в тифлисской консерватории состоялся их совместный, открытый словом Г. Робакидзе, поэтический вечер, в котором принял участие актер Н. Ходотов.

Именно Эренбург получил в представительстве Советской России в Тифлисе для себя, своих спутниц и братьев Мандельштамов документы на проезд из Владикавказа в Москву, куда они после вполне драматической поездки прибыли в октябре 1920-го. В марте 1921-го Эренбург с женой отправился в «творческую командировку» на Запад, и с тех пор его общение с Мандельштамом стало редким. Они безусловно виделись в 1924-м, возможно – в 1926-м, точно – в 1932-м²⁶ и 1938-м. Из событий этих лет отметим поэтическую рецензию Эренбурга на книгу Мандельштама “Tristia” (Петроград, 1922)²⁷, а также сюжет,

связанный с совершенно неожиданной поездкой Эренбурга в Воронеж 16–18 июля 1934 г. (для камуфляжа он присоединился к начальнику строительства магистрали Москва – Донбасс, ехавшему в Воронеж, но о магистрали ни слова не написал); однако в Воронеже найти Мандельштама не смог; думаю, что словам в мемуарах: «Летом 1934 года я искал его в Воронеже»²⁸ можно верить. Я спрашивал Н.Е. Штемпель о том, какие были разговоры в доме Мандельштама, когда в Воронеж приехал Эренбург, и она мне ответила 15 октября 1985 г.: «В период моего знакомства и постоянного общения с Мандельштамом, как Вы выражаетесь, “эренбурговская тема” не возникала. Из своих современников очень часто О. Э. вспоминал Ахматову, Пастернака, Шкловских, как то – Тынянова, Катаева (последний прислал свою книгу с надписью). Я думаю, что в 1934 году Мандельштамы не могли видаться и не виделись с И. Г. Основания: Н. Я. попала надолго в больницу с сыпным тифом, О. Э. чувствовал себя ужасно. Вначале – гостиница, потом в привокзальном поселке снял застекленную терраску... “Эренбурговская тема” появилась у Н. Я. после смерти О. Э.»²⁹. Думаю, что все же со встречи в 1938-м, но, конечно, никак не раньше: с начала 1930-х Эренбург воспринимался прежними знакомцами как «просоветский турист из-за рубежа».

Заметим, что в 1930-е гг. с Мандельштамом в Москве и Ленинграде общался зять Эренбурга поэт и прозаик Б.М. Лапин³⁰ и это был надежный источник информации для И. Г.

Последняя встреча Мандельштама с Эренбургом была в Москве в начале 1938 г.; тогда Эренбург и подарил Мандельштаму свое желтое кожаное пальто, в котором О. Э. отправился на Лубянку³¹; сохранившуюся у Эренбурга тетрадку с переписанными им стихами Мандельштама он потом передал вдове поэта.

Последние слова Мандельштама, сказанные им незадолго до смерти об Эренбурге, передал ему в начале 1952-го освобожденный из заключения физиолог В.Л. Меркулов (о встрече с ним Эренбург упоминает в мемуарах³²). Но

сами эти слова Мандельштама не приводит Эренбург; они теперь известны: «Вы человек сильный. Вы выживете. Разыщите Илюшу Эренбурга... Я умираю с мыслью об Илюше. У него золотое сердце». Вряд ли Меркулов передал писателю, что Мандельштам «Эренбурга считал талантливым очеркистом, но слабым поэтом»³³. Надежда Яковлевна прокомментировала предсмертные слова мужа так: «Он правильно указал биологу на Эренбурга <...> потому что никто из советских писателей, исключая Шкловского, не принял бы в те годы такого посланца»³⁴...

Надежда Яковлевна и Эренбурги

Эренбург познакомился с Н.Я. Хазиной в Киеве в 1918 г.; она дружила и училась вместе с его двоюродной племянницей (по матери) Л.М. Козинцовой, которая 13 августа 1919-го стала его женой. А в мае 1919 г. Н.Я. познакомилась с Мандельштамом.

Вот ее свидетельство: «Я обещала приехать в Крым, но не решилась <...> Мандельштам вернулся в Москву с Эренбургами. Он поехал в Петербург и, прощаясь, попросил Любу, чтобы она узнала, где я. В январе Люба написала ему, что я на месте, в Киеве, и дала мой новый адрес — нас успели выселить. В марте он поехал за мной — Люба и сейчас называет себя моей свахой»³⁵. (В конце 1960-х гг. Б.М. Сарнов записал рассказ Л.М. Козинцевой-Эренбург: «Я знала, что Ося влюблен в Надю, что у них все давно сговорено. Но Надя томилась в Киеве, а он болтался то в Москве, то в Питере, и делать решительный шаг не спешил. И вот, страдая за подругу, Любовь Михайловна однажды не выдержала и сказала ему: “Ося, по-моему, вам надо поехать в Киев за Надей и привезти ее сюда”. Осип Эмильевич послушался. Поехал и привез. А совсем недавно, закончила свой рассказ Любовь Михайловна, вспомнив про это, я сказала Наде: “Ты должна проклинать меня. Ведь это я обрекла тебя на твою ужасную, кошмарную жизнь!” И что она вам ответила? — спросил я. — Она сказала: “За всю

жизнь у меня не было ни одного дня, когда я пожалела бы об этом»³⁶.)

Приведем фрагмент письма Н. Я. 1966 г. к Л.М. Козинцевой-Эренбург: «У меня ощущение, что я начала жить с тех пор, когда мы встретились – очень важными девочками – в мастерской у Мурашко³⁷. И с тех пор у меня всегда было светлое чувство любви к вам и ощущение вашей дружбы. Оно не изменяло мне, хотя судьба разводила нас на неслыханные расстояния, но я всегда была уверена в вашем отношении и никогда не отходила от вас. Мы обе скупы на добрые слова и на признания, обе прожили трудную и разную жизнь, но всегда, по-моему, ценили наши редкие встречи вдвоем и всегда нам обоим было хорошо во время этих встреч (не то, чтобы я не ценила Илью Григорьевича – я люблю его и уважаю; но наши немногословные отношения – они “отдельные”). Это знала, между прочим, чуточку ревновавшая к вам Анна Андреевна (Ахматова. – Б. Ф.), и она всегда спрашивала меня о вас и в угоду мне рассказывала, тысячу раз повторяя одно и то же, милые подробности ваших с нею встреч. Помните, как мы приезжали с ней к вам обедать и нас чуть не засыпало снегом? ей тогда пришлось пройти большой кусок пешком по глубокому снегу, и она очень испугалась. Поэтому она часто потом ворчала, что вы спрятались на дачу, куда ей не добраться, и что у вас нет обычая приходить к ней, когда вы приезжаете в Москву... Но не в этом дело, а в нас с вами. Мы были девочками, стали женщинами, а потом старухами (хотя к вам это слово неприменимо, благодаря чуду вашей красоты, которой я всегда почему-то гордилась и хвасталась, почему? Ведь красота-то ваша, а не моя! а все-таки чуточку и моя, раз мы подруги); а вся жизнь-то все-таки, хоть и порознь, но чем-то была вместе; и вы моя подруга, с которой так хорошо посидеть и поговорить просто так – ни о чем – или о чем-нибудь, все равно как... Поправляйтесь же скорее и выходите из больницы, я брошу курить и мы спокойно посидим рядышком. Хорошо? Ваша Надя»³⁸.

Первый раз после 1938-го Н. Я. увиделась с Эренбургом в начале декабря 1940-го, когда приезжала на три

дня в Москву (в июле он, подавленный, вернулся из оккупированного гитлеровцами Парижа). 6 декабря она сообщила об этом Б.С. Кузину: «Одна встреча. Я не хотела ни к кому заходить. Спускалась по лестнице. Шел Илья Григорьевич. Он очень болел. Думали, что рак. Потерял полпуда. Сейчас ничего. Нервное потрясение. Видела его только на улице. Он уже с полгода здесь. Ходит гулять с собачкой. Пишет стихи. Какие, не знаю. Видела его только на улице. Но, пожалуй, это была лучшая из встреч. Он говорил о стихах, и т. к. он сам вернулся (да еще после потрясения) к стихам – я поняла, что это для него самое основное. Я рада, что не зашла к нему. Он понимает, что я не хожу. Рада, что его видела»³⁹. В воспоминаниях Н. Я. приводит тогдашние слова Эренбурга: «Есть только стихи: “Осы” и все, что Ося написал», они прокомментированы ею так: «Единственное, что осталось от того отчаяния, это отношение к Мандельштаму, который стал для него поэзией и жизнью на фоне общего безумия и гибели»⁴⁰.

Следующим было ее письмо Эренбургу из Ташкента 22 марта 1944 г.: «Живу с Анной Андреевной <Ахматовой>. Она скоро уезжает, а я может здесь останусь.

Если будете пить вино, выпейте за живых и мертвых и пришлите о том телеграфное извещение»⁴¹. Это письмо Эренбургу привез В.Д. Берестов⁴², а потом заходил и его приятель Э.Г. Бабаев, и Эренбург его порастил советом: «Уезжайте домой, чем дальше, тем лучше. Бросьте ваш институт, если он вам не по душе. Проситесь в армию, поезжайте в полк, служите, все будет лучше Литературного института, где вас затравят именно за то, что вас рекомендовала Анна Ахматова, за то, что вы привезли мне письмо вдовы несчастного Мандельштама»⁴³. Это было сказано еще до постановления 1946 г.

«Я готов ко всему», – сказал мне Эренбург, прощаясь в передней, – вспоминала Н. Я. – Это была эпоха дела врачей и борьбы с космополитизмом, а его черед надвигался. Эпоха следовала за эпохой, а мы всегда были готовы ко всему»⁴⁴.

В письме Н.Я. Эренбургу 25 марта 1955 г. ощущается резонанс его «Оттепели»: «Очень хотелось бы тебя ви-

дочь. Рада тебе сказать, что я много слышу о тебе добрых и теплых слов. Знаешь, что самое главное? спокойно работать. Мне бы, конечно, хотелось, чтобы это была книжка о поэзии. Я верю в нее. Любопытно, что всех интересует вопрос, о чем будет твоя следующая книга, и очень часто предполагают, что это будет либо стихи, либо книга о стихах». Возможно, что за этим стояла надежда, что Эренбург напишет и об О. Э. Но напечатать в СССР человеческий текст о Мандельштаме тогда было невозможно.

Вот характерный пример. В июле 1956 г. во время летнего отпуска главного редактора «Литературной газеты» Вс. Кочетова (оголтелого сталиниста и – попутно – антагониста Эренбурга) молодые сотрудники редакции («антикочетовцы») заказали Эренбургу статью о стихах Бориса Слуцкого. Эренбург написал, начав абзацем о первом послеоктябрьском десятилетии русской поэзии: «Тогда раскрылись такие большие и не похожие друг на друга поэты, как Маяковский и Есенин, Пастернак и Марина Цветаева; по-новому зазвучали голоса Александра Блока, Ахматовой, Мандельштама...» Эта фраза стала известна лишь сорок лет спустя из гранок статьи, сохраненных Эренбургом⁴⁵. А в газете фразу цензурировали: «Тогда раскрылись такие большие и не похожие друг на друга поэты, как Маяковский, Есенин, Пастернак, Асеев, по-новому зазвучали голоса Александра Блока, Ахматовой, Цветаевой...»⁴⁶ То есть в 1956-м (до осени 1958-го!) Пастернаку еще можно было стоять рядом с Маяковским, а Цветаевой нельзя, имя же Мандельштама в «положительном» контексте считалось абсолютно не упоминаемым.

В 1955 г., начав борьбу за реабилитацию Мандельштама письмом в прокуратуру, Н. Я. назвала в нем трех писателей, могущих дать убедительную для этого органа характеристику погибшего поэта: А. Сурков, К. Чуковский и И. Эренбург.

28 февраля 1957 г. после реабилитации Мандельштама по последнему делу Союз писателей учредил комиссию по его наследию, включив в нее и Эренбурга.

В 1959–1965 гг. Илья Григорьевич работал над мемуарами «Люди, годы, жизнь»; писались они на пределе возможного по условиям тогдашней цензуры, купюр при печатании было множество; 14-я глава 2-й книги (Новый мир. 1961. № 1), посвященная Мандельштаму, для массы советских читателей оказалась первым открытым повествованием о запрещенном и уничтоженном поэте (среди девяти русских поэтов XX в., которым посвящены в книге «Люди, годы, жизнь» портретные главы, лишь Маяковского, Есенина и Брюсова тогда издавали в СССР). Не забыл автор и эпизод 1918 г.: процитировав “*Tristia*”, он написал: «В первые годы революции его словарь, классический стих воспринимался как нечто архаическое. Мне эти строки теперь кажутся вполне современными, а стихи Бурлюка – данью сгнувшей моде»⁴⁷.

В главе о Мандельштаме полностью или фрагментарно впервые публиковались его стихи, широко цитировался не опубликованный тогда «Разговор о Данте».

Мемуары Эренбурга подвергались в советской прессе очень резкой атаке. Ее пик пришелся на некомпетентное и хамское выступление Хрущева. В ответ Эренбург получил немало сочувственных писем друзей⁴⁸. Среди них было и письмо Н. Я.: «Дорогой Илья Григорьевич! Я много думаю о тебе (когда думают друзья, то у того, о ком думают, ничего не болит) и вот, что я окончательно поняла. С точки зрения мелко-житейской плохо быть эпицентром землетрясения. Но в каком-то другом смысле это очень важно и нужно. Ты знаешь, что есть тенденция обвинять тебя в том, что ты не повернул реки, не изменил течение светил, не переломил луны и не накормил нас лунными коврижками. Иначе говоря, от тебя хотели, чтобы ты сделал невозможное, и сердились, что ты делал возможное. Теперь, после последних событий, видно, как ты много делал и делаешь для смягчения нравов, как велика твоя роль в нашей жизни и как мы должны быть тебе благодарны. Это сейчас понимают все. И я рада сказать тебе это и пожать тебе руку».

Эренбург не дожил до издания *ни одной* посмертной книги Мандельштама, ни одного вечера его памяти

в Союзе писателей. Было две удачи: публикация стихов Мандельштама Эренбургом в алма-атинском (!) журнале «Простор» и вечер, посвященный Мандельштаму (24 апреля 1965) на мехмате МГУ. Первый после его гибели. Отчет о вечере напечатал лишь журнал «Грани», и то через пять лет⁴⁹. На вечере председательствовал и выступил Эренбург. Говорили А. Тарковский, В. Шаламов, Н. Степанов и др. Н.Я. на вечере была, но не выступала.

В заключение несколько важных высказываний.

Из воспоминаний близкого друга Эренбурга поэта Бориса Слуцкого: «Во время последней нашей встречи, состоявшейся за сутки до его смерти, мы не писали списков (любимых поэтов⁵⁰. – Б. Ф.), но разговор о поэзии и поэтах возник. Я хорошо помню, как И. Г. сказал: “Для меня лишь Марина и Мандельштам. Хотя я понимаю, что значение Пастернака больше”. – Кажется, он сказал: конечно, больше. Разговор шел о любимых современных поэтах»⁵¹.

Даря Любове Михайловне вышедшую в 1968-м книгу Мандельштама «Разговор о Данте», Н. Я. надписала ее так: «Любе Эренбург – эту книжку, за выход которой так боролся Илья Григорьевич. Н. Мандельштам»⁵².

Об Эренбурге из воспоминаний Н. Я.: «Среди советских писателей он был и остался белой вороной. С ним единственным я поддерживала отношения все годы. Беспомощный, как все, он все же пытался что-то делать для людей. “Люди, годы, жизнь”, в сущности, единственная его книга, которая сыграла положительную роль в нашей стране»⁵³.

«Не сравнивайте его (Луи Арагона. – Б. Ф.) с Эренбургом, который разделил нашу жизнь – а она постоянно висела на волоске – и первым заговорил о погибших, отчаянно пробивая каждое слово, каждую строчку и каждое упоминание о мертвых. Ему не пришлось говорить полным голосом, потому что, заговори он так, ничего не попало бы в печать. Особенность Эренбурга в том, что он сумел стоять на грани дозволенного и тем не менее открывать истину среднему читателю. Инженер, средний технократ, сотрудник научных институтов – вот читатель Эренбурга,

чьи нравы и взгляды он постарался смягчить. В начале шестидесятых годов была особая мерка для среднего интеллигента – читал он уже Эренбурга или нет. С человеком в “доэренбурговском состоянии” разговаривать не следовало, прочитавшие Эренбурга доносов не писали... И Паустовский, и Эренбург подготовили читателей Самиздата в едва очнувшейся от террора стране. Роль Эренбурга значительнее, потому что он затронул политическую тему, но отношение к нему хуже. Прочтя Эренбурга, читатель начинал что-то соображать и шел дальше, обижаясь, что получил неполную правду от первого просветителя. Со свойственной людям неблагодарностью он собирал факты, о которых умолчал Эренбург; делал выводы, не сделанные Эренбургом, и пожимал плечами: знаем мы этих осторожных чиновников и писателей... Он забывал, кому обязан своим пробуждением от гипнотического сна, а забывать такие вещи не следует...»⁵⁴

¹ Вошли в антологию «Поэты Франции 1870–1913 / Переводы И. Эренбурга». (Париж, 1914) и книгу: *Жамм Ф.* Стихи и проза / Пер. И. Эренбурга и Е. Шмидт. М., 1913.

² См. его статью «У Франсиса Жамма» (Новь. 1914. 26 февр.).

³ См.: *Эренбург И.* Детское. Париж, 1914.

⁴ См. автобиографию Эренбурга (1922): «Жамм, католицизм. Предполагал принять католичество и отправиться в бенедиктинский монастырь. Говорить об этом трудно. Не свершилось» (Новая русская книга. 1922. № 4. С. 44). См. также в романе «Хулио Хуренито» (*Эренбург И.* Собр. соч.: В 8 т. / Коммент. Б.Я. Фрезинского. М., 1991. Т. 1. С. 349–350).

⁵ Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана. М., 1989. № 2629.

⁶ Журнал журналов. 1915. № 1. С. 8.

⁷ *Эренбург И.* Собр. соч. Т. 3. С. 531.

⁸ См.: *Эренбург И.Г.* Лик войны (во Франции). София, 1920.

⁹ *Эренбург И.* Стилистическая ошибка // Возрождение. 1918. 5 июня. Подробнее см. статью «Жизнь и поэзия Ильи Эренбурга» в этой книге.

- ¹⁰ Биржевые ведомости. 1916. 14 дек.
- ¹¹ *Эренбург И.* Дай оглянуться... Письма 1908–1930 / Изд. подгот. Б.Я. Фрезинским. М., 2004. С. 83.
- ¹² *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь: В 3 т. М., 2005. Т. 1. С. 321 (далее – ЛГЖ и номер тома и страницы). Лучших стихов Эренбурга, написанных в 1939-м, Мандельштам уже не застал.
- ¹³ Среди них нельзя не назвать М. Волошина, написавшего в 1918-м замечательную статью «Поэзия и революция. Александр Блок и Илья Эренбург» (см.: *Волошин М.* Собр. соч. М., 2008. Т. 6. С. 26–45).
- ¹⁴ Прежде всего имеется в виду Маяковский.
- ¹⁵ См.: Возрождение. 1918. 5 июня.
- ¹⁶ Имеется в виду стихотворение Мандельштама «Когда октябрьский нам готовил временщик...» (ноябрь 1917).
- ¹⁷ См.: Иппокрена. 1919. № 4. С. 24–30.
- ¹⁸ См.: *Фрезинский Б.* Илья Эренбург в Киеве (1918–1919) // Минувшее. СПб., 1997. № 22. С. 248–335.
- ¹⁹ См.: *Соммер Я.* Записки / Публ., предисл. и примеч. Б.Я. Фрезинского // Там же. М.; СПб., 1994. № 17. С. 131–132; *Б.А. Букин*ик Воспоминания (запись Б.Я. Фрезинского) (архив автора).
- ²⁰ См.: *Эренбург И.* Портреты русских поэтов. Берлин, 1922. С. 102–105, а также: *Он же.* Запомни и живи: Стихи, переводы, статьи о поэзии и поэтах / Изд. подгот. Б.Я. Фрезинский. М., 2008. С. 505–507.
- ²¹ Ковчегъ: Альманах поэтов. 1920; см. также издание с факсимильным воспроизведением правленного экземпляра Ильи Эренбурга: Возвращение «Ковчега» / Сост. Е.М. Голубовский, коммент. В.П. Купченко. Одесса, 2002.
- ²² См. также доклад А.Е. Парниса в: Осип Мандельштам: К 100-летию со дня рождения: Поэтика и текстология: Материалы науч. конф. 27–29 дек. 1991. М., 1991. С. 90–91.
- ²³ Начиная со статьи для журнала “Signaux de France et de Belgique” (1 авг. 1921. № 4).
- ²⁴ Про 1917–1918 гг. Эренбург написал: «Не только я, но и многие писатели старшего поколения, да и мои сверстники не понимали масштаба событий. Но именно тогда мо-

лодой петроградский поэт, которого считали салонным, ложноклассическим, далеким от жизни, тщедушный и мнительный Осип Эмильевич Мандельштам написал замечательные строки: “Ну, что ж, попробуем: огромный, неуклюжий / Скрипучий поворот руля...”» (*Эренбург И.* [Предисловие к публикации стихов Мандельштама] // *Простор*. 1965. № 4. С. 58).

²⁵ *Le disque vert*. 1922. № 3. Juillet. P. 66.

²⁶ Спорные воспоминания об этом оставили Б.С. Кузин (1970) и Э.Г. Герштейн (1980-е).

²⁷ См.: Новая русская книга. Берлин, 1922. № 2. С. 19.

²⁸ ЛГЖ. Т. 1. С. 323.

²⁹ Собрание автора.

³⁰ См.: *Фрезинский Б.* О Борисе Лапине // Сохрани мою речь. М., 2008. Вып. 4/1. С. 203–225. См. также: Современник Мандельштама Борис Лапин // *Фрезинский Б.* Мозаика еврейских судеб. XX век. М., 2008. С. 199–226.

³¹ См.: *Поляновский Э.* Гибель Осипа Мандельштама. Париж, 1993. С. 158.

³² См.: ЛГЖ. Т. 1. С. 328. После этой публикации Эренбург получил несколько писем от солагерников Мандельштама (см. примеч. 33).

³³ *Нерлер П.* С гурьбой и гуртом... Хроника последнего года жизни О.Э. Мандельштама. М., 1994. С. 37, 38. Мандельштаму понравились книги очерков Эренбурга «Белый уголь, или Слезы Вертера» (1928) и «Виза времени» (1931). См. также: *Он же.* Слово и дело Осипа Мандельштама. М., 2010. С. 139–144.

³⁴ *Мандельштам Н.Я.* Воспоминания. М., 1989. С. 363.

³⁵ *Мандельштам Н.Я.* Вторая книга. М., 1990. С. 25.

³⁶ Записано автором со слов Б.М. Сарнова.

³⁷ Александр Александрович Мурашко (1875–1919) – известный киевский художник.

³⁸ Собрание автора.

³⁹ *Кузин Б.* Воспоминания. *Мандельштам Н.Я.* Письма. СПб., 1999. С. 637.

⁴⁰ *Мандельштам Н.Я.* Вторая книга. С. 390; там же есть такое замечание о времени после 1940 г.: «Пути наши <с Эрен-

бургом> разошлись, но добрые отношения сохранились – особенно с его женой Любой» (с. 20).

⁴¹ Все письма Н.Я. Мандельштам к Эренбургу цитируются по книге: Почта Ильи Эренбурга. Я слышу все... Письма 1916–1967 / Изд. подгот. Б.Я. Фрезинский. М., 2006.

⁴² Эренбург устроил его в Москве.

⁴³ Бабаев Э. Назначенный друг // Вопр. лит. 1995. № 4. С. 305.

⁴⁴ Мандельштам Н.Я. Воспоминания. С. 108.

⁴⁵ Собрание автора. См.: Фрезинский Б. Примечание публикатора // Эренбург И. О стихах Бориса Слуцкого // Борис Слуцкий: Воспоминания современников. СПб., 2005. С. 17–19.

⁴⁶ См.: Эренбург И. О стихах Бориса Слуцкого // Литературная газета. 1956. 26 июля.

⁴⁷ ЛГЖ. Т. 1. С. 325.

⁴⁸ См.: Почта Ильи Эренбурга. С. 527–536.

⁴⁹ См.: Грани. 1970. № 77. С. 82–88.

⁵⁰ Об этих списках Слуцкий пишет, что они составлялись «многие десятки раз» и что при этом «некоторые поэты переходили из одного списка в другой» – так, Заболоцкий, который всегда был у Слуцкого, перешел к Эренбургу, а Мандельштам перешел к Слуцкому.

⁵¹ Слуцкий Б. О других и о себе. М., 2005. С. 203.

⁵² Архив автора.

⁵³ Мандельштам Н. Вторая книга. С. 20.

⁵⁴ Там же. С. 148.

Мариэтта Чудакова

М. БУЛГАКОВ И О. МАНДЕЛЬШТАМ
Материалы к теме

Важнейшим материалом для сопоставления очень больших художников одного поколения представляются два пласта.

Первый – их отношение к катастрофе века (так же как для людей времени Великой Французской революции): характер связанности обоих (в силу года рождения) с прошлым веком и острое ощущение его потери (Мандельштам: «Но разбит твой позвоночник, / Мой прекрасный жалкий век!», 1922 – Булгаков: «...Это были времена легендарные, когда в садах самого прекрасного города нашей родины жило беспечальное юное поколение. <...> Легендарные времена оборвались, и внезапно и грозно наступила история», 1923).

Второй пласт – способ участия в формировании литературы XX в.

Тема распадается на несколько составляющих.

1. *Биографические аспекты* (обстоятельства детства-юности и последующее к ним отношение; пунктир дальнейших биографических событий: связи Мандельштама и Булгакова).

2. *Политические аспекты* (отношение к важнейшим фактам, событиям и политическим мифам XX в.: российская монархия; Февраль и Октябрь, мировая революция).

3. *Отношение к установившемуся в России строю и особо – к Сталину.*

Они – люди одного времени и одного поколения (как и Пастернак). «Стокгольмский синдром» – завороченность Сталиным, затронувшая всех троих.

4. *Идеологемы*: Россия и Европа, отношение к «народу» – «четвертому сословию». Булгаков признает только *свой* слой (он прямо сказал об этом на допросе у следователя).

5. *Биографически-творческие соприкосновения*.

В данной статье нет задачи описать каждую из составляющих.

Биография: детство – юность. Пересечения

Немаловажно, что они были ровесниками (Булгаков был ровно на четыре месяца моложе Мандельштама), т. е. в одном возрасте встретили роковые события века и последующую социальную жизнь.

Как и Мандельштам, Булгаков был первенцем – старшим сыном в семье, полярно отличной от семьи Мандельштама: два деда-священника, отец – преподаватель в Киевской духовной академии.

Вряд ли Булгаков мог сказать, как Мандельштам, – «с миром державным я был лишь ребячески связан»; связь была крепче, органичнее; монархизм будет контекстом его действий и останется значимым фоном его творчества¹.

Киев – город детства и юности Булгакова, гораздо более соотносим с Петербургом – городом детства и юности Мандельштама, чем с Москвой.

В те годы Киев – европейский город, с шестиэтажными мощными зданиями, с летними кафе на улицах... «Весь массив Петербурга, гранитные и торцовые кварталы, все это нежное сердце города, с разливом площадей, с кудрявыми садами <...> особенно же арку Генерального штаба, Сенатскую площадь голландский Петербург я считал чем-то священным и праздничным»; «Широкие буфы дамских рукавов, пышно взбитые плечи и обтянутые локти, пере-

тянутые осиные талии...» («Шум времени»). В год работы Мандельштама над «Шумом времени» Булгаков работает над «Белой гвардией», где близкими словами, как нечто мощное, *священное и праздничное*, описывает родной любимый им город, самым именованием – Город – уподобляя его Риму: «Как многоярусные соты, дымился, и шумел, и жил Город. Прекрасный в морозе и тумане на горах, над Днепром. <...> И в пять, и в шесть, и в семь этажей громоздились дома. <...> Цепочками, сколько хватало глаз, как драгоценные камни, сияли электрические шары <...>. Со ската на скат, покрикивая, ехали извозчики, и темные воротники – мех серебристый и черный делал женские лица загадочными и красивыми. <...> Играл светом и переливался, светился и танцевал, и мерцал Город по ночам до самого утра... Но лучше всего сверкал электрический белый крест в руках громаднейшего Владимира на Владимирской горке...» («Белая гвардия»).

Позже, в «Мастере и Маргарите», когда в обмене репликами между теми, кто озирает Москву с кровли Пашкова дома, прозвучит: «Мессир, мне больше нравится Рим», то за этим прочитывается автобиографическое: «Мне больше нравится Киев...»

Это подтверждают его предсмертные разговоры с сестрой Н.А. Земской, кратко зафиксированные ею: «Снова разговор о нелюбви к Москве: жэра, шэры, шэлит (старомосковское произношение, консервируемое Малым театром и проч. – М. Ч.), московский климат»². Став несомненным певцом Москвы, Булгаков так и не смог полюбить ее.

Концерты в саду Купеческого собрания Киева в 1900–1910-е гг. были такой же частью жизни города, как концерты в Петербурге и близ него. Вообще, слова Ахматовой о Мандельштаме «в музыке О<сип> был как дома» вполне можно было бы отнести к Булгакову, который мог пропеть любимые оперы от начала до конца и был не только автором либретто, но и квалифицированным консультантом постановок Большого театра.

Театр, особенно опера, были важнейшей частью юности обоих. Мандельштам и Булгаков не только были

людьми одного поколения, но оба принадлежали целиком «городской» культуре. Есть основания для сопоставлений их отношения к Городу как средоточию культуры, посетителю исторической памяти, к театру как сгустку культуры, носителю традиции. Для последнего сравнения есть материал не только в прозе Булгакова и поэзии и прозе Мандельштама, но и в их статьях о театре. Так, в статье О. Мандельштама о киевском театре – «Березиль (Из киевских впечатлений)» – есть суждения, заставляющие вспомнить «Биомеханическую главу» одного из фельетонов Булгакова. Не идя дальше в этих сопоставлениях, можем, однако, предположить, что в том, что вызывало неприятие, у них было больше общего, чем в том, что каждый противопоставлял отрицаемому как искомое эстетическое качество³.

Не забудем и слова Мандельштама о Киеве: «Я люблю этот небывалый город <...> словно в нем родился, никогда из него не выезжал».

Булгаков в первом романе придает описываемому им Городу черты столицы – эту функцию Киев, в сущности, и взял на себя в начале 1918 г., когда впускал все новых и новых «пришельцев», бежавших из Москвы и Петербурга.

Очень косвенным образом, через родителей Е.С. Булгаковой, Мандельштам и Булгаков биографически соприкоснулись в Риге, куда родители Е.С. – крещеный еврей С.М. Нюренберг и дочь православного священника А.А. Горская – переехали из Тарту.

В Риге родилась и училась в гимназии Е.С. Нюренберг, будущая Булгакова (и в последующие годы ездила туда уже из советской Москвы к родителям). В Ригу маленького Мандельштама возили к еврейским дедушке и бабушке.

Зато Париж, Швейцария, Италия, Гейдельберг – Европа юноши Мандельштама – останется совершенно недоступной для Булгакова, старшего сына в многодетной семье, лишившегося отца-профессора в 16 лет.

Булгаков, не увидев Европу в юности (в отличие от едва ли не всех своих знакомых «пречистенского» периода

московской жизни, — тех, кого их отцы — богатые московские купцы-промышленники — в обязательном порядке отправляли в студенческие годы в Италию, Францию и Германию), лишился этой возможности и в советское время. Это станет его сильнейшим и все нарастающим болезненным комплексом, который проникнет и в творчество: в 1934 г. пишутся страницы «последнего полета» будущего Мастера над разными городами мира. И он подтверждает согласием предложение лететь пониже: «— Да, пожалуйста. Я никогда ничего не видел. Я провел свою жизнь заключенный. Я слеп и ниш»⁴.

Но к этому времени и Мандельштам уже охвачен той же самой тоской по ставшей недоступной Европе: «На вершок бы мне синего моря, на игольное только ушко...» («День стоял о пяти головах...», 1935); «Лишив меня морей, разбега и разлета, / И дав стопе упор насильственной земли, / Чего добились вы?» (1935), «О, если б распахнуть, да как нельзя скорее / На Адриатику широкое окно» (Ариост, ред. 1935).

Политические воззрения

События 1917 г. были для Булгакова жестоким ударом. Значение их, а особенно октябрьского переворота, он понял раньше и точнее подавляющего большинства своих современников. В течение всего революционного года он — земский врач, сначала близ села Никольского, затем, осенью, в Вязьме.

Во всяком случае, отмеченная Е.А. Тоддесом как значимая публикация именно весной 1917 г. стихотворения Мандельштама «Дворцовая площадь», кончающегося зловещей эмблемой императорского штандарта, где «струится / Желчь двуглавого орла», — жест, весьма далекий от чувств Булгакова по поводу крушения монархии (позже он назовет Февраль, как и Октябрь, «безумством»).

Поздней осенью Булгаков побывал в Москве — увидел ее вскоре после Октября. События, перевернувшие

российскую жизнь, совпали с тяжелой личной коллизией – он страдал от наркотической зависимости, возникшей еще в Никольском. Путешествие по дорогам послеоктябрьской России утвердило его в мрачных оценках будущего – своего и своей страны. 31 декабря 1917 г. он выразит это со всей определенностью в письме к сестре Наде: «Мучительно тянет меня вон отсюда в Москву, или Киев, где хоть и замирая, но все же еще идет жизнь...

Придет ли старое время?

Настоящее таково, что я стараюсь жить, не замечая его... не видеть, не слышать!

Недавно в поездке в Москву и в Саратов мне пришлось все видеть воочию, и больше я не хотел бы видеть.

Я видел, как серые толпы с гиканьем и гнусной руганью бьют стекла в поездах, видел, как бьют людей. Видел разрушенные и обгоревшие дома в Москве... тупые и зверские лица...

Видел толпы, которые осаждали подъезды захваченных и запертых банков, голодные хвосты у лавок, затравленных и жалких офицеров, видел газетные листки, где пишут, в сущности, об одном: о крови, которая льется и на юге, и на западе, и на востоке, и о тюрьмах. Все воочию видел и понял окончательно, что произошло»⁵.

Так воочию, т. е. открытыми глазами, не затуманенными ни в малой степени утопией, увидел Булгаков трагическое настоящее и будущее своей страны.

Никакой эстетизации российского катаклизма, никакой амбивалентности в его оценке. Она появится много позже – после звонка ему Сталина 17 апреля 1930 г.

Позволю себе воспользоваться формулировками своей давней, 1988 г., статьи – о том, что разграничивающие линии проходили в 1920-е гг. не там, где их ищут сегодня ретроспективно – оценивая творческий путь писателей, исходя из конечных очертаний их судьбы.

Надо идти не с конца и даже не с середины, а с начала, вглядываясь в структуру того ядра, с каким входил обладатель этого ядра-эмбриона в мир литературы. Так, путь Мандельштама во многом был предопределен тем, что его

первые религиозные переживания не только совпали, по свидетельству поэта в письме 1908 г. (Вл.В. Гиппиусу), с периодом «детского увлечения» марксизмом, но были «неотделимы от этого увлечения». Здесь важно и само это «увлечение» (которое полностью миновало Булгакова), и его неотделимость от религиозных переживаний (без которых обошелся, скажем, человек того же поколения М. Зощенко)⁶.

Хотелось бы напомнить о двух статьях Е. Тоддеса (чье 70-летие пройдет научной общественностью не замеченным – в отличие от юбилеев его однокурсников, – что, конечно, не умалит значения его работ, среди которых несколько статей стоят некоторых книг) – «Статья “Пшеница человеческая” в творчестве Мандельштама начала 20-х годов»⁷ и «Поэтическая идеология»⁸.

В этих статьях убедительно показана мандельштамовская *эстетизация идеологии* – именно в ранние годы, и отнюдь не раритетная для тех лет: «...перед нами характернейшее, особенно для первого десятилетия, явление эстетизированной утопии: не только вера или готовность поверить в относительно близкое устройство и гармонизацию социальной жизни через революцию, но и стремление вложить в проекты этого устройства собственный потенциал художника...»⁹

Один из основных источников для этого вывода – статья Мандельштама «Государство и ритм»; напечатана она в 1920 г., а написана во второй половине 1918-го в качестве служебного доклада в Наркомпросе (куда через два года попадет и приехавший в Москву Булгаков). «Сознательное творчество истории, ее рождение из праздника как изъятие творческой воли народа – отныне непререкаемое право человечества» («Государство и ритм»).

Сравним с этим одно из первых известных нам печатных выступлений Булгакова – статью «Грядущие перспективы», опубликованную в ноябре 1919 г. в газете «Грозный». Там ясно сказано, что нам – гражданам России – еще долго-долго придется платить по счетам Истории: «Платить за безумство мартовских дней, за безумство

дней октябрьских...» Что касается «права человечества», предполагающего его недалекое общее прекрасное будущее, у Булгакова взгляд на этот счет редкостно определен – и, пожалуй, более редок в тогдашней российской образованной, тем более творческой среде, чем взгляд Мандельштама: «...всем, у кого наконец проявился ум, всем, кто не верит жалкому бреду, что наша злостная болезнь перекинется на запад и поразит его...»¹⁰

Взгляд Булгакова скорее близок взгляду полковника из очерка «Бармы закона» (январь 1920): «...он открыл мне сомнамбулический ландшафт, в котором он жил. Самое главное в этом ландшафте был *провал, образовавшийся на месте России* (курсив наш. – М. Ч.)».

Дальнейшая биография

В конце февраля 1918 г., освободившись наконец от изнуравшей его земской службы, но подавленный наркозависимостью, Булгаков вместе с женой едет через Москву в Киев. Долгожданное возвращение в родной город происходит в дни заключения Брестского мира; реально Украина еще до этого стала зависимым от Германии государством.

Осенью над всем «русским» – офицерским и интеллигентским – Киевом нависла смертельная угроза.

Войска Петлюры, 7 ноября выпущенного из тюрьмы и возглавившего Директорию (власть провозглашенной в противовес власти гетмана Скоропадского Украинской народной республики), при большой поддержке сельского населения подступают к Киеву. Это – дни, когда в Германии происходит революция, кайзер Вильгельм смещен и немецкие войска готовятся покинуть чужие земли. 26 ноября 1918 г. киевская газета «Вечер» печатает очередной список убитых в бою с петлюровцами офицеров. Среди поименованных – полковники, подполковники, прапорщики; «остальные 18 трупов до того обезображены, что опознать их нет никакой возможности. Трупы совершенно раздеты,

у них вырезаны языки, отрезаны носы, уши, пальцы рук и ног и разрезано все тело. Сегодня в 12 часов трупы убитых доставлены в анатомический театр». Под аккомпанемент таких сообщений братья Булгаковы готовились защищать свой город – в войсках гетмана Скоропадского.

13 декабря 1918 г. в утреннем выпуске газет сообщалось о досрочном призыве – призывался 1900-й, год рождения Вани, младшего брата Булгакова. В тот же день в вечернем выпуске публиковалось сообщение гетманского командования о том, что между этим командованием, солдатским советом и Украинской директорией (возглавлявшей Украинскую республику) заключен договор, по которому германские войска не будут оказывать никакого сопротивления вступлению Директории в Киев. В эти дни, по рассказам Татьяны Николаевны, Булгаков, как и его младшие братья, уходит защищать город от петлюровцев; гетманское правительство бежит вместе с немецким оккупационным командованием, оставив защищающих его офицеров и юнкеров на гибель от преобладающих сил Петлюры. Именно это время и даст главную фабульную канву «Белой гвардии». («Те, кто бегут, те умирать не будут, – напишет автор романа, – кто же будет умирать?») 19 декабря (по старому стилю) Киев пал.

Вступление красных (занявших город 5 февраля) Булгаков переживает, будучи больным.

В конце марта – начале апреля 1919 г., т. е. через два месяца после захвата Киева красными, в город, где уже год как находился Булгаков, пережив там несколько смен власти, приехал Мандельштам. В марте 1919 г. открылся первый киевский подвал поэтов – «ХЛАМ» (художники – литераторы – артисты – музыканты). Там выступали Мандельштам, Эренбург, Рюрик Ивнев. Скорее всего, Булгаков хоть однажды видел Мандельштама – в литературном кафе или где-либо еще, но Мандельштам вряд ли обратил внимание на молодого киевского врача. Вообще же, Булгаков не участвовал в открытых формах литературной жизни; авангардная художественная среда Киева 1919 г. была чужда ему и эстетически, и идеологически. Многие из ли-

тераторов сотрудничают в БУПе – Бюро печати и информации рабоче-крестьянского правительства Украины. Для Булгакова это совершенно невозможно. Бюро ежедневно вывешивает сводки о военных действиях между красными и белыми, о революционном движении в Европе, на которое возлагаются огромные надежды. В этом Бюро – те, кого через два-три года Булгаков встретит (без удовольствия) в литературных кругах Москвы, – будущие советские писатели (среди них и Мандельштам). Вообще личные встречи в Москве для тех, кто оказался в разгар Гражданской войны в Киеве, были, как правило, нежелательны.

Киев 1918–1919 гг. стал важной частью биографий (частью, чаще всего тщательно затушевываемой самими субъектами биографий) многих советских писателей.

По-видимому, одним из сильных впечатлений Булгакова в течение этих киевских лет было впечатление от В.Б. Шкловского, тогда – эсеровского боевика-бомбиста, тогда как Булгаков мог бы повторить за своим будущим героем Алексеем Турбиным: «...должен сказать, не могу выносить самого слова “социалист”». Персонаж, узнаваемым прототипом которого был Шкловский, представлял в романе чуждый Булгакову человеческий тип авантюриста, любителя бросать бомбы («Мне стало скучно, потому что я давно не бросал бомб»), красноречивого оратора – и в то же время профессионального литератора-филолога, сосредоточенно и увлеченно работающего в любых условиях.

В конце августа – начале сентября 1919 г. жизненные маршруты Булгакова и Мандельштама двинулись в противоположные стороны. Перед самым входом в Киев белых 30 августа Красная армия покидала город. В эти же дни его покидал и Мандельштам. Впечатления этих именно последних дней отзывались, по свидетельству жены поэта, в его стихотворении 1937 г.: «Как по улицам Киева – Вия / Ищет мужа не знаю чья жинка <...> Пахнут смертью господские Липки. / Уходили с последним трамваем / Прямо за город красноармейцы / И шинель прокричала сырая: / “Мы вернемся еще, разумеете...”» (Однако Ман-

дельштам держит путь в Крым, где собирала свои силы Добровольческая армия...)

Утром 31-го в город почти одновременно с разных концов вступили галицийские части Петлюры и белые, которым Петлюра уже к вечеру уступил город. Открылись подвалы ЧК (главным образом именно в Липках). И Булгаков по кровавым следам печатает несколько газетных корреспонденций об увиденном (едва ли не первые его печатные выступления), исполненных гнева и отвращения к методам советской власти (подписанные «Мих. Б.», они выявлены Г.С. Файманом).

Вскоре, мобилизованный в качестве военврача Белой армией, которую считает своей, в рядах которой – его младшие братья, Булгаков едет на Северный Кавказ – в прифронтовые лазареты. Там в ноябре 1919 г. он начинает печататься – в белогвардейских газетах. Первая известная нам его «кавказская» публикация – статья «Грядущие перспективы» («Грозный», 13 (26) ноября 1919) не оставляет сомнений в его отношении не только к октябрьским, но и к февральским событиям 1917 г. В конце сделан поразительно точный прогноз будущего России – даже в случае победы белых (в которую Булгаков уже явно не верит) ее ждут тяжелейшие последствия, долгая расплата: «И мы, представители неудачливого поколения, умирая еще в чине жалких банкротов, вынуждены будем сказать нашим детям: – Платите, платите честно и вечно помните социальную революцию!»

Здесь впервые появляется в его творчестве (пока еще публицистическом) мотив *вины* – как общенациональной вины в происходящем (что отличило автора едва ли не от всех советских литераторов), в первую очередь в братоубийственной войне, которую допустили люди России. Мотив *вины* пройдет через все творчество Булгакова (с особой тщательностью будучи разработан в описании и анализе тягчайшей вины Пилата в «Мастере и Маргарите»). Статья показывает, что Булгаков уже осенью 1919 г. с ужасом предвидит долгие десятилетия нового российского уклада.

Это почувствовал первый его критик-опponent, через два дня опрометчиво утверждавший в той же газете: «Никогда большевизму не суждено укрепиться в России потому, что это было бы равносильно гибели культуры и возвращению к временам первобытной эпохи». Такой аргумент для Булгакова не был убедителен. Его патриотическое чувство питалось не беспочвенной и злобной гордостью перед Западом, как у его опponenta, а горьким осознанием резко увеличивавшегося в результате развязанной Гражданской войны отставания России от «титанической работы мира»: «никто из современных пророков, пожалуй, не скажет, когда же, наконец, мы догоним их и догоним ли вообще?»

Так с первых же печатных литературных выступлений Булгакова вперед выходит тема «Россия и Запад».

Несколько месяцев спустя, в конце февраля – начале марта 1920 г., в дни поражения белых по всему северокавказскому фронту, Булгаков заболевает тифом. Температура – 40°; везти его по Военно-Грузинской дороге, по которой отступают белые, невозможно. Когда в конце марта болезнь отступила – в городе уже была советская власть: Булгаков вновь встретил важные события больным. На этот раз болезнь сыграла роковую роль: совершенно того не желая, Булгаков остался по эту линию фронта – как оказалось впоследствии, навсегда. Характерное для него отношение к фактам своей биографии как потенциально литературным привело к закреплению за *болезнью* особой *сюжетной* функции. Вариантом болезни станет *безумие* – временная (Иван Бездомный) или полная (герой одного из первых «московских» рассказов «Красная корона») помраченность сознания, которая может постигнуть как отдельного человека, так и целый народ: «Безумство двух последних лет толкнуло нас на страшный путь, и нам нет остановки, нет передышки. Мы начали пить свою чашу и выпьем ее до конца» («Грядущие перспективы»).

Вскоре Булгаков начал работать в I-м Советском театре – произносить вступительные слова перед спектаклем, а затем писать и ставить пьесы, приспособленные для советской сцены, не придавая им особого значения.

Мандельштам уехал в конце августа 1919 г. из Киева в Харьков, а затем в Крым; год спустя, в августе 1920 г., в дни отъезда из «белого» Крыма на Кавказ, он был арестован врангелевской контрразведкой и освобожден лишь благодаря хлопотам нескольких людей; плывет из Крыма в Батум (вслед за ним¹¹ оттуда же перебрался на Кавказ Эренбург – еще один ровесник Мандельштама и Булгакова), затем в Тифлис; в начале октября – в Москву и в Петроград. Мандельштам лишь однажды встречается в текстах Булгакову – в «Записках на манжетах». Увидеться они могли лишь мельком и только поздней осенью 1920 г., когда Мандельштам попал во Владикавказ по пути из Тифлиса в Москву. В мемуарах И. Эренбурга описано их общее путешествие с советской диппочтой: «Ночью мы въехали во Владикавказ; нас отвезли в гостиницу, где полгода назад помещались деникинцы; все было загажено; поломано; стекол в окнах не было, и нас обдувал холодный ветер».

Не этот ли самый ветер дует и в «Записках на манжетах»?

«Сквозняк подхватил. Как листья летят. Один – из Керчи в Вологду, другой – из Вологды в Керчь. Лезет взъерошенный Осип с чемоданом и сердится:

– Вот не доедем, да и только!

Натурально, не доедешь, если не знаешь, куда едешь!»

Это еще не Мандельштам (вопреки уверенности многих), а Осип из «Ревизора»¹² («*Маленькая комната в гостинице. Постель, стол, чемодан <...> Осип лежит на барской постеле. Черт побери, есть так хочется и в животе трескотня <...> Вот не доедем, да и только, домой! Что ты прикажешь делать? Второй месяц пошел, как уже из Питера!*»).

«Вчера ехал Рюрик Ивнев. Из Тифлиса в Москву.

– В Москве лучше.

<...> Другой поэт. Из Москвы в Тифлис.

– В Тифлисе лучше.

Третий – Осип Мандельштам. Вошел в пасмурный день (т. е. это скорей всего уже не солнечное владикав-

казское лето. – М. Ч.) и голову держал высоко, как принц. Убил лаконичностью:

– Из Крыма. Скверно. Рукописи у вас покупают?

– ...Но денег не пла... – начал было я и не успел окончить, как он уехал. Неизвестно куда...»

Поздней осенью 1920 г. последний оплот белых – Крым – захвачен красными. Для Булгакова это событие огромного масштаба.

В ноябре младший брат Булгакова Николай покидает Россию на «Рионе» – вместе со своим училищем. А в декабре близ Ялты, на горе Ай-Петри, расстреляна их тетка, вдова младшего брата А.И. Булгакова и восприемница самой младшей и любимой сестры писателя Елены Ирина Лукинична Булгакова (1867–1920); этот факт расследован и впервые введен в научный оборот совсем недавно Е.Е. Пажитновым¹³. Фельдшерица Российского общества Красного Креста, в годы мировой войны работавшая в госпиталях, к 1920 г. она – сестра милосердия в санатории № 10 Красного Креста в Ливадии. После захвата Крыма большевиками сестры милосердия не захотели эвакуироваться с армией Врангеля, полагая невозможным бросить больных. С 16 ноября началось уничтожение раненых и больных солдат и офицеров белой армии, лечившихся в санаториях и госпиталях. Затем перешли к «чистке» медперсонала. В декабре была беспричинно арестована сестра милосердия княгиня Н. Трубецкая. За нее по инициативе И.С. Булгаковой вступились сотрудницы санатория, ручаясь, что она не была причастна «ни к какой политической организации», и прося отдать «сестру Н. Трубецкую правлению членов профсоюза на поруки». В тот же день все шестнадцать подписавших просьбу были арестованы и вскоре, 21 декабря 1920 г., расстреляны.

Мы предполагаем, что в последующие годы в семье Булгаковых узнали о трагической судьбе близкой родственницы¹⁴, но никогда и нигде не упоминали о трагедии. В семье, где в 1930-е и последующие годы репрессиям подверглись мужья трех сестер Булгакова, Надежды, Варвары, Елены, удивляться этому не приходится. Сам

факт расстрела совершенно безвинной свойственницы, много лет жившей в семье Булгаковых, должен был стать существенным биографическим подтекстом творчества Булгакова.

В июне 1921 г. Мандельштам в Баку, в августе – в Батуме, в конце месяца – в Тифлисе.

Его итенерарий параллелен маршрутам Булгакова. Однако дальние планы Булгакова в тот год иные, чем у Мандельштама.

В его письме от 1 февраля 1921 г. кузену Константину Булгакову есть такие строки: «Что дальше? Уеду из Владикавказа весной или летом. Куда? Маловероятно, но возможно, что летом буду проездом в Москве. Стремлюсь далеко...» Речь идет, несомненно, об эмиграции того, кто по драматической случайности – по болезни в дни эвакуации с Северного Кавказа белой армии – оказался под советской властью.

В письме от 16 февраля к тому же адресату Булгаков возвращается к этой теме: «Мои скитания далеко не кончены. Весной я должен ехать или в Москву (м. б., очень скоро), или на Черное море, или еще куда-нибудь...» – речь опять-таки, несомненно, идет о попытке эмиграции с советской территории.

Булгаков выехал из Владикавказа, по-видимому, не позже 26 мая. Решение было ускорено обстоятельствами непреодолимой силы. 20 мая 1921 г. был издан приказ № 1 начальника Особого отдела 10-й Терской Красной армии (разыскан и любезно предоставлен мне пятигорским булгаковедом С. Бобровым): «В целях регистрации приказываю:

1. Всем офицерам царской службы, офицерам Добровольческой армии, а также и офицерам других армий, всех родов оружия, работавших в союзе с Доброймией, явиться в Особый отдел <...> 23-го сего мая к 10 часам утра. <...> 3. Всем лицам, служившим в разных частях, учреждениях и заведениях Добровольческой армии и союзных с нею, также явиться в Особый отдел 25 сего мая к 10 часам утра». Не явившиеся или укрывшиеся от приказа «по незнанию или

другим причинам, будут объявлены активными врагами Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и с таковыми будет поступлено по законам военного времени». Явке подлежали и регистрировавшиеся ранее в Терской ЧК (т. е. уже пережившие ужас ожидания конца), и служащие в советских учреждениях, «и не служащие в таковых».

Выбора, таким образом, не оставалось, да и времени на раздумье тоже. Расстрел в Крыму пяти тысяч зарегистрировавшихся офицеров был всем памятен.

2 июня Булгаков пишет уже из Тифлиса сестре Наде и кузену Константину, давая им последние поручения; 11 июня Татьяна Николаевна пересылает им это письмо из Владикавказа в Москву: «...вызываю к себе Тасю из Владикавказа и с ней уезжаю в Батум, как только она приедет и как только будет возможность. Может быть, окажусь в Крыму...» (вновь намечается путь, противоположный мандельштамовскому). Дополнительное документальное свидетельство того, что 11 июня Булгаков еще в Тифлисе, – это дата инскрипта на книге стихов А. Порошина (ЖМБ, 146).

Свидетельства о встрече Булгакова с Мандельштамом в 1921 г. – скорей всего в августе, в Батуме – давно известны. «...К нам несколько раз на улице подходил молодой человек и спрашивал О. М., стоит ли писать роман, чтобы послать его в Москву на конкурс. О. М. говорил мне, что у этого незнакомого юноши, интересующегося конкурсом, вид, внушающий доверие (“В нем что-то есть – он, наверное, что-нибудь сделает”), и что у него, вероятно, накопился такой материал, что он уже не в состоянии не стать писателем. Вскоре в Москве мы встретились с Булгаковым – автором рассказов и “Белой гвардии”. Шумный успех “Турбиных” не был для нас неожиданностью»¹⁵. По мнению пятигорского исследователя С. Боброва, встреча могла произойти только во второй половине августа – после 15-го. Оба покинули Батум до конца последней декады августа.

Мандельштаму и жене его ровесник Булгаков кажется молодым человеком – Мандельштам, по воспо-

минаниям современников и по немногим сохранившимся фотографиям, быстро старел, Булгаков же в эти годы, по личным свидетельствам нескольких современников в наших беседах, выглядел моложе своих лет – «как студент».

Неудачу своей попытки эмиграции летом 1921 г. Булгаков описывает в конце 1-й части «Записок на манжетах» с отвращением.

В его художественном мире (не сливающимся с биографией) органичным станет либо *отъезд* – с определенной точкой назначения, либо *оседлость*. Мандельштамовское «Мне хочется *бежать от моего порога. Куда?*», идея *бега* булгаковскому миру чужда (или, возможно, *стала чужда* – после неудачи, казавшейся унижительной) – отсюда пьеса «Бег» и еще раньше – пассаж в «Белой гвардии», связанный с бегством из Киева Тальберга: «...потом в комнате противно, как во всякой комнате, где хаос укладки, и еще хуже, когда абажур сдернут с лампы. Никогда. Никогда не сдергивайте абажур с лампы! Абажур священен. Никогда не убегайте крысёй побегом на неизвестность от опасности. У абажура дремлите, читайте – пусть воет выюга...»¹⁶

В конце сентября 1921 г. Булгаков приезжает в Москву – «с тем, чтоб остаться в ней навсегда» (автобиография 1924 г.). Мы когда-то сформулировали – «приехал в Москву жить под победителями». И такая оценка его самоощущения горестно подтвердилась позже названием, которое он дал своему дневнику этих лет, – «Под пятой».

Он поселяется с женой в комнате Андрея и Нади Земских (они в это время в Киеве) в коммунальной квартире № 50 (дома № 10 по Б. Садовой), которой суждено будет стать «нехорошей квартирой» романа «Мастер и Маргарита». Через несколько месяцев, в марте 1922 г., в Москву переезжает Мандельштам с женой – и поселяется во флигеле того самого Дома Герцена, который Булгаков, с усилием вступающий в литературу, несомненно, исправно посещает и которому через шесть лет суждено войти в его

второй роман под названием «Дома Грибоедова» – с уничтожающей характеристикой. И Мандельштам напишет в те же годы в «Четвертой прозе» о «похабном доме на Тверском бульваре».

Можно с уверенностью предполагать, что именно в 1922 г. они не раз сталкивались хотя бы во дворе этого Дома. В тот год контакты Булгакова с московской литературной средой (а Дом Герцена – центр ее сосредоточения) особенно интенсивны. Дело тут в том, что 6 октября 1922 г. Булгаков рассылает в отечественные и зарубежные журналы и газеты свое обращение, в котором сообщает, что «работает над составлением полного библиографического (подразумевался, конечно, *биобиблиографический*. – М. Ч.) словаря современных русских писателей с их силуэтами» и «просит всех русских писателей во всех городах России и за границей присылать автобиографический материал» прямо на его домашний адрес.

Замысел издания такого словаря опередил время примерно на 70 лет. И вскоре Булгаков в условиях становящегося советского режима вынужден был от него отказаться. Но понятно, что прежде этого именно в 1922 г. он должен был активно общаться с упомянутыми целями с москвичами-литераторами.

В 1923 г. так же, как Булгаков, в Киеве побывал Мандельштам – только осенью. Обнаруживается ряд *повествовательных* параллелей в очерке Булгакова «Киев – город», написанном в мае 1923 г., и очерке Мандельштама «Киев», написанном в мае 1926 г. в Тифлисе или Батуме... (Так же, как ранее оба писателя вскоре после своих скитаний на Кавказе оставили их описания в сходном жанрово-фабульном ключе – ср. особенно «Богему» Булгакова и «Возвращение» Мандельштама.)

Как Булгаков, Мандельштам отстоит в очереди к гробу Ленина – и напишет очерк в газету.

Впечатления от общения Булгакова и Мандельштама с собратьями по перу дали до странности близкие литературные результаты.

«Четвертая проза» Мандельштама
и проза Булгакова

«...Год тому назад я написал о Пилате роман», – говорит Мастер Ивану Бездомному.

« – *Вы – писатель?* – с интересом спросил поэт.

Гость потемнел лицом и погрозил Ивану кулаком, потом сказал:

– Я – мастер, – он сделался суров...»

Почему же герой, написав роман, не хочет называть себя *писателем*?

Потому что в том месте мира, где происходит действие, где Иван называет себя *поэтом*, но сам признается в приступе откровенности, что стихи его – «чудовищные», «писатель» – не тот *писатель*, к которому с привычным уважением относились в России.

«Коровьев и Бегемот посторонились и пропустили какого-то *писателя* в сером костюме, в летней без галстука белой рубашке <...>. *Писатель* приветливо кивнул гражданке, на ходу поставил в подставленной ему книге какую-то закорючку и проследовал на веранду» («Мастер и Маргарита»).

Это человек – *писатель* лишь на том основании, что у него есть документ, позволяющий войти в писательский ресторан.

В этом новом мире *литература* в первые же годы свертывается в «ЛИТО» (Литературно-издательский отдел Наркомпроса, где работает герой «Записок на манжетах», но ему так и не удается там встретить реального *писателя*), а затем превращается в нечто неудобочитаемое. «...Отчего литература всегда такая скучная?» – спрашивает пьяница, но любитель чтения Маркизов в пьесе «Адам и Ева» (1931) – «...*Печатное* всегда тянет почитать, а когда *литература*... <...> Межа да колхоз!»¹⁷

«Литература» – это рукопись современного романа, которую чуть не силой заставляет его читать автор – *писатель* Пончик-Непобеда. А «печатное» – это то, что читают и перечитывают (как Маркизов своего любимого «Графа

Монтекристо», а потом – Библию, не зная, правда, что именно читает) и помнят. «Литература» – это то, что пишут современные авторы – не для чтения, а ради каких-то своих внелитературных целей.

«Я впервые попал в мир *литературы*, но теперь, когда все уже кончилось и гибель моя налицо, вспоминаю о нем с ужасом! – торжественно прошептал мастер...». Герой «Записок покойника» Максудов после чтения своего романа в кругу современных литераторов (т. е. попытки войти в мир современной *литературы*) заболевает и бормочет в полубреду: «Я вчера видел новый мир, и этот мир мне противен»¹⁸.

Это вполне корреспондирует с гневным антиписательским пафосом «Четвертой прозы» Мандельштама: «Писательство – это раса с противным запахом кожи и самыми грязными способами приготовления пищи. <...> Литература везде и всюду выполняет одно назначение: помогает начальникам держать в повиновении солдат и помогает судьям вершить расправу над обреченными.

Писатель – это помесь попугая и попа». И т. п.

* * *

Порою поражают совпадения, которых вроде бы – по разности этих людей – не должно было быть. 11 декабря 1922 г. Мандельштам пишет брату: «Мне хочется жить настоящим домом. Я уже не молод. Меня утомляет комнатная жизнь» – слова, под которыми не размышляя подписался бы в это самое время Булгаков.

Сходство было даже в некоторых особенностях творческой работы – оба охотно прибегали к диктовке.

У Булгакова не было детей, как у Мандельштама, и так же по сознательному выбору.

Главная разница между ними была в эти первые московские годы в литературном статусе.

Мандельштам, выпустивший до революции двумя изданиями свой первый стихотворный сборник, – извест-

ный, хоть и не всеми принятый поэт. В начале 1920-х гг. одна за другой выходят его книги.

Булгаков пробивается в печать с трудом. Его, киевского врача, в Москве никто не знает – кроме киевлян, встреч с которыми он, как уже говорилось, как раз избегает. Только что минувший период с 1917 по 1920 г. почти никого из съехавшихся в Москву литераторов (один из которых провел эти годы, например, в бронепоезде Колчака в качестве его военного корреспондента) не располагал к громогласным воспоминаниям. Булгаков решительно не хотел, скажем, встречаться с М. Кольцовым – автором поразительных (особенно для очень юного журналиста) по мгновенной смене курса киевских очерков тех лет.

Первый, *белый* дебют Булгакова осенью 1919 г. из самосохранения надо было как можно тщательней запрятать уже в марте 1920 г. (когда во Владикавказ вошли красные) и на все советское время (недаром его обнаружат только в 1980-е гг.).

Второй, владикавказский, *красный* дебют Булгаков зачеркнул сам – уже из чисто литературных соображений. О пьесах, поставленных на сцене 1-го Советского театра, в автобиографии 1924 г. он выразится так: «...в Москве, в 1923 г., перечитав их, торопливо уничтожил. Надеюсь, что нигде ни одного экземпляра их не осталось». (Тут он ошибся; сработала его же сентенция, высказанная по поводу той, самой «революционной», видимо, пьесы «Сыновья муллы»: «Написанное нельзя уничтожить!» Она-то и нашлась, вопреки его надеждам, в 1960 г.)

Литературную жизнь приходилось начинать заново. Дебют – вновь! – только предстоял.

Работа Булгакова в «Гудке» была вполне сродни работе Мандельштама в «комсомольском» журнале «Огонек». Но лично сталкиваться время от времени они должны были в первую очередь в «Накануне», где в апреле–мае 1922 г. Булгаков завязал уже прочные связи.

Одно, по крайней мере, стихотворение Мандельштама было, можно думать, в эти первые московские

годы Булгаковым прочитано – поскольку в альманахе «Возрождение», где печатались «Записки на манжетах», оно было помещено прямо перед ними: «Холодок щекочет темя...». К тому же и настроение Булгакова в тот год идет навстречу мандельштамовскому «И меня срезает время...».

В мае 1931 г. Булгаков пишет письмо Сталину, в котором прибегает к таким фигурам речи: «На широком поле словесности российской в СССР я был один-единственный литературный волк. Мне советовали выкрасить шкуру. Нелепый совет. Крашенный ли волк, стриженный ли волк, он все равно не похож на пуделя.

Со мной и поступили как с волком. И несколько лет гнали меня по всем правилам литературной садки в огороженном дворе».

Еще в «Белой гвардии» упоминается «какой-нибудь совсем отверженный человек, который при всех властях мира чувствует себя среди людей как волк в собачьей стае». Булгаков не был тем отверженным по натуре, который привычно чувствует таким вот образом при любых властях. Образ загнанного волка в письме приобретает зловещий и в какой-то степени вызывающий смысл.

В это самое время, с конца марта 1931 г., в московской литературной среде ходит стихотворение Мандельштама с такой же неожиданной и сильной метафорой волка («...Но? не волк я по крови своей...»). Мандельштам стремится откреститься от унизительно-страшной участи волка, убиваемого не «равными». В новой жизни он, поэт, дававший «присягу чудную четвертому сословью», не должен быть добычей волкодавов.

Социальная жизнь складывалась таким образом, что изначально разные позиции сближались, и когда Мандельштам пишет в мае – начале июня 1931 г.: «Мы умрем, как пехотинцы, / Но не прославим – Ни хищи, ни поденщины, ни лжи» – это очень близко к умонастроению Булгакова, отразившемуся в это самое время в письме Сталину.

Жанр

В начале 1920-х гг. поиски новых форм шли поверх известных жанров – в этом смысле политические антиподы и резко расходящиеся в литературных вкусах Булгаков и Шкловский оказались близки: «Записки на манжетах» и «Сентиментальное путешествие».

«Писатели начали писать в форме мемуаров то, что раньше вылилось бы у них в форму романа»¹⁹, – оценивал свой и чужой опыт Шкловский.

«Рассказ» в привычном его понимании встал под вопрос в не меньшей степени, чем роман.

Форма рассказа была предопределена длительной классической традицией. Она, по-видимому, оказалась доведенной до предела своих возможностей Чеховым, Бунным и Куприным – непосредственными предшественниками литераторов 1920-х гг. (символисты к малому жанру обращались мало; постсимволистская проза не сложила прочного фундамента для возможных продолжателей) и по этой причине стерта усилиями множества эпигонов в течение первых двух десятилетий века. И, в свою очередь, по *этой* уже причине явилась удачной *полой* формой для прямого воздействия идеологического давления. Вот почему в «Записках покойника» Булгаков, рисуя литературную ситуацию середины 1920-х гг., так охарактеризует одного из двух литераторов, пришедших слушать роман Максудова: «Один – молодой, поражавший меня тем, что с *недостижимой ловкостью* писал рассказы».

Актуальной же литературной формой стали мемуары нового толка – о текущем времени или недавнем прошлом, с оксюморонной установкой на литературность, но в то же время не на вымысел, а на факт – от «Записок на манжетах» М. Булгакова и «Сентиментального путешествия» Шкловского до «Заметок из дневника», мемуарных очерков и книги о Толстом Горького, «Шума времени» Мандельштама.

В этой новой жанровой форме сюжетно главенствовала, как в лирике, *личность автора*, а также *факты его*

биографии – в противовес «старому» роману, описывающему «людей, которых не было и которые ничего этого не делали» (Л. Толстой, 1843).

К концу 1920-х гг. этот жанр достиг высшей точки – в печатной «Охранной грамоте» Пастернака и ненапечатанной «Четвертой прозе» Мандельштама (наиболее близкой к «Запискам на манжетах»).

Яркая характеристика, данная «Четвертой прозе» Ахматовой: «Эта проза, такая неслышанная, забытая, только сейчас начинает доходить до читателя (напомню – в те годы только в Самиздате. – М. Ч.), но зато я постоянно слышу, главным образом от молодежи, которая от нее с ума сходит, что *во всем XX веке не было такой прозы* (курсив наш. – М. Ч.)», могла бы быть отнесена также к «Запискам на манжетах» (1920–1923) и «Тайному другу» (1929).

Едва ли не самое важное здесь – *первое лицо* повествователя, формирующее все остальное. «Какое наслаждение для повествователя от третьего лица перейти к первому! Это все равно что после мелких и неудобных стаканчиков-наперстков вдруг махнуть рукой, сообразить и выпить прямо из-под крана сырой холодной воды» («Египетская марка»).

Весьма важен фон – первое лицо в начале 1930-х гг. уже практически исчезало из прозы, заменяясь безликим повествователем – никто более не чувствовал себя вправе говорить *от себя*²⁰.

О. Мандельштам и Мастер Булгакова

Б.М. Гаспаров предполагал, что Мастер может быть поставлен в прототипическую связь «с личностью и судьбой Мандельштама. Судьба Мандельштама в середине 30-х годов – это арест и ссылка в Чердынь», следствие этого – «временное психическое расстройство, приведшее к попытке самоубийства (Мандельштам выбросился из окна больницы в Чердыни)». Значимым

для сопоставления Б. Гаспаров считает сон Маргариты, «в котором она видит Мастера в безотрадной местности, в жалком виде, а также мотив безумия Мастера»; он отмечает и разговор его с Иваном «в клинике о возможности *выпрыгнуть с балкона* и убежать», а также предполагает амбивалентность буквы «М» на колпаке Мастера: «она выступает в качестве двойной анаграммы: с одной стороны, “Михаил” (Булгаков), с другой – возможно, также “Мандельштам”»²¹.

Не видя оснований для последнего предположения, сопоставим предыдущие с текстологическими и прочими фактами, так как это – несомненно возможная узловая точка соприкосновения двух писательских биографий.

4 января 1934 г. в черновых рукописях романа появляется просьба Маргариты к Воланду: «Верни мне моего любовника...» (с. 508 авторской пагинации рукописи). Воланд обещает. Он подзывает Фьелло (будущего Азazelло), отдает ему приказ шепотом, после чего тот «преобразился. На нем оказалась ушастая меховая шапка и длинный полушубок» (с. 509), что не оставляет сомнений, что Воланд посылает его в северные лагеря.

Возможно, по причине опасности этой темы (либо из-за изменения географии пребывания героя – см. далее) две последние цитированные фразы в рукописи зачеркнуты, а последующий лист вырезан. Уцелевший лист (работа того же дня) начинается *первым* появлением в романе героя: «Ватная мужская стеганая кацавейка была на нем. Солдатские штаны, грубые высокие сапоги...»²² Это – одежда лагерника (ватник и т. п.). Утром 7 января (авторская датировка) текст начинается словами: «Весь в грязи, руки изранены...» – т. е. перед Воландом и Маргаритой появляется человек, занятый тяжелым физическим трудом, не в помещении. Лагерный статус подтверждается его дальнейшими репликами: «...я предупреждаю, что у меня нет паспорта, что меня схватят сейчас же...» То есть *герой романа попадает в лагерь за 4 с лишним месяца до первого московского ареста Мандельштама.*

18 февраля 1934 г. Булгаковы переезжают с Большой Пироговской в дом 3–5 по ул. Фурманова – туда, где в соседнем подъезде уже с конца 1933 г. живет Мандельштам с женой. У них бывает наездами А. Ахматова – и заходит к Булгаковым в соседний подъезд. Она знакома с ними раньше – бывала у них и в 1933 г., еще на Б. Пироговской, ее визит отмечен в дневнике Е.С. 10 октября.

Арест Мандельштама в мае 1934 г. в дневнике, естественно, не отмечен, хотя можно с уверенностью утверждать, что они вскоре узнали о нем от Ахматовой, присутствовавшей при шедшем всю ночь обыске. Трудно судить, сказала ли она им тогда же о стихотворении, послужившем причиной ареста.

В эти же самые дни Булгаков подал анкету для поездки вместе с актерами МХАТа за границу; такая поездка приобрела в его жизни колоссальное, можно было бы сказать – непропорциональное значение. Когда они с Е.С. заполнили анкету, веря в успех, Булгаков на пути домой предлагал жене: «...мечтать, как мы поедем в Париж.

И все повторял ликующе:

– Значит, я не узник! Значит, увижу свет!» Он придумывал «первую главу книги, которую привезет из путешествия.

– Неужели не арестант?!

Это – вечная ночная тема: Я – арестант. Меня искусственно ослепили...» (дневник Е.С., 18 мая 1934 г.).

С этого дня начинают нарастать тревога и опасения – выдача заграничных паспортов перекладывается со дня на день.

...Когда в конце мая – когда следствие закончилось – Мандельштама в сопровождении жены отправляли на поселение в Чердынь и Н. Ольшевская пошла по квартирам собирать деньги на отъезд, к Булгаковым, видимо, пришла вместо нее Ахматова. Она же написала в своих известных кратких воспоминаниях: Е.С. «заплакала и сунула мне в руку все содержимое сумочки».

Именно эти события 1 июня отражены в дневнике Е.С. в такой форме: «Была у нас Ахматова. Приехала хло-

потать за Осипа Мандельштама – он в ссылке», и далее упоминание о пощечине А. Толстому. Это – до попытки самоубийства Мандельштама (начало июня) в Чердыни и до звонка Сталина Пастернаку (13–14 июня).

Но в это время уже сам Булгаков (запись в дневнике Е.С. от того же 1 июня) «чувствует себя ужасно – страх смерти, одиночества. Все время, когда можно, лежит». Жена вызывает к нему врача: «Нашел у него сильное переутомление. Сердце в порядке». Очевидно, что речь идет о серьезном *нервном* переутомлении. Поэтому, когда через неделю, 7 июня, они ждут «в МХАТе вместе с другими» того, кто поехал за паспортами, – и он «вернулся с целой грудой их, раздал всем, а нам – последним – белые бумажки – отказ», то «на улице М.А. стало плохо, я с трудом довела его до аптеки. Ему дали капель, уложили на кушетку»; домой жена увезла его на такси. Об этом рассказано в суммарной записи полтора месяца спустя, 20 июля; там же: «У М.А. очень плохое состояние – опять страх смерти, одиночества, пространства...» (Это – то самое, что описывает Н. Штемпель у Мандельштама в Воронеже, – в следующую встречу Ахматова, конечно, об этом рассказала Булгаковым тоже.)

30 октября 1934 г. начата тетрадь дополнений, где вскоре автор романа о Иешуа Ганоцри (в авторском повествовании именуемый «поэтом») появился в палате Ивана Бездомного – вместо Воланда (появлявшегося там в ранних редакциях). До этого встреча двух этих героев не была предусмотрена.

Она повлекла за собой противопоставление «поэта» Бездомного другому «поэту» – и переименование последнего.

В этом переименовании участвовали, по-видимому, многие воздействия. Слово «мастер» витало и раньше на страницах рукописей: «Но ты, мой бедный и окровавленный мастер! Ты нигде не хотел умирать – ни дома и ни вне дома!» Отметим, что слово это выглядит в тетрадях романа как внезапно и счастливо найденное: во 2-й тетради, среди выписок из материалов и отдельных

набросков будущего текста, появляются слова – «Бедный мастер» – на пустом месте листа, трижды подчеркнутые. Так впервые, кажется, в творчестве Булгакова это слово применено к пишущему, творящему (в 1928–1929 гг. так почтительно обращалась к Воланду его свита – совсем иное значение слова). В сентябре–октябре 1934 г. это имя трижды появляется на страницах «романа о дьяволе» (так называется он пока – за неимением заглавия – на страницах дневника Елены Сергеевны) – как обращение Коровьева и Воланда к тому, кого сам автор по-прежнему именует «поэтом».

И только на тех страницах романа, которые пишутся, по некоторым данным, не ранее второй половины ноября, герой, во-первых, впервые появляется в палате Ивана, т. е. в клинике для душевнобольных, и, во-вторых, рассказывает ему, что только один человек знает, что он *мастер*... «Мы предполагаем, – писала я вынужденно-уклончиво в 1984–1985 гг., – что вхождение этого слова в роман как именования безымянного героя, а затем и в само заглавие было связано, среди прочего, с одной из бесед А. Ахматовой, только зафиксированной, но не раскрытой в записи Е.С. Булгаковой от 17 ноября 1934 г., которую мы не трактуем на страницах данной работы (редактор изъяла из сборника статью из-за интерпретации, потому пришлось от нее отказаться, рассчитывая на догадливость читателей; расчет этот полностью подтвердился – я сразу же получила письмо от Ю. Цивьяна с безошибочной расшифровкой моего туманного текста. – М. Ч.). Подчеркнем, что именно в данный момент работы над романом (ноябрь–декабрь 1934 г.) этот герой находит себе прибежище в лечебнице, что подтверждает догадки *исследователей мотивной структуры романа* (курсив наш; по цензурным условиям имя исследователя – эмигранта Б. Гаспарова – назвать было опять-таки невозможно; но расчет на догадливость соотечественников и здесь подтвердился. – М. Ч.) о прототипических связях романа»²³.

Только в «Жизнеописании Михаила Булгакова», писавшемся в последние годы «застоя», но печатавшем-

ся уже на пике перестройки, удалось внятно описать весь сюжет – начиная с цитирования всей записи от 17 ноября 1934 г. (Отметим, что это не вполне дневниковая запись – *подлинник* первой тетради дневника Е.С. в Отдел рукописей «Ленинки» при передаче последней части архива сыном Е.С. после смерти матери не попал; мы цитируем далее позднейшую копию дневника, сделанную самой Е.С. в 1950-е гг.)

17 ноября 1934 г. «вечером приехала Ахматова. Ее привез Пильняк из Ленинграда на своей машине. Рассказывала о горькой участи Мандельштама. Говорили о Пастернаке». Можно предполагать, что о том, как Мандельштам выбросился из окна больницы в Чердыни, Булгаков узнал только из рассказа Ахматовой о его «горькой участи» – и тогда помещение Мастера в клинику Стравинского не связано с судьбой Мандельштама. Но нельзя исключить и того, что Булгаков узнал об этом раньше от кого-то из москвичей – и тогда предположение Б. Гаспарова частично подтверждается.

Зато мы считаем несомненным, что именно в этот день Булгаков узнал от Ахматовой о телефонном разговоре Пастернака со Сталиным (а после своего единственного телефонного разговора со Сталиным, за который он себя очень корил, Булгаков жгуче интересовался любыми деталями разговоров со Сталиным других людей – в первую очередь каждым *его* словом). Иначе нечем объяснить появление имени Пастернака рядом с «горькой участью» Мандельштама. Из уст Ахматовой Булгаков скорее всего услышал в этот вечер и фразу Сталина о Мандельштаме: «Но ведь он мастер, мастер?» Что, по-видимому, поставило последнюю точку в выборе названия романа.

Слова Пастернака, сказанные Мандельштаму после выслушивания его стихов о Сталине («Это не литературный факт, но акт самоубийства» и т. д.), в сущности, были повторены шестью годами позже некоторыми из слушателей авторского чтения булгаковского «романа о дьяволе».

Очевидная связь фигуры Воланда – просто как существа, наделенного всемогуществом в обращении с судьбами людей, – со Сталиным мучила головы слушателей страхом и мешала воспринять роман как «литературный факт».

¹ Оторопью перед несомненным монархизмом автора биографического романа «Мольер», предназначавшегося для только что учрежденной Горьким серии «Жизнь замечательных людей», продиктовано отвергающее рукопись письмо автору А.Н. Тихонова (естественно, ни словом не упоминающего о монархизме – среди русских интеллигентов – не эмигрантов он в 1933 г. живого монархиста встретить не ожидал! Подробнее об этом см. в нашей статье к 100-летию Булгакова: *Чудакова М.О.* «И понял окончательно, что произошло...»: О жизни и посмертной судьбе Михаила Булгакова // Русская мысль. 1991. 17 мая. (Там же впервые публикуется полностью письмо А.Н. Тихонова.)

² *Земская Е.А.* М.А. Булгаков в последний год жизни: По материалам семейного архива // Наше наследие. 1991. № 3 (21). С. 86.

³ Подробнее об отношении к Городу как средоточию культуры, носителю исторической памяти и к театру как сгустку культуры, носителю традиции у Булгакова и Мандельштама, о мире театра – со «своим» светом, отделенном от всего окружающего мира с «его» светом и тьмой, см. в нашей работе: *Чудакова М.О.* М.А. Булгаков-читатель // Книга: Исследования и материалы. Вып. 40. М., 1980. С. 174–176.

⁴ Цит. по: *Чудакова М.О.* Архив М.А. Булгакова: Материалы для творческой биографии писателя. М., 1976. С. 111, 119.

⁵ *Булгаков М.А.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1990. Т. 5. С. 390.

⁶ Подробнее – в нашей статье «Без гнева и пристрастия», 1988 (см.: *Чудакова М.О.* Литература советского прошлого. М., 2001. С. 324 и др.).

⁷ См.: Тыняновский сборник. Третьи Тыняновские чтения. Рига, 1988; эту статью, найденную еще в конце 1960-х гг. и подго-

товленную для печати в «Вопросах литературы», выкинули из номера в верстке, поскольку член редколлегии Ю. Барабаш заявил: «Не будем превращать “Вопросы литературы” в “Вестник мандельштамоведения”!» Спустя несколько лет статья была опубликована Л. Флейшманом, обнаружившим ее независимо от Е. Тоддеса.

⁸ См.: Литературное обозрение. 1991. № 3. С. 30–43.

⁹ Там же. С. 37.

¹⁰ Цит. по: Чудакова М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд. М., 1988. С. 120–124.

¹¹ За уточнение благодарю Б.Я. Фрезинского.

¹² Впервые, видимо, отмечено Л. Лосевым в его содержательных комментариях к отдельному изданию «Записок на манжетах»: «Реминисценции из русской драматургии. Первое предложение – перефразированные реплики Счастливецца и Несчастливецца из драмы А.Н. Островского “Лес”. Осип, конечно, не упоминаемый ниже Мандельштам, а слуга Хлестакова из пьесы Гоголя “Ревизор”» (Булгаков М.А. Записки на манжетах. Нью-Йорк, 1981. С. 111).

¹³ См.: Тыняновский сборник. М., 2009. Вып. 13. С. 645–648.

¹⁴ Отметим, что в записи Н.А. Земской последних разговоров с умирающим братом есть лаконичный фрагмент, дающий возможность толковать упоминание тетки двояко: «О биографах... Тетка-акушерка» (Земская Е.А. Указ. соч. С. 82). Не исключено, что Булгаков напомнил сестре о неполноценности предполагаемой ею биографии брата – хотя бы из-за неупоминаемости трагического конца «тетки-акушерки».

¹⁵ Чудакова М.О. Булгаков-читатель. С. 173–174.

¹⁶ Булгаков М.А. Собр. соч. М., 1989. Т. 1. С. 196.

¹⁷ Булгаков М.А. Пьесы 30-х годов. СПб., 1994. С. 87.

¹⁸ Булгаков М.А. Записки покойника // Булгаков М.А. Собр. соч. М., 1990. Т. 4. С. 469.

¹⁹ Цит. по: Горький М. Алексей Толстой (1924). Шкловский В. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). М., 1990. С. 205.

²⁰ Подробно об этом рассказано в нашей статье: Судьба «самоотчета-исповеди» в литературе советского времени (1920-е –

конец 1930-х годов) // Чудакова М.О. Избр. работы. М., 2001. Т. 1: Литература советского прошлого. С. 399–402 (раздел 2).

- ²¹ *Гаспаров Б.* Из наблюдений над мотивной структурой романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // *Slavica Hierosolymitana*. V. III. Jerusalem, 1978. P. 240–241.
- ²² *Чудакова М.* Творческая история романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // *Вопр. лит.* 1976. № 1. С. 236.
- ²³ *Чудакова М.О.* Гоголь и Булгаков // *Гоголь: история и современность*. М., 1985. С. 373.

Владимир Коркунов

ВРЕМЕННОЕ ПРИСТАНИЩЕ:
«ДАЧНЫЕ КАНИКУЛЫ»
ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА*

Даже для приблизительного понимания, какие чувства испытывал в Кимрах Осип Мандельштам, стихов, получивших с легкой руки исследователей название «савёловского цикла», решительно недостаточно. Это был период борьбы и одновременно – выживания. И одновременно – угасания. Сейчас, издав далеко, нетрудно прочертить дальнейшие маршруты мандельштамовской судьбы. Но летом 1937 г. надежда (впрочем, думаю, она не исчезала вплоть до последней минуты) все еще оставалась, и сквозь горечь и кровь, которой подернулся «ворованный воздух», они приняли решение «передохнуть и оглядеться»¹. Именно супруга поэта, оставившая бесценные мемуары о многих, казалось бы, потерянных эпизодах их жизни, помогает нам увидеть Кимры 1930-х гг., какими они попали в стихи, какими их увидела чета Мандельштамов, а полгода спустя – Михаил Бахтин, «отдыхавший» в Кимрах до 1945 г.

Стоянка между жизнью и вечностью

До недавнего времени во всех биографических очерках и монографиях о поэте Кимры и Савёлово считались разными, независимыми друг от друга населенными пунк-

© Коркунов В.В., 2014

* Автор искренне благодарит за деятельную помощь в работе над очерком Сергея Васильевича Василенко.

тками. Так, на страницах книги воспоминаний Надежды Мандельштам читаем: «Рано что-то мы на дачу выехали в этом году», – сказал О. М., укрывшись от московской милиции в Савёлове, маленьком поселке на высоком берегу Волги, против Кимр»². Да и на допросе 17 мая 1938 г. он скажет: «По окончании высылки летом 1937 г. я приехал в Москву, не зная того, что мне запрещено проживать в Москве. После этого я выехал в село Савёлово...»³ И тем не менее правильное говорить именно о Кимрах. В августе 1934 г. ВЦИК постановил присоединить к небольшому расположенному на левом берегу Волги городку несколько сопредельных деревень, в числе которых было и правобережное Савёлово⁴. Берега разной высоты позволяли кимрякам смотреть на «новообетенную территорию» словно со ставки главнокомандующего, и эта «неровность» отразилась в стихах: «Против друга – за грехи, за грехи – / Берега стоят неровные, / И летают за верхи, за верхи / Ястреба тяжелокровные – / За коньковых изб верхи...»

Отметим, что ястреб – традиционная птица этих мест, и обратим внимание на неровные берега, между которыми курсировал катер (чуть не утачивший на дно детскую писательницу Гайду Лагздынь, оказавшуюся здесь в 1950-е гг., – тоже из неблагонадежных!). «Грехи», в которых поэт увидел причину их неровности – неровное бытие! – могут быть следствием уничтожения Покровского собора, располагавшегося на левом берегу (где ныне находится драмтеатр), взорванного в 1936 г. – за год до приезда в Кимры опальных супругов.

По воспоминаниям очевидца, Мандельштамы переправлялись на кимрскую сторону с помощью бакенщика Фирсова, торговавшего рыбой и курсировавшего между левым (где и располагался его дом) и правым берегами⁵.

* * *

Доподлинно известно, что 26 июня 1937 г. Осип Мандельштам был в Кимрах. На это указывает телеграмма, найденная в архиве поэта исследователем его наследия Викторией Швейцер⁶. Мандельштамы выбрали Кимры

потому, что город находился в относительной близости от Москвы – на самой границе 101-километровой зоны – и железнодорожное сообщение между Москвой и Кимрами позволяло супругам регулярно посещать столицу. «Савёловский период» жизни Надежда Яковлевна Мандельштам в своих воспоминаниях называла «дачным», так как они «...не собирались пускать корней и жили как настоящие дачники. Это была временная стоянка – она нам понадобилась, чтобы передохнуть и оглядеться». Чета Мандельштамов покинула Кимры, вероятно, к ноябрю 1937 г. Этот вывод можно сделать из упомянутых воспоминаний: «Осенью стал вопрос о переезде из Савёлова, и мы снова изучали карту Подмоскovie. Лева (Лев Бруни. – В. К.) посоветовал Малый Ярославец... <...> Осенью рано темнеет. Освещен в Малом Ярославце был только вокзал. Мы шли вверх по скользким от грязи улицам и по дороге не заметили ни одного фонаря, ни одного освещенного окна, ни одного прохожего»⁷. Пробыв там до утра, они вернулись в Москву, а оттуда Исаак Бабель направил опального поэта в Калинин (ныне Тверь) к Николаю Эрдману. 5 или 6 ноября Мандельштамы были уже там⁸.

Так получилось, что «временная стоянка» оказалась весьма непродолжительной, однако итоги ее значительны. Гостившая у Мандельштамов в Кимрах Наталья Штемпель, практически единственная слушательница его новых стихов, вспоминала, что в Савёлове О. Мандельштам написал десять или одиннадцать стихотворений – небольших, преимущественно лирических⁹. На сегодняшний день известны три из них: «Пароходик с петухами...», «Стансы», «На откосы, Волга, хлынь...». Они же пока и являются последними в его творческой биографии.

«Старый город»

В Савёлове Мандельштамы арендовали дачу. Они прогуливались по отстраивающемуся правобережью, переправлялись в «старый город»...

Имея в своем распоряжении несколько фотографий да газетные публикации с воспоминаниями очевидцев, трудно достоверно представить городской быт, шум базарной площади – атмосферу развивающегося (хоть и на останках церквей и патриархального прошлого) города. Взгляд изнутри ценен, но при оценке самого себя важен и взгляд со стороны. «Лес там чахлый, – вспоминает Надежда Мандельштам. – На пристанционном базаре торговали ягодами, молоком и крупой, а мера была одна – стакан. Мы ходили в чайную на базарной площади и просматривали там газету. Называлась она “Эхо инвалидов” – нас так развеселило это название, что я запомнила его на всю жизнь. Чайная освещалась копящей керосиновой лампой, а дома мы жгли свечу, но О. М. при таком освещении читать не мог из-за глаз. <...> Да и книг мы с собой почти не взяли...»¹⁰.

Художественный вымысел – или метафора времени? – вступает в противоречие с действительностью. Название чайной – «Эхо», относящееся к промартели инвалидов. Куда еще могло занести в Кимрах опального поэта, как не в пристанище сирых и убогих?

Оставшихся воспоминаний немного, а потому хочется процитировать основные моменты, описывающие (и характеризующие) город той поры. «Савёлово – поселок с двумя или тремя улицами, – продолжает Надежда Яковлевна. – Все дома в нем казались добротными: деревянные, со старинными наличниками и воротами. Чувствовалась близость Калязина, который в те дни затоплялся (это ошибка памяти, часть Калязина была затоплена позднее, в 1940 г., в связи с постройкой Угличского гидроузла. – В. К.). То и дело оттуда привозили отличные срубы, и нам тоже хотелось завести свою избу. Но как ее заведешь, когда нет денег на текущий день? Жители Савёлова работали на заводе (Савёловский машиностроительный завод. – В. К.), а кормились рекой – рыбачили и из-под полы продавали рыбу. Обогревала их зимой тоже река – по ночам они баграми вылавливали сплавляемый с верховьев лес. Волга еще оставалась общей кормилицей, но сейчас уже навели порядок и реки нас больше не кормят...»¹¹

Савёловский завод в скором времени станет градообразующим предприятием, работники его, а в лучшие годы число их достигало двенадцати тысяч человек, отстроят новый район. Уйдут в небытие когда-то добротные деревянные дома, на их месте вырастут пяти- и девятиэтажки, детские сады, школы... Возможно, в этих метаморфозах времени и сгинул домик, в котором в 1937 г. остановились Мандельштамы. Так или иначе, найти его не удалось, хотя экспедиции, организованные библиотекарями и краеведами, предпринимались.

Итак, Савёлово строилось и развивалось. Естественно, Кимры, располагавшиеся на противоположной стороне, на которых оставили след голодные 1920-е гг., выглядели не так выигрышно. Но и говорить об облупленном и полуразваленном городке (об этом чуть ниже пишет в своих воспоминаниях Н. Мандельштам) было бы в корне неверно. Подтверждение тому – сохранившиеся фотоматериалы.

Мандельштамы «предпочли остаться в Савёлове – конечной станции Савёловской дороги, а не забираться в Кимры, облупленный городок на противоположном берегу, потому что переправа осложняла бы поездки в Москву (мост через Волгу был построен лишь в 1978 г. – В. К.). Железная дорога была как бы последней нитью, связывавшей нас с жизнью. “Селитесь в любой дыре, – посоветовала Г<алина> М<екк>, испытывавшая все, что у нас полагается, то есть лагерь и последующую ‘судимость’, – но не отрывайтесь от железной дороги: лишь бы слышать гудки...” <...>

К нам в Савелове ходили женщины, предлагая срубы по самой дешевой цене, а мы только облизывались, так аппетитно они расписывали стены, крепкие и желтые, как желток. <...> Быть может, в странах капитализма нашлись бы чудачки, которые бы собрали ссыльному поэту на мужицкий дом с короной, но у нас это исключено»¹².

Итак, было ясно, что в Савёлове, внешне приглянувшемуся Мандельштамам, оставаться надолго они не планировали. Поэт отчаянно пытался вернуться к нормальной жизни. А в Кимрах – разве может быть нормальная жизнь

для личности такого масштаба? Тоска, раздражение, эгоизм – спутники Мандельштама той поры, отраженные в записных книжках Лили Поповой: «Расстроили меня, обозлили два звонка М, даже три. Это непроходимый, капризный эгоизм. Требование у всех, буквально, безграничного внимания к себе, к своим бедам и болям»¹³. Впрочем, приступы саморазрушения, безнадежности и несправедливости бытия быстро пропадали, и поэт, вдохновленный далекой, но милой сердцу Лилей, брался за стихи, строил планы, выбирался в столицу или принимал гостей.

Супруга же была плоть от плоти его, а потому добрые слова в адрес Кимр (а скорее – Савёлова) могут быть расценены лишь как благодарное отношение к местным жителям, простым да искренним, и славному приволжскому городку.

Единственный очевидец

Поиск следов Мандельштама в самих Кимрах оказался задачей неблагоприятной. Имя замалчиваемого в советское время поэта было на слуху разве что у интеллигенции, а чтобы широко обсуждать опального классика, когда сведений о его пребывании в городе фактически не было, нужна была не только смелость, но и немалая – скрупулезная – увлеченность. Все поменялось, когда имя Мандельштама вернулось в русскую литературу.

Первыми заинтересованными оказались члены Кимрского клуба краеведов, библиотекари и, как следствие, журналисты. Вскоре в районной газете «За коммунистический труд» в декабре 1990 и марте 1991 г. появились две небольшие заметки. В декабрьской сообщалось, что в 1937 г. в Кимрах жил «известный советский поэт» Осип Мандельштам. Здесь же – брошен клич: вдруг кто-то из читателей вспомнит о тех временах?¹⁴

Откликнулся один-единственный человек, Юрий Георгиевич Стогов, сообщивший, что видел Мандельштама с супругой в компании предположительно Яхонтова.

В газете была приведена выдержка из его воспоминаний: «Он помнит, как однажды загляделся на жену Мандельштама, а Яхонтов, увидев это, сказал ей: “Вот, у Вас еще один поклонник появился”»¹⁵.

Понимая, что информации, приведенной в заметке, недостаточно, в апреле 2007 г. я отправился к местному старожилу, который не только радушно принял нежданного гостя, но и в деталях рассказал о летних месяцах 1937-го.

Не стоит, впрочем, забывать, что в ту пору моему рассказчику было девять лет, а потому его воспоминания не могут быть досконально достоверными. Но, сравнивая рассказ Стогова с воспоминаниями Надежды Яковлевны Мандельштам (а также Натальи Евгеньевны Штемпель), я склоняюсь к его умеренной правдивости. Во всяком случае, географически все подано верно, а за неимением других свидетельств рассказ Стогова представляет немалую ценность.

О том, что Осип Мандельштам приехал в Кимры, тетке Юрия Стогова рассказала подруга-учительница; той, в свою очередь, сообщил муж, некто Тулицын, заведовавший гороно. Жила родственница Стогова возле электростанции, на левобережной стороне Кимр. Маленький Юра в летние месяцы часто прибегал сюда: берега Кимрки и Волги, кряжистые деревья, дающие большую тень, – прекрасное спасение от жары! Странного мужчину он приметил сразу, но подойти – боялся. А тетка шепнула на ухо: «Видишь, это известный поэт, Мандельштамом зовут». Смелости Юра набрался в один из следующих дней, подойдя-таки к мужчине и его спутникам, предположительно – Надежде Яковлевне и Владимиру Яхонтову (Павел Нерлер, комментируя эту встречу, полагает, что спутниками Мандельштама были Яхонтов и его первая супруга Лиля Попова, тогдашнее романтическое увлечение поэта¹⁶).

Троица остановилась в тенистом местечке возле электростанции (это, впрочем, было излюбленным местом Мандельштама для бесед). В тридцати метрах располагался домик бакенщика Фирсова, у которого спутники поку-

пали рыбу и просили перевезти через Волгу на савёловскую сторону.

Один из мужчин был грустным и задумчивым – его тетка Юры и назвала Мандельштамом, другой же, напротив, балагурил. Засмотревшись на женщину, мальчик и услышал реплику балагура «про поклонника».

По словам Стогова, Мандельштамы снимали на савёловской стороне дом некоего Чусова – небольшой, с зеленой крышей. Располагался он возле леса, на самой границе города¹⁷.

«Домик с зеленой крышей» сохранился в воспоминаниях Натальи Штемпель, которая добавляет еще одну деталь к этому периоду жизни поэта: «Нашла нужную улицу и дом; в окне увидела Осипа Эмильевича. Он таинственно поднес палец к губам, молча вышел ко мне, поцеловал и ввел в дом. Надежда Яковлевна тоже мне обрадовалась».

В бревенчатом доме они снимали полупустую комнату, но в этом была какая-то дачная прелесть, казалось больше воздуха»¹⁸. В те месяцы воздух, которым дышал Осип Мандельштам в Савёлове, был «неворованным».

Ночь в савёловском лесу

И все-таки пристанищем Мандельштама, пусть даже и временным, Кимры назвать нельзя. То и дело опальный поэт отправлялся в столицу, где его ждали (или он полагал, что ждали, – кто же добровольно будет общаться с опасным «выселенцем»?) друзья и знакомые. Конечно, больше всего его тянуло к Яхонтову и Лиле Поповой, «эротические флюиды» которой, как полагает Ральф Дутли, не давали Мандельштаму спокойно жить даже в тот трагический для него период. Помимо четы Яхонтовых, он бывал в доме Шкловских, благо их жилье находилось в непосредственной близости от Савёловского вокзала; у литературоведа Николая Харджиева, художников Льва Бруни и Александра Осмёркина, архитектора Льва Наппельбаума и супругов Бернштейн. Побывали Мандельштамы и в Пе-

ределкине у Бориса Пастернака, единственного, кто пришел к вдове поэта, узнав о его смерти...

За время «дачного периода» 1937 г. поэту удалось на два дня выехать в Ленинград, откуда в Савёлово ему постоянно писал брат Евгений. Там, в Ленинграде, поэт в последний раз свиделся с отцом и Анной Ахматовой. Да и в Кимры к Мандельштамам нередко наезжали друзья – Штемпель, Лахути, супруги Яхонтовы и другие¹⁹.

История стихотворений, написанных Мандельштамом на кимрской земле и называемых исследователями «Савёловским циклом», в некоторой степени сродни детективной. Поскольку большинство из них были обращены к «другой женщине» (Лиле Поповой), супруга поэта, Надежда Яковлевна, до определенного момента ничего о них и не знала (О. Мандельштам не имел обыкновения показывать Н. Мандельштам подобные стихи).

Сколько их было написано за полугодовое пребывание поэта на кимрской земле, в районе с поэтическим названием «Савёлово»? Наталья Евгеньевна Штемпель, верная хранительница рукописей Мандельштама, вспоминает о ночной прогулке, случившейся то ли в конце июля, то ли в начале августа 1937 г. в савеловском лесу, где поэт читал ей новые стихи: «Полночи мы с Осипом Эмильевичем бродили по лесу вдоль берега Волги. – Надежда Яковлевна с нами не пошла. Осип Эмильевич рассказывал мне, как они жили эти два месяца после отъезда из Воронежа, прочитал все новые стихи. Мне кажется, их было десять или одиннадцать. Насколько я помню, это были небольшие (по количеству строк) стихи, лирические, любовные... Стихи пропали при последнем обыске и аресте. Надежда Яковлевна не знала их наизусть, как знала воронежские. Списков ни у кого не было...»²⁰

Сколько стихотворений было написано после, с августа по ноябрь, неизвестно никому. Дошедшие до нас три стихотворения, созданные в Кимрах («Пароходик с петухами...», «На откосы, Волга, хлынь...» и «Стансы»), обнаружены Викторией Швейцер в письмах Лили Поповой. Примечательно, что автографа (оригинала), созданного рукой

Осипа Мандельштама, не найдено. Еще одно стихотворение – «С примесью ворона – голуби...» – В.А. Швейцер также относит к «Савёловскому циклу» – тем стихам, которые были написаны после Воронежа. О последнем стихотворении, исключая «савёловский» след, сообщает Лиля Попова в письме, датированном началом июля, т. е. за несколько недель до прибытия Мандельштамов в Кимры. Как можно понять из письма, оно было написано еще в Москве²¹.

Существовали еще, по крайней мере, два стихотворения, которые можно со всем основанием отнести к «Савёловскому циклу». Это так называемое «канальское» (так его именовал сам поэт), написанное по заказу из Москвы, от Союза писателей. Для его выполнения Мандельштам посетил Беломоро-Балтийский канал, строившийся заключенными. Однако, несмотря на этот факт, стихотворение не содержало никаких политических подтекстов (что подтверждало бы его «заказной» характер); это было, по воспоминаниям вдовы, обычное пейзажное стихотворение. Спустя годы Надежда Мандельштам вместе с Анной Ахматовой сожгла его по причине ощутимой слабости²².

Вторым ненайденным стихотворением условно можно назвать «Черкешенку». Нам известны лишь его название (также условное) и рассказ Лили Поповой, который, как полагает Виктория Швейцер, мог лечь в основу сюжета. Идея «Черкешенки» заключалась в том, что горцы, увидев прекрасную девушку, предложили деду продать внуку за стадо овец или даже коней. Дед отказывался, однако горцы все торговались и торговались. «Дедушка снова замотал головой, а я подумала: разве внуки продаются?» – так заканчивает свой рассказ Лиля Попова²³.

Стоит упомянуть, что существовало еще одно стихотворение, которое, по воспоминаниям Натальи Штемпель, тематически отличалось от других. В нем Мандельштам резко отрицательно отзывался о смертной казни. Но поскольку в известных нам «савёловских» стихотворениях ни о чем подобном речи не идет, напрашивается вывод: данный текст до сих пор не найден²⁴.

«Лучше бы вы их не находили!»

Нетрудно предположить, что особой радости супруга поэта, Надежда Яковлевна, от находки стихотворений «С примесью ворона – голуби...» и «Стансы» не испытала. Стихи, написанные другой женщине, не могли показаться сладостным бальзамом. Виктория Швейцер вспоминает, как, прочтя их, Надежда Яковлевна призналась, что впервые приревновала мужа. «Лучше бы вы их не находили», – в сердцах сказала она Швейцер²⁵.

Стихотворения же «Пароходик с петухами...» и «На откосы, Волга, хлынь...» сохранились в записи рукой Сергея Борисовича Рудакова (1909–1944) и были опубликованы Эммой Григорьевной Герштейн (1903–2002), описавшей в «Мемуарах» (1998) воронежскую ссылку Мандельштама. Сергей Рудаков в свое время работал в Воронеже над составлением и записью комментария к уже вышедшим книгам Осипа Мандельштама. Эмма Герштейн свидетельствует, что Мандельштам видел в Рудакове будущего редактора своих стихотворений, а потому у последнего был доступ к его черновикам и беловым автографам. Каким образом в руки Рудакова попали «савеловские» стихотворения – можно только догадываться. Сергей Борисович на правах друга семьи мог навещать Мандельштамов в Савёлове и увидеть там стихотворные записи или же заполучить их во время последних приездов поэта в Ленинград. Так или иначе, но Сергей Рудаков зафиксировал несколько «савеловских» стихотворений Мандельштама, обнаруженных Эммой Герштейн в его архивах в 70-е гг. прошлого столетия.

Надежда Яковлевна Мандельштам опасалась, что итоговые собрания сочинений будут заканчиваться недоделанными, а возможно, и незаконченными стихотворениями. Подтверждение этому находим в записях Рудакова и рассуждениях Герштейн. «Вероятно, стихотворение (“Пароходик с петухами...” – В. К.) нельзя считать завершенным, – полагает Эмма Герштейн. – Об этом свидетель-

ствуют приводимый Рудаковым вариант третьей строфы и затемненный смысл последнего стиха, впрочем, переписанного Рудаковым недостаточно разборчиво: он писал простым карандашом на листках, вырванных из школьной тетради в одну линейку».

Неизвестно, был ли вариант третьей строфы «Пароходика с петухами...» написан самим Мандельштамом или же это «редакторская правка» Рудакова. Но для полноты картины приведем их оба.

И, паяльных звуков море
В перебой взяв,
Москва слышит, Москва смотрит,
Зорко смотрит в явь.
(общепринятый текст)

И, полуторное море
К небу припаяв,
Москва слышит, Москва смотрит
В силу, в славу, в явь.
(вариант)

А между тем стихотворные сюжеты, исключая пейзажные особенности Кимр и Савёлова, характеризуют свое время. На дворе – 1937 год, газетные передовицы пестрят сообщениями об обвинениях, наказаниях, приговорах и самоубийствах. Мандельштамы знакомились со свежей прессой в чайной «Эхо»: «Мы ходили в чайную на базарной площади и просматривали там газеты». Неутомимая Виктория Швейцер, анализируя материалы, публиковавшиеся в те дни в «Правде», находит немало соответствий с газетными публикациями в стихотворении «Стансы», посвященном убежденной сталинистке Е.Е. Поповой. И в самом деле, образ вождя предстает перед нами иным, нежели в нарицательных строках «Мы живем, под собою не чуя страны...».

В «Стансах» читаем:

О том, как вырвалось однажды:
– Я не отдам его! – и с ним,
С тобой, дитя высокой жажды,
И мы его обороним,

Непобедимого, прямого,
С могучим смехом в грозный час,
Находкой выхода прямого,
Ошеломляющего нас.

Вырвалось – у кого? У Лили Поповой? Вероятно, в ходе бесед, споров, доказательств и опровержений. Ее любовь к «вождю народов» была искренней и чистой, наивной и прямой, перед силой этой любви и поклонения отступал и поэт, отступал, уважая (?) и принимая ее позицию, фиксируя в стихотворных строках – ее любовь. Но вместе с этим впечатление от стихотворения угнетающее. Подтверждение тому – приметы времени.

Необходимо сердцу биться:
Входить в поля, вращать в леса.
Вот «Правды» первая страница,
Вот с приговором полоса.

Дорога к Сталину – не сказка,
Но только – жизнь без укоризн:
Футбол – для молодого баска,
Мадрида пламенная жизнь.

О передовицах «Правды» с приговорами мы уже сказали. Виктория Швейцер приводит несколько примеров. 5 июня, заголовок: «Беспощадно громить и корчевать троцкистско-правых шпионов», 7 июня: «Профессор – насильник, садист» (имеется в виду врач Д. Плетнёв) и др. Что же касается «молодого баска», то в статье «Испанские футболисты едут в СССР» (11 июня) читаем: «В составе команды басков – 9 бойцов республиканской Испании. Они были отозваны с фронта и поехали в Европу демон-

стрировать успехи спорта республиканской Испании и собирать средства для борьбы испанского народа против интервентов»²⁶. В самом деле, жизнь (и война, и борьба, и спорт!) – пламенная.

Здесь же и пророчество об эпохе, которую впоследствии назовут эпохой Сталина: «И будешь сталинкою зваться / У самых будущих времен...»

Заканчивая исследование, Виктория Швейцер отмечает: «Нужно надеяться, что когда-нибудь, где-нибудь обнаружатся еще “савёловские” стихи Мандельштама»²⁷. К сожалению, с тех пор новые стихи О. Мандельштама, написанные в Кимрах, обнаружены не были.

Здесь жил великий поэт

Разговоры о появлении в Кимрах мемориальной доски, посвященной О.Э. Мандельштаму, продолжались достаточно долго. Важность (в первую очередь краеведческая и только потом литературоведческая) его поэтического наследия для города не раз отмечалась на заседаниях Кимрского клуба краеведов и литературной группы, где зачитывались и разбирались стихотворения «савеловского цикла».

Мы уже говорили о неудавшихся экспедициях (на подобные розыски прибывали исследователи и из Московской области), направленных на поиск дома, где жили «опальные гости». Жизнь и творчество Мандельштама, применительно к недолгому пребыванию в Кимрах, стали одной из тем Вторых Бахтинских чтений, прошедших в Центральной районной библиотеке в конце 2006 г.

Очевидная необходимость хоть в каком-то знаке памяти ощущалась не только городской общественностью. В одном из писем (7 марта 2011 г.) Павел Нерлер, председатель Мандельштамовского общества, спрашивал напрямую: «Есть ли в Савёлово мемориальная доска, а если нет, то есть ли какая-то инициатива в эту сторону?»

Инициатива, конечно, была. Автор данного материала неоднократно поднимал этот вопрос в беседах с пред-

ставителями власти и предпринимателями, но взаимопонимания найти не удавалось.

Дело сдвинулось с мертвой точки после публикации исследования о жизни и творчестве Осипа Мандельштама в Кимрах в журнале «Знамя» (2009. № 2), который попал в руки художественному руководителю Государственного кимрского театра драмы и комедии народному артисту России Олегу Лаврову, влюбленному в стихи Мандельштама с детских лет. А потому не было ничего удивительного, что на просьбу о помощи в изготовлении мемориальной доски Олег Алексеевич сделал встречное предложение – установить ее на здании театра. «Почему на театре? Это отличная пропаганда нашего города и среди кимряков, и среди гостей, – сказал Олег Лавров в интервью автору этого текста. – Театр я считаю культурным стержнем города, а Мандельштам – одна из ярких фигур мировой культуры и литературы»²⁸.

Но до церемонии открытия оставалось еще около трех лет. Наконец осенью 2011 г. Олег Алексеевич представил эскиз мемориальной доски, само же торжественное мероприятие было назначено на 3 декабря.

На открытие из Москвы прибыли заместитель председателя Мандельштамовского общества Юрий Львович Фрейдин с супругой. Они прошли по мандельштамовским местам Савёлова, полюбовались теми самыми «добротными», «со старинными наличниками и воротами», домиками, о которых вспоминала Н.Я. Мандельштам, добрались до опушки леса, в котором июльской ночью 1937 г. Осип Мандельштам читал «савеловские» стихи Наталье Штемпель.

Несмотря на недружелюбную погоду, притеатральная площадка была запружена народом. Первым выступил Олег Лавров, эстафету принял Юрий Фрейдин. Он выразил признательность инициаторам открытия доски, театру и его труппе, а также всем пришедшим почтить память (и увековечение памяти) поэта. Большой честью для автора этих строк стала возможность сказать несколько слов вслед за почетным гостем, поздравить кимряков и по-

желать доброй памяти мандельштамовскому наследию на кимрской земле.

А вскоре полотно, скрывавшее самое сокровенное, робко вздрогнуло и явило саму мемориальную доску со стихотворной цитатой: «Я уменьшаюсь там, меня уж не заметят, / Но в книгах ласковых и в играх детворы / Воскресну я сказать, как солнце светит...» и текстом: «В нашем городе в 1937 году жил и работал великий поэт Осип Мандельштам». И – годы жизни.

Затем гостеприимно распахнулись двери театра, и перед гостями выступили молодые артисты, читавшие стихи поэта, мандельштамоведы местные и столичные, поведавшие о жизни и творчестве Осипа Мандельштама, и особо – о его «савеловском периоде»²⁹.

* * *

Недолгое пребывание Мандельштама в Кимрах оставило в его творчестве след пусть не самый совершенный, но однозначно важный для литературного краеведения тверской земли. С 26 июня по первую декаду ноября поэт с супругой пробыли в Кимрах. Через год сердце поэта, оголодавшего до смерти в лагерях (те страшные дни Варлам Шаламов постарался передать в рассказе «Шерри-бренди»), перестанет биться... А в это время Н.Я. Мандельштам писала письма в неизвестность, вспоминала о доставшемся чудом хлебе и вольном (ворованном, как оказалось!) воздухе: «Ося, родной, далекий друг! Милый мой, нет слов для этого письма, которое ты, может, никогда не прочтешь. Я пишу его в пространство. Может, ты вернешься, а меня уже не будет. Тогда это будет последняя память.

Осюша – наша детская с тобою жизнь – какое это было счастье. Наши ссоры, наши перебранки, наши игры и наша любовь. Теперь я даже на небо не смотрю. Кому показать, если увижу тучу?

Ты помнишь, как мы притаскивали в наши бедные бродячие дома-кибитки наши нищенские пиры? Помнишь, как хорош хлеб, когда он достается чудом и когда его едят вдвоем? И последняя зима в Воронеже. Наша счаст-

ливая нищета и стихи. Я помню, мы шли из бани, купив не то яйца, не то сосиски. Ехал воз с сеном. Было холодно, и я мерзла в своей куртке (так ли нам предстоит мерзнуть: я знаю, как тебе холодно). И я запомнила этот день: я ясно до боли поняла, что эта зима, эти дни, эти беды – это лучшее и последнее счастье, которое выпало на нашу долю.

Каждая мысль о тебе. Каждая слеза и каждая улыбка – тебе. Я благословляю каждый день и каждый час нашей горькой жизни, мой друг, мой спутник, мой слепой поводирь...»³⁰

Это строки из последнего письма Надежды Яковлевны Осипу Мандельштаму, датированного 22 октября 1938 г., которое поэту так и не суждено было прочесть.

¹ Мандельштам Н. Воспоминания. 4-е изд. Р., 1982. С. 312.

² Там же.

³ Нерлер П. «С гурьбой и гуртом»: Хроника последнего года жизни О.Э. Мандельштама. М., 1994. С. 19.

⁴ См.: За коммунистический труд. 1984. 18 авг. Приводим текст заметки «Полвека назад»: «ВЦИК постановил: “Включить в черту города Кимры Кимрского района Московской области (в течение некоторого времени Кимры входили в состав Московской области. – В. К.) следующие селения поименованного района с сельскохозяйственными землями: Чернигово, Березниково и Конохино – по левую сторону р. Волги; Старое и Новое Савёлово, Шиково, Крастуново, выселки близ переправы, пристани и у шоссе, поселок при станции Савёлово Северной железной дороги и земли специального назначения, занятые промышленными предприятиями с правой стороны”. “Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР” 20.08.1934 № 31, ст. 185, стр. 246».

Вопрос о присоединении Савёловской стороны к Кимрам поднимался неоднократно. Первое упоминание об этом можно найти в протоколе заседания президиума Кимрского уисполкома от 09.03.1920 г.: «Распространить

действие земельно-жилищного подотдела на районы: поселок Савёлово и погост Иоанна Предтечи (ныне здесь находится горбольница № 1. – В. К.) и дачи в этом районе». Позднее, в 1925 г., этот вопрос был затронут на страницах газеты «Кимрская жизнь» (1925. № 26. 16 дек.): «С целью изучения вопроса по включению пос. Савёлово с прилегающими к нему деревнями к черте г. Кимры создана комиссия из пяти человек под председательством члена УИКа Волкова. Комиссии поручено разрешить вопрос в течение двух недель».

⁵ Имеется в виду рассказ Юрия Стогова (2 октября 1928 – 8 августа 2011). *Коркунов В.В.* «Пароходик с петухами» (О пребывании Осипа Мандельштама в Кимрах). [Предисловие Беллы Ахмадулиной] // Знамя. 2009. № 2. С. 156.

⁶ *Швейцер В.* Мандельштам после Воронежа // Вопр. лит. 1990. № 4. С. 235. Вот текст телеграммы: «О.Э. Мандельштам – Л.Л. Поповой

<26 июня 1937 г., Савёлово>

ДОРОГА ЛЕГКАЯ КОРОТКАЯ СЛУШАЛ ЩЕЛКУНЧИКА СМОТРЕЛ ВОЛГУ МОСКВУ БОЛЬШОЙ ПРИВЕТ ЯХОНТОВУ – МАНДЕЛЬШТАМ».

⁷ *Мандельштам Н.* Указ. соч. С. 339.

⁸ См.: *Нерлер П.* Слово и «дело» Осипа Мандельштама. Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. М., 2010. С. 85.

⁹ См.: *Швейцер В.* Указ. соч. С. 238–239.

¹⁰ *Мандельштам Н.* Указ. соч. С. 312.

¹¹ *Мандельштам Н.* Указ. соч. С. 312, 313.

¹² Там же. С. 313, 321.

¹³ РГАЛИ. Ф. 2440. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 166.

¹⁴ *Ефремов П.* Может быть, кому-то известно? // За коммунистический труд. 1990. 11 дек.

¹⁵ *Ефремов П.* Поиск продолжается // За коммунистический труд. 1991. 12 марта.

¹⁶ См.: *Нерлер П.* Слово и «дело»... С. 82.

¹⁷ Запись беседы с Юрием Стоговым впервые опубликована в газете «Литературная гостиная» [2008. № 8 (34). Сент.]. (Газета выходила как приложение к межрайонной газете

«Поговорим обо всем». Позднее, с января 2011 г., – как приложение к «Кимрской общественной газете».)

¹⁸ *Штемпель Н.* Мандельштам в Воронеже. М., 1992. С. 15.

¹⁹ Сведения о людях, которых посещали Мандельштамы, и тех, кто приезжал к ним в Савёлово, взяты из следующих источников: *Дутли Р.* Век мой, зверь мой. Осип Мандельштам: Биография. СПб., 2005. С. 334–335; *Мандельштам Н.* Указ. соч. С. 28–31; *Штемпель Н.Е.* Автобиография // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. Воронеж, 1990. С. 534.

²⁰ *Швейцер В.* Указ. соч. С. 235–253.

²¹ Там же. С. 235.

²² См.: Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. С. 228, 308. Из комментариев к стихотворениям О.Э. Мандельштама, подготовленных Н.Я. Мандельштам.

²³ *Швейцер В.* Указ. соч. С. 235–253.

²⁴ См.: *Дутли Р.* Указ. соч. С. 335.

²⁵ *Швейцер В.* Указ. соч. С. 238.

²⁶ *Швейцер В.* Указ. соч. С. 245, 246.

²⁷ Там же. С. 253.

²⁸ Олег Лавров: «Мандельштам – одна из ярких фигур мировой культуры и литературы» [Интервью взял В.В. Коркунов] // Литературная гостиная. 2009. № 5–6 (44–45). Апр.

²⁹ См.: *Коркунов В.В.* «Воскресну я сказать, что солнце светит...» // НГ-Exlibris. 2011. 22 дек. К открытию мемориальной доски в Кимрах пришло приветственное слово от Мандельштамовского общества, опубликованное в «Литературной гостиной» [2011. № 11 (78). Дек.] Приводим его полностью: «Дорогие жители Кимр и Савёлова! Многоуважаемые присутствующие, читатели нашей родной поэзии, любители отечественной культуры и подлинной нашей истории, от знания которой, несомненно, зависит не только наше прошлое и настоящее, но и, конечно, наше будущее.

Дорогие инициаторы установления памятной доски Осипу Мандельштаму на здании городского театра, то есть местные краеведы, прежде всего Владимир Владимирович Коркунов, коллектив Государственного театра драмы и комедии города Кимры и, конечно, непосредствен-

ный организатор этого события, вдохновенный и просвещенный художественный руководитель театра, Народный артист Олег Алексеевич Лавров!

Открывая эту памятную доску, Кимры и Савёлово становятся в ряд городов, где в течение миновавших двадцати лет уже увековечена память поэта – мемориальными досками и памятниками. Это Москва, Санкт-Петербург, Чердынь, Воронеж, Владивосток, Париж, Гейдельберг... Перечень этот, по-видимому, в ближайшее время будет продолжен.

Позвольте от имени Международного мандельштамовского общества поздравить вас с этим знаменательным событием и поблагодарить за увековечение в вашем городе памяти замечательного русского и европейского поэта, Осипа Эмильевича Мандельштама, чей 120-летний юбилей широко отмечается в этом году в нашей стране и за ее рубежами.

Осип Мандельштам со своей женой Надеждой Яковлевной провели в Савёлово не так уже и много времени – летние и осенние месяцы 1937 года. Сюда приезжала к ним в гости их воронежская подруга, Наталья Евгеньевна Штемпель. В нескольких стихах поэта отразилась атмосфера этих мест, а позднее о них вспоминали и Надежда Яковлевна, и Наталья Евгеньевна. Место было наполовину навязано государством, запрещавшим вернувшимся из ссылки гражданам проживать ближе чем в “стоверстной зоне” от нашей столицы, крупных городов, республиканских и областных центров.

Но временем поэта, его вдохновением, государство не всегда могло распоряжаться с той тоталитарной полнотой, к какой оно стремилось. И это были счастливые месяцы, заполненные стихами, волжской природой, приездами друзей и тайными поездками в Москву.

С этими местами связаны последние дошедшие до нас стихи 1937 года, созданные уже после Воронежа и, с легкой руки Викторини Александровны Швейцер, которая впервые отыскиала их почти четыре десятилетия тому назад, объединяемые в так называемый “Савёловский цикл”. Это наименование и закрепилось в мандельштамоведении относительно почти всех дошедших до нас стихов Мандельштама после

Воронежа. По-видимому, пейзажами, увиденными в Савёлове, в ваших родных Кимрах, навеяны детали по крайней мере двух стихотворений цикла – “На откосы, Волга, хлынь...” и “Пароходик с петухами...”. Рядом с датировкой этих стихотворений, “лето 1937 года”, стоит и место: “Савёлово”.

Впервые о пребывании поэта в Савёлове упомянула Надежда Яковлевна на страницах своих “Воспоминаний”, завершенных к середине 60-х годов и вышедших в свет за рубежом в 1970 г.

А несколько лет спустя Виктория Александровна Швейцер нашла стихи “Савёловского цикла” – видимо, лишь некоторую их часть, потому что, судя по тому, как это запомнилось и Надежде Яковлевне, и Наталье Евгеньевне Штемпель, стихотворений после Воронежа было больше, но они пропали при выемке в ходе последнего ареста поэта (май 1938).

Тем не менее, благодаря этим стихам, благодаря Савёлову и Кимрам, в стихи поэта, наряду с Уралом, Камой, Доном, Тоболом и Обью, вошла самая известная русская река, великая Волга...

Поскольку мы традиционно живем от юбилея к юбилею, напомним еще раз, что этот год отмечен чтениями и конференциями, посвященными 120-й годовщине со дня рождения Осипа Эмильевича, что в летние месяцы будущего года минет 75 лет с тех пор, как они с Надеждой Яковлевной приехали в Кимры, а в конце 2013 года будет, наверно, отмечаться 75-я годовщина гибели поэта.

Мандельштамовское общество особенно радуется, что инициативы по увековечению памяти Мандельштама в последнее время начали возникать и безо всякой инициации с нашей стороны: “Аэрофлот” назвал именем Осипа Мандельштама один из своих новых лайнеров, а теперь вот и доска в Кимрах. Это становится как бы само собой разумеющимся, и Мандельштамовское общество счастливо приветствовать этот процесс.

Не только память о поэте и любовь к его стихам собрали нас здесь сегодня, но и надежда на то, что трагедии нашей истории, драматическим личным переживанием

которых пронизаны стихи Мандельштама, может быть, не повторяется более с такой страшной силой и в таких ужасающих масштабах. И наши писатели, поэты, художники и музыканты смогут свободно творить, печататься, выставляться и самовыражаться в нашей стране, не платя за свой талант, искренность и честность, за свои взгляды и убеждения собственной свободой, а то и самой жизнью, как это не раз случалось в разные периоды нашей истории.

Некоторой порукой тому, что подобные надежды небеспочвенны, служит открываемая сегодня мемориальная доска, увековечивающая в вашем родном Савёлове, в ваших Кимрах память трагически загубленного поэта Осипа Эмилевича Мандельштама.

Павел НЕРЛЕР, председатель правления Мандельштамовского общества.

Юрий ФРЕЙДИН, заместитель председателя правления Мандельштамовского общества».

³⁰ Нерлер П. «С гурьбой и гуртом»... С. 32. Интересны события, произошедшие в день похорон Н. Мандельштам, о чем мне поведала Белла Ахмадулина осенью 2008 г.: «Был зимний день. Скромные ее приспешники шли, пели церковно. Горели свечи. Все прохожие смотрели на эту процессию. А когда опускали гроб в могилу, раздался гром огромной силы. Но не утрашающий, а благородный».

Содержание

От составителей	5
-----------------------	---

МАНДЕЛЬШТАМ И ПОЛЬША

Польский венок Мандельштаму

<i>Artur Międzyrzecki / Артур Мендзыжецкий</i> A na północ półnagi półbosy... Переводы В. Британишского, Е. Рашковского, Н. Горбаневской	11
<i>Wiktor Woroszyński / Виктор Ворошильский</i> Osip i Nadieżda Перевод В. Британишского	13
Ekspонат w muzeum literatury Перевод В. Британишского	13
<i>Jacek Bierezin / Яцек Березин</i> Mandelsztam Перевод И. Булатовского	17
<i>Adam Zagajewski / Адам Загаевский</i> W encyklopedii znowu zabrakło miejsca... Перевод Н. Горбаневской	20
<i>Jacek Kaczmarski / Яцек Качмарский</i> Zmartwychwstanie Mandelsztama Перевод Н. Горбаневской	22
<i>Adam Potorski / Адам Поморский</i> Na niebie piekło komet... Перевод Н. Горбаневской	25
<i>Piotr Mitzner / Петр Мицнер</i> Z poematu "Miasto Piotra" Перевод Н. Горбаневской	26

Осип Мандельштам в Польше

<i>Виктор Драницин, Павел Нерлер</i>	
К истории «нелепой поездки» Осипа Мандельштама в Варшаву в декабре 1914 г. Обзор версий и предположений	28
<i>Петр Мицнер</i>	
Начало восприятия Мандельштама в Польше (1925–1947)	52
<i>Адам Поморский</i>	
Мандельштам в Польше	61
<i>Ивона Смолька</i>	
Рышард Пшибыльский – создатель польской улицы Мандельштама	85
<i>Анн Фэвр-Дюпэгр</i>	
Неожиданный «тамиздат»: стихи Мандельштама в Польше 1980-х гг.	98

БИОГРАФИЯ

<i>Ирэна Вербловская</i>	
О Вербловских: Некоторые сведения о родне О.Э. Мандельштама по материнской линии	105
<i>Марина Сальман</i>	
Об одном фрагменте в «Шуме времени» О.Э. Мандельштама	116
<i>Леонид Видгоф</i>	
Вокруг поэта: «гражданин Пусловский», «Александр Герцович, еврейский музыкант» и «доктор Герцберг»	159
<i>Леонид Кацис</i>	
Осип Мандельштам в «Вечерней Красной газете» 1925–1929 гг.: от еврейского театра до анонимных аннотаций	174
<i>Полина Поберезкина</i>	
Мандельштам и киевская печать: предварительные заметки	211

<i>Борис Фрезинский</i>	
Мандельштамы и Эренбурги	230
<i>Мариэтта Чудакова</i>	
М. Булгаков и О. Мандельштам: материалы к теме	249
<i>Владимир Коркунов</i>	
Временное пристанище: «Дачные каникулы»	
Осипа Мандельштама	281

ШТУДИИ

<i>Сергей Василенко</i>	
К проблеме установления авторского текста	
в стихах Осипа Мандельштама	309
<i>Олег Лекманов</i>	
Мандельштам-акмеист глазами критики:	
1912–1917 гг.	321
<i>Роман Тименчик</i>	
Еще раз о поэтическом диалоге	
Ахматовой и Мандельштама	328
<i>Юрий Фрейдин</i>	
Несколько наблюдений о противоречивых	
конструкциях в стихотворениях О. Мандельштама:	
«Поэтика противоречий», I	351
<i>Лада Панова</i>	
«Друг Данте и Петрарки друг». <i>Статья 2.</i> Русские	
трели итальянского соловья (еще раз о 311-м сонете	
Петрарки в переводе Мандельштама)	364
<i>Александр Жолковский</i>	
Заметки о стихотворении	
«Сохрани мою речь навсегда...»	411
<i>Евгений Сошкин</i>	
«Смуглые щеки Ламарка»	432
<i>Ирина Сурат</i>	
Ясная догадка	448
<i>Наталья Петрова</i>	
«Портновское дело» О. Мандельштама	476
<i>Анна Еськова</i>	
Мандельштам и Белинский	488

<i>Генрих Киришбаум</i>	
«Я не Генрих Гейне...»: к вопросу об отношении О. Мандельштама к Г. Гейне	500
<i>Анна Фэвр-Дюпэгр</i>	
Мандельштамовский Данте: прообраз поэта-музыканта	517
<i>Владимир Микушевич</i>	
Одно широкое и братское лазорье: Осип Мандельштам – поэт европейского единства	536

РЕФЛЕКСИИ

<i>Владимир Микушевич</i>	
Возвращение к соловью: Осип Мандельштам в немецком переводе	549
<i>Наталья Горбаневская</i>	
Цикады и осы: заметки из практики стихотворца ...	556
<i>Алексей Тепляков</i>	
«В Петербурге мы сойдемся снова...»	569
<i>Сергей Соловьев</i>	
Варлам Шаламов об Осипе Мандельштаме: «Не допустить, чтобы было скрыто имя...»	571
<i>Павел Нерлер</i>	
Мандельштамовский вечер на мехмате (1965): реконструкция	587

Contents

From the compilers	5
--------------------------	---

MANDELSTAM AND POLAND:

a Polish wreath for Mandelstam

<i>Artur Międzyrzecki /</i> A na północ półnagi półbosi... <i>Translated by W. Britaniszki, E. Raszkowski,</i> <i>N. Gorbanovskaya</i>	11
<i>Wiktor Woroszyński /</i> Osip i Nadzieja <i>Translated by W. Britaniszki</i> Ekspozat w muzeum literatury <i>Translated by W. Britaniszki</i>	13
<i>Jacek Bierezin /</i> Mandelsztam <i>Translated by I. Bulatowski</i>	17
<i>Adam Zagajewski /</i> W encyklopedii znowu zabrakło miejsca... <i>Translated by N. Gorbanevskaya</i>	20
<i>Jacek Kaczmarski /</i> Zmartwychwstanie Mandelstama <i>Translated by N. Gorbanevskaya</i>	22
<i>Adam Pomorski /</i> Na niebie piekło komet... <i>Translated by N. Gorbanevskaya</i>	25
<i>Piotr Mitzner /</i> Z poematu "Miasto Piotra" <i>Translated by N. Gorbanevskaya</i>	26

Osip Mandelstam in Poland

<i>Viktor Dranitsin, Pavel Nerler</i>	
On the story of Osip Mandelstam's "silly trip" to Warsaw in December 1914 (the review of hypotheses)	28
<i>Piotr Mitzner</i>	
The beginning of Mandelstam's perception in Poland (1925–1947).....	52
<i>Adam Pomorski</i>	
Mandelstam in Poland	61
<i>Iwona Smolka</i>	
Richard Prsibylski, the creator of Mandelstam's Polish street	85
<i>Anne Fairve-Dupaigre</i>	
An unexpected foreign publication: Mandelstam's poems in Poland of the 1980s	98

BIOGRAPHY

<i>Irena Verblowskaya</i>	
On the Verblowskis: some evidence on O. Mandelstam's maternal relatives	105
<i>Marina Salman</i>	
On one fragment of O. Mandelstam's <i>Noise of Time</i>	116
<i>Leonid Vidgof</i>	
Around the poet: "citizen Puslowzki", "Aleksander Herzowicz, Jewish musician" and "doctor Herzberg".....	159
<i>Leonid Katzis</i>	
Osip Mandelstam in "Vechernaya Krasnaya gazeta" of 1925–1929: from the Jewish theatre to anonymous abstracts	174
<i>Polina Poberizkina</i>	
Mandelstam and the Kiev stamp (preliminary notes)	211

<i>Boris Frezinsky</i>	
The Mandelstams and the Erenburgs	230
<i>Marietta Chudakova</i>	
M. Bulgakov and O. Mandelstam (materials on the subject)	249
<i>Vladimir Korkunov</i>	
A temporary retreat. Osip Mandelstam's "dacha holidays".	281

THE STUDIES

<i>Sergey Vasilenko</i>	
On the difficulty of establishing the author's text in Osip Mandelstam's poems	309
<i>Oleg Lekmanov</i>	
Mandelstam's Acmeism in criticism (1912–1917)	321
<i>Roman Timenchik</i>	
Akhmatova and Mandelstam	328
<i>Yuri Freidin</i>	
Some observations about the contradictory constructions in O. Mandelstam's poems (The Poetics of Contradictions, I)	351
<i>Lada Panoʻa</i>	
Dante's friend and Petrarch's friends. Article 2. The Russian warbles of the Italian nightingale (back to Sonnet 311 in Mandelstam's translation)	364
<i>Aleksandr Zholkovsky</i>	
Some remarks on <i>Keep my words forever</i>	411
<i>Evgeny Soshkin</i>	
Lamarck's <i>Swarthy Cheeks</i>	432
<i>Irina Surat</i>	
A clear guess	448
<i>Natalya Petrova</i>	
O. Mandelstam's Taylor's Business	476
<i>Anna Eskova</i>	
Mandelstam and Belinsky	488

Heinrich Kirschbaum

- "I'm not Heinrich Heine...": on O. Mandelstam's
attitude to H. Heine 500

Anne Faivre-Dupaigre

- Mandelstam's Dante: the prototype
of the poet-musician 517

Vladimir Mikushevich

- One broad brotherly blueness
(Osip Mandelstam as a poet of European unity) 536

REFLEXIONS

Vladimir Mikushevich

- The return to the nightingale
(Osip Mandelstam in German translation) 549

Natalya Gorbanevskaya

- Cicadae and wasps
(Remarks from the poet's practice) 556

Aleksey Teplyakov

- "We will meet again in Petersburg" 569

Sergey Solov'ev

- Varlam Shalamov on Osip Mandelstam:
Not to let the name be forgotten 571

Pavel Nerler

- A Mandelstam event at the faculty of mechanics
and mathematics (1965): a reconstruction 587

Roots, shoots, fruit... Mandelstam days in Warsaw

The reports made at the 4th Mandelstam Readings held on September 18–22, 2011, comprise the best part of the book, but it also includes other articles on the life and works of Mandelstam.

The first part called *Mandelstam and Poland* deals with interactions between the Russian poets life and Polish culture, the second part offers several studies of the poet's biography, the third part – *the Studies* – is made up by articles on different aspects of Mandelstam's textual studies and poetics. The part *Reflexions* includes materials on Mandelstam's perception in the Russian cultural history.

The book comprises a wide spectrum of voices and different approaches to Mandelstam, from academic ones to poetic ones. Among those who supplied their writing for this collection are Adam Pomorski, Iwona Smolka, Pyotr Mitzner, Anne Faivre-Dupegre, Sergey Vasilenko, Irena Verblovskaya, Aleksandr Zholkovsky, Marietta Chudakova, Leonid Vidgof, Vladimir Mikushevich, Leonid Katsis, Oleg Lekmanov, Natalya Gorbanevskaya, Uriy Freidin, Pavel Nerler, Lada Panova, Roman Timenchik, Boris Frezinsky, Irina Surat, Pavel Uspensky, Anna Yeskova, Natalya Petrova, Heinrich Kirschbaum etc.

The book is intended for specialists, philology students and general readership.

К67 **Корни, побеги, плоды...: Мандельштамовские дни в Варшаве: В 2 ч. Ч. 1 / Сост. П.М. Нерлер, А. Поморский, И.З. Сурат; редкол.: А.Д. Еськова, О.А. Лекманов, П.М. Нерлер, А. Поморский, И.З. Сурат. – М.: РГГУ, 2014. – 306 с.**
ISBN 978-5-7281-1669-1
ISBN 978-5-7281-1679-0

Основу сборника составили доклады и сообщения VI Мандельштамовских чтений, прошедших 18–22 сентября 2011 г. в Варшаве; вошли в него и другие исследования жизни и творчества Мандельштама.

Первый раздел – «Мандельштам и Польша» – посвящен скрещению судеб русского поэта и польской культуры, во втором разделе представлены исследования биографии поэта, третий раздел – «Штудии» – составили статьи, посвященные различным аспектам мандельштамовской текстологии и поэтики. В разделе «Рефлексии» собраны материалы о восприятии Мандельштама в русской культурной истории.

В сборнике представлен широкий спектр голосов и возможных подходов к Мандельштаму – от академических до поэтических. Среди авторов – Адам Поморский, Ивона Смолька, Петр Мищнер, Анн Фэвр-Дюпэгр, Сергей Василенко, Ирэна Вербловская, Александр Жолковский, Мариэтта Чудакова, Леонид Видгоф, Владимир Микушевич, Леонид Кацис, Олег Лекманов, Наталья Горбаневская, Юрий Фрейдин, Павел Нерлер, Лада Панова, Роман Тименчик, Борис Фрезинский, Ирина Сурат, Павел Успенский, Анна Еськова, Наталья Петрова, Генрих Киришбаум и другие.

Для специалистов, студентов-филологов и широкого круга читателей.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Научное издание

**КОРНИ, ПОБЕГИ, ПЛОДЫ...:
Мандельштамовские дни в Варшаве**

Часть 1

Редактор *Н.Н. Мельникова*

Художник *В.Н. Хотеев*

Корректор *О.К. Юрьев*

Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

*Рекомендовано к изданию
Редакционно-издательским советом РГГУ*

Подписано в печать 01.11.2014
Формат 60×84 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 18,4. Уч.-изд. л. 19,3
Тираж 300 экз.
Заказ № 12

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993 Москва, Миусская пл., 6
Тел. 8 (499) 973-42-06

